

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

- Слово на новый годъ Пресвященнаго Амвросія.
Основные начала православія К. Истомина.
Архіепископъ Иннокентій Борисовъ (Біографическій очеркъ). Свѣдѣн. Т. Бутневича.
Обозрѣніе церковныхъ событій въ минувшемъ году. Ф. Садова.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Что такое философія? Профессора Московской духовной Академіи. В. Нудряцева.
Критическій обзоръ обычныхъ взглядовъ и сужденій о различныхъ видахъ общественной дѣятельности и началахъ общественнаго благоустройства. Профессора Кіевской духовной Академіи. П. Линицкаго.
Письма философа Сенени * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе листка: Опредѣленія Святѣйшаго Синода. Свѣдѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, за вторую половину 1883 года. Списокъ лицъ Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству преподано благословеніе Св. Синода безъ выдачи грамотъ. Епархіальныя извѣщенія. Извѣстія и замѣтки. Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, ПЪЯТИЦКАЯ, № 26.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ Вѣры, правилъ христіанской нравственности, пзъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской Епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства Епархіальныя вѣдомости: то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія Правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ бытѣ.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе журнала 10 руб.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ пріобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ въ редакціи новаго журнала по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В Р И

ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

Т. I. — Ч. I.

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Окружнаго Штаба, Нѣмецкая ул., д. № 26.

1884.

EP 1884 NASLOFO 00000038

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВЕСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА и РАЗУМЪ“.

т. I.—ч. I.

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

Слово на новый годъ: о средствахъ къ возвращенію утраченной вѣры.—Преосвященнаго *Аморосія* (стр. 1—10).

Основныя начала православія.—(Съ франц. изъ *L'Union chrétienne* 1880—81, апр.).—*К. Истомина* (стр. 11—36).

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ (Біографическій очеркъ).—Священ. *Т. Буткевича* (стр. 37—72, 120—153, 255—285, 465—491, 647—675, 838—854, и 935—951)*).

Обозрѣніе важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ.—*Ө. Садова* (стр. 73—82 и 204—219).

Слово—объ удовольствіяхъ (произнесенное на литургіи въ день храмоваго праздника и годичнаго акта въ Харьковскомъ Университетѣ 17-го января).—Преосвященнаго *Аморосія* (стр. 81—92).

Постепенное отпаденіе христіанскаго запада отъ православія.—Д-ра православнаго богословія Владиміра Гете (съ франц.).—*К. Истомина* (стр. 93—119, 225—254, 333—361 и 427—446).

Шлундизмъ и Пашковщина (по поводу сочиненія Германа Дальтона „*Evangelische Strömungen in der Russischen Kirche der Gegenwart.*“ Heilbronn. 1881).—** (стр. 154—203).

Слово въ день Срѣтвенія Господня: о семейномъ счастьи.—Преосвященнаго *Аморосія* (стр. 209—224).

Проповѣдническая дѣятельность Василя Михайловича Дроздова (въ послѣдствіи—Филарета, митр. Московскаго) 1803—1808 гг.—*И. Корсунскаго* (стр. 286—305 и 362—401).

*) Продолженіе—и во 2-й части: см. оглавленіе.

- Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича: объ общественномъ мнѣніи.—Преосвященнаго *Амвросія* (стр.) 321—332.
- Греческіе Силлоги.—*Амб. Лебедева* (стр. 402—409).
- Слово, произнесенное на литургіи преждеосвященныхъ даровъ 1-го марта въ Харьковскомъ Каѳедральномъ Соборѣ: о самоизвиненіи.—Преосвященнаго *Амвросія* (стр. 417—426).
- Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія.—*Т. Стоянова* (стр.) 447—464 и 526—539.
- „Живое слово“. (Статья)—Преосвященнаго *Амвросія* (стр. 495—503, 553—567 и 700—711).
- Папство и Арнольдъ Брепіанскій.—*Вл. Бузескула* (стр. 504—525 и 568—592).
- Воспомянія изъ священнической практики во время холеры, бывшей въ 1848 году.—Протоіерея *С. Илларионова* (стр. 540—552).
- Отзывы печати о журналѣ „Вѣра и Разумъ“.—*Т. Стоянова* (стр. 593—646 и 952—997) *).
- Очеркъ исторіи благотворительности въ русской Церкви. *А. Вертеловскаго* (стр. 676—699 и 754—775).
- Слово, сказанное въ день празднованія совершеннолѣтія Благочестиваго Государя Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича 6-го мая, въ Харьковскомъ Каѳедральномъ Соборѣ: о нашихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ потомству.—Преосвященнаго *Амвросія* (стр. 713—724).
- Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея Священнаго Союза.—Профессора Императорскаго Харьковскаго Университета *В. Надлера* (стр. 725—753, 803—837 и 883—933) **).
- Къ исторіи первыхъ людей. Первоначальное состояніе чело-вѣка и его грѣхопаденіе.—Священ. *Гр. Дьяченко*. (стр. 777—802 и 855—882).

*) Окончаніе—во 2-й части: см. оглавленіе.

***) Продолженіе—во 2-й части: см. оглавленіе.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Января 14 дня 1884 года.

Цензоръ Протоіерей *Т. Павловъ.*

СЛОВО

НА НОВЫЙ ГОДЪ

Преосвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго

О СРЕДСТВАХЪ КЪ ВОЗВРАЩЕНІЮ УТРАЧЕННОЙ ВѢРЫ.

*Мы-же проповѣдуемъ Христа распя-
та, Иудеи же убо соблазнь, Еллиномъ-же
безуміе: самимъ-же званымъ Иудеи-же
и Еллиномъ Христа Божію силу и Бо-
жію премудрость (1 Кор. 1, 23, 24).*

Нашъ вѣкъ справедливо называютъ вѣкомъ невѣрія. Невѣріе проповѣдуетъ новѣйшая наука; въ невѣріи закрѣпляетъ людей современная общественная жизнь, неудержимо влекущая всѣхъ въ бурный потокъ работъ, хлопотъ, суеты, развлеченій и чувственныхъ наслажденій. По одному взгляду на этотъ самонадѣянный, мятущійся и озабоченный міръ, можно рѣшить, что здѣсь мало мѣста и времени для духовнаго служенія Богу, къ Которому призываетъ вѣра. Но этотъ міръ еще не отрекся отъ имени міра христіанскаго, хотя многіе въ немъ относятся съ отрицаніемъ и даже съ ненавистью къ самому имени вѣры христіанской. У большинства-же людей нашего времени, увлекаемыхъ потокомъ современнаго знанія и жизни, по временамъ пробуждается и вздрагиваетъ совѣсть, сохраняющая остатки уроковъ христіанскаго воспитанія; у многихъ закрадывается и тоска въ сердце, утратившее благодатныя впечатлѣнія и ощущенія вѣры неспытанныя въ раннемъ возрастѣ. Но изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые уже рѣшили, что эти тихія и сладостныя ощущенія вѣ-

ры принадлежатъ только дѣтству и ранней юности, которыя живутъ только сердцемъ и воображеніемъ, но что они не возвратимы для людей созрѣвшихъ въ знаніи и опытѣ жизни. Другіе напротивъ желаютъ и не отрицаютъ возможности ихъ возвращенія, но не знаютъ, съ чего начать и какъ выбиться изъ мрака сомнѣній и недоумѣній.

Есть впрочемъ у насъ и опыты возвращенія отъ невѣрія къ вѣрѣ, но они большею частію таковы, что не могутъ служить для другихъ руководящими и спасительными примѣрами. Здѣсь несчастіе наше въ томъ, что нынѣ у насъ извращены и самыя понятія о возвращеніи отъ невѣрія къ вѣрѣ. Кто пересталъ глумиться надъ христіанскою вѣрою, отрицать и корить ея ученіе и учрежденія, или составилъ себѣ свое собственное религіозное міросозерцаніе, того называютъ уже увѣровавшимъ. Кто послѣ долгихъ лѣтъ не только невѣрія, но и писательства въ духѣ невѣрія обратился къ Библии и ученію Церкви и въ гордомъ сознаніи своего признаннаго литературнаго таланта начинаетъ хозяйничать въ области вѣры и все переставляетъ и перетолковывать по своему, того почитаютъ уже богословомъ. Наконецъ, кто послѣ глумленія надъ вѣрою сталъ заниматься со страстію современными упражненіями въ вызываніи духовъ, о томъ радуются что онъ увѣровалъ въ бытіе *другаго міра*, не подозрѣвая того, что эта вѣра хуже невѣрія; потому что отъ невѣрія есть возможность обратиться къ вѣрѣ истинной, а отъ общенія съ духами сомнительнаго достоинства, или прямо сказать *злыми*, не легко обратиться ко Христу, такъ какъ они рѣдко расстаются съ тѣми, кто добровольно отдается имъ въ руки. Самый прямой путь къ вѣрѣ по видимому избираютъ тѣ изъ нашихъ просвѣщенныхъ людей, которые, почувствовавъ неестественность и тягость состоянія невѣрія, обращаются къ христіанскимъ писателямъ, предаются ученымъ изслѣдованіямъ сравнительнаго достоинства разныхъ христіанскихъ исповѣданій и ученій съ цѣлію найти то, которое наиболѣе удовлетворитъ ихъ; но и они рѣдко выходятъ на прямой путь. Не приготовившись предварительно

къ подобнымъ изслѣдованіямъ тщательнымъ изученіемъ своей православной вѣры, они теряются въ необъятной массѣ противорѣчивыхъ мнѣній и сужденій о вопросахъ вѣры, ипадаютъ въ отчаяніе, или равнодушіе къ вѣрѣ, или-же переходятъ на сторону враговъ православія.

Гдѣ-же вѣрныя средства и прямой путь для возвращенія отъ невѣрія къ вѣрѣ? Вопросъ трудный, но не въ такой однакожь степени, чтобы мы въ сознаніи своего безсилія должны были отказаться отъ его разрѣшенія. Руководящія наставленія въ этомъ отношеніи дастъ намъ св. Апостолъ Павелъ. На необозримомъ поприщѣ своей всемірной проповѣди о Христѣ распятомъ онъ видитъ предъ собою два рода слушателей, — невѣрующихъ, для которыхъ Христосъ кажется „соблазномъ и безуміемъ“ и „призванныхъ“, для которыхъ Христосъ есть „Божія сила и Божія премудрость“. Просвѣщеніе и обращеніе невѣдущихъ и отрицающихъ Христа какъ дѣло сверхъестественное, онъ предоставляетъ непосредственно *званію Божію* (Кор. 1, 25—31), или особому дѣйствию благодати, признавая себя только орудіемъ въ рукахъ Божіихъ, а съ призванными уже въ Церковь Божію бесѣдуетъ какъ настырь о силѣ и премудрости Божіей явленныхъ во Христѣ, и учитъ, увѣщаетъ, исправляетъ ихъ. Съ кѣмъ-же мы нынѣ имѣемъ дѣло? Съ людьми неслыхавшими о Христѣ и совершенно невѣдущими Его? Конечно, нѣтъ. Мы имѣемъ дѣло съ людьми, по слову Апостола „вкусившими благого глагола Божія и силу будущаго вѣка и отпадшими“ (Евр. 6, 5—6). Но и этихъ отпадшихъ отъ Христа Апостолъ раздѣляетъ на два разряда: отпадшихъ совершенно, которыхъ нельзя уже „обновлять покаяніемъ, когда они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему“, и близкихъ къ раскаянію, которымъ и говоритъ: „впрочемъ о васъ, возлюбленные, мы надѣемся, что вы въ лучшемъ состояніи“ (Евр. 6, 6—9). Теперь ясно и наше положеніе относительно проповѣди къ невѣрующимъ нашего времени. Имѣя дѣло съ *отпадшими* христіанами, мы сами не можемъ рѣшить, какъ далеко они уклонились отъ Христа: подобны

ли души ихъ по слову того-же Апостола „землѣ производящей тернія и волчцы, негодной, и близкой къ проклятію“ (8), или они еще „въ лучшемъ состояніи“. Это вѣдомо единому Богу. Но наша обязанность о всѣхъ молиться, ни о комъ не терять надежды и затѣмъ всѣмъ призваннымъ, какъ „вѣсившимъ благаго глагола Божія“, проповѣдывать Христа, какъ *Божію силу и Божію премудрость*.

Слѣдуя за вѣкомъ по пути просвѣщенія, мы углубились въ область знанія и туда-же перенесли нашу вѣру и оттуда заимствуемъ всѣ способы и приемы къ ея усвоенію. Для насъ вѣра стала совокупностію мыслей, и какъ первоначальнаго просвѣщенія ею невѣрующихъ, такъ и возвращенія къ ней отпадшихъ мы надѣемся достигнуть убѣдительностію и доказательностію нашихъ мыслей и познаній. Отъ того происходитъ малоуспѣшность современныхъ европейскихъ миссій между язычниками, отъ того и безнадежность въ возвращеніи къ вѣрѣ многихъ изъ христіанъ отпадшихъ. Намъ однако-же напередъ дано знать первыми проповѣдниками вѣры Христовой, что „слово и проповѣдь о ней состоятъ не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы; чтобы вѣра наша утверждалась не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей“. (1 Кор. 2, 4—5). Итакъ, кто хочетъ отъ невѣрія обратиться къ вѣрѣ, ищи не однихъ мудрыхъ словъ о вѣрѣ, а главнымъ образомъ силы вѣры: „царство Божіе не въ словѣ, а въ силѣ“ (1 Кор. 4, 20). Гдѣ-же искать силы вѣры? Тамъ, гдѣ обрѣтается всякая сила,—въ жизни. Если естественной силы природы (какъ говорятъ современные ученые) нельзя уловить безъ матеріи, то и силы вѣры нельзя ощутить безъ явленія ея въ духѣ.

Итакъ обращеніе къ вѣрѣ должно быть начинаемо возвращеніемъ къ тѣмъ опытамъ явленія ея силы въ нашемъ духѣ и жизни, которые извѣданы нами прежде. На это мы и сами указываемъ, когда говоримъ: „вѣра для сердца; мы имѣли ее въ дѣтствѣ и въ юности, но теперь утратили“. Это вѣрно, но ложно то, что эта утрата невозвратима. Одному изъ первыхъ учени-

ковъ апостольскихъ, имѣвшему высокое служеніе въ Церкви Христовой и ослабѣвшему въ трудахъ своихъ, Господь говоритъ въ Апокалипсисѣ: „ты оставилъ первую любовь твою; итакъ, вспомни, откуда ты ниспалъ, и покайся“ (Апок. 2, 4—5). По особенной способности души человѣческой возвращаться воспоминаніемъ и сознаниемъ къ давнопрошедшимъ событіямъ и обстоятельствамъ нашей жизни мы можемъ возстановлять въ сердцѣ своемъ и тѣ ощущенія счастья и несчастья, горя и радости, которыя испытывали въ извѣстные годы и на извѣстныхъ мѣстахъ: грустить тамъ, гдѣ прежде плакали, находить утѣшеніе тамъ, гдѣ прежде радовались. На эту способность нашей души отыскивать снова оставленный путь и указываетъ Господь душѣ удалившейся отъ Него: „вспомни, откуда ты ниспалъ“. Великое преимущество жизни духовной надъ нашею обыденною землею жизнью состоитъ въ томъ, что тамъ нѣтъ этой смѣны лицъ, мѣстъ и обстоятельствъ, которыя при перемѣнахъ земныхъ, какъ невозвратныя, намъ приходится возстановлять только въ воспоминаніи; въ области духа напротивъ найдешь неизмѣннымъ все, что прежде видѣлъ, и на томъ именно мѣстѣ, гдѣ оставилъ, только „вспомни первую любовь твою“. Иди туда, гдѣ сердцемъ чувствовалъ присутствіе иѣкогда любимаго Христа, и опять найдешь Его тамъ; вспомни, что, и гдѣ, и при какихъ условіяхъ приводило тебя въ духовное настроеніе, исторгало изъ глазъ твоихъ слезы раскаянія, умиленія, или радости; поставь себя въ тѣже условія, и опять испытаешь эти святые чувства; вспомни счастливые годы невинности, мира совѣсти, бодрости душевной, возврати себѣ правоту покаяніемъ,—и все найдешь, какъ оставилъ, все возстановишь, какъ будто никогда не терялъ. Притупляются чувства тѣлесныя, утрачивается живость впечатлѣній въ тѣхъ частяхъ нашей души, которыя обращены къ внѣшнему міру и живутъ только тѣлесными ощущеніями и наслажденіями, но для духа, для его стороны обращенной къ міру горнему, нѣтъ ни старости, ни истощенія; только нужно ему пробужденіе и прозрѣніе въ міръ духовный,—и тамъ стоитъ Христосъ ожидаю-

щій принадлежащую Ему душу, Имъ искупленную и святыми Таинствами усвоенную. Это не будутъ только мысли, это будетъ дѣйствительная жизнь, это будетъ откровеніе сердцу Христа—Божіей силы. Мы забыли, что мы не язычники, а возрожденные во Христа, что въ насъ есть *новый человекъ*, который ждетъ только пробужденія, чтобы почувствовать Христа и ожить силою Божіею (Еф. 5—14). Безъ этого ощущенія присутствія въ насъ высшаго духовнаго начала и возможности высшей духовной жизни вѣра навсегда останется для насъ собраніемъ отвлеченныхъ мыслей, или даже мечтою.

Эти опыты возвращенія сладостныхъ ощущеній жпвой вѣры прпводятъ насъ къ внутреннему общенію съ самимъ источникомъ этой силы, — Христомъ Спасителемъ. Мы въ своей безумной гордости Его святое Евангеліе смѣшали съ книгами и науками человѣческими, извлекаемъ изъ него только мысли, сопоставляемъ ихъ съ нашими научными познаніями и составляемъ себѣ собственныя системы религіозныхъ возрѣній и убѣжденій. Эти возрѣнія и убѣжденія и составляютъ ту сѣть, тотъ туманъ, который закрываетъ отъ насъ Его живой и свѣтозарный образъ. Душа наша лично соединена съ Нимъ родственною, кровною связью, какъ съ Искупителемъ, Богочеловѣкомъ, пріявшимъ въ воплощеніи нашу человѣческую природу и положившимъ за насъ душу Свою. Онъ всегда дастъ намъ таинственно почувствовать Свое присутствіе, когда мы искренно того пожелаемъ, и какъ должно себя приготпвимъ. Онъ неотлучно пребываетъ и при святомъ Своемъ Евангеліи и Самъ полагаетъ сѣмена Своего ученія на сердца наши когда они открыты. Онъ для нашей памяти и живаго представленія о Немъ оставилъ намъ въ евангельскихъ повѣствованіяхъ какъ-бы Себя Самаго въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, изъ коихъ каждое свидѣтельствуемъ намъ о безпредѣльной любви Его къ намъ и желаніи только нашего блага и спасенія. Вотъ вы видите Его окруженнымъ народомъ, въ униженіи и бѣдности проходящимъ города и веси съ Своею проповѣдью, ко всѣмъ милостивымъ, всѣхъ пріемлющимъ, исцѣляющимъ, прощающимъ; вы

слышите Его призывный голосъ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи*. Смирите свою гордость, падите въ Его ноги, и сложите у нихъ бремя вашего невѣрія, вашихъ сомнѣній и сердечной тоски. Вѣра есть Его даръ (Еф. 2, 8). Ее просили у Него Апостолы, когда пзнемогали въ пзумленіи отъ Его непонятныхъ словъ и чудныхъ дѣлъ: *Господи, приложи намъ вѣру* (Лук. 17, 5). Къ Нему скорбящіе люди, нуждавшіеся въ Его помощи, но не имѣвшіе потребной для полученія ея вѣры, зывали со слезами: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!* (Мар. 9, 24). Отъ Него за проявленіе искренней, сердечной вѣры получали и благодаренія: *буди тебѣ яко-же хочещи* (Мат. 15, 28), *вѣра твоя спасе тя, иди въ миръ* (Мар. 5, 31). Оставьте ученую гордость, которую Господь такъ строго осудилъ въ лицѣ смѣявшихся надъ Нимъ фарисеевъ: „что высоко у людей, то мерзость предъ Богомъ“ (Лук. 16, 15). Оставьте праздна мудрованія, упростите себя, отдайтесь влеченію своего сердца и прямому, честному внушенію вашей совѣсти, *примите, по слову Господа, царствіе Божіе яко отроча* (Мар. 10, 15),—и вы почувствуете въ душѣ своей не ту вынужденную холодную вѣру, или только согласіе, какое является иногда въ васъ вслѣдствіе неотразимыхъ доказательствъ божественнаго достоинства Спасителя, а тотъ живой порывъ, за который св. Апостоль Петръ получилъ высокія обѣтованія: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живо* (Мат. 16, 16). Только эта вѣра и есть вѣра спасительная, потому что она объемлетъ и усволяетъ себѣ Христа со всѣми благодатными дарованіями, уготованными Имъ для нашего совершенства и блаженства. Такою только вѣру Онъ и приметъ отъ насъ, такой отъ насъ и требуетъ. Вспомните исторію слѣпорожденнаго, который съ тѣмъ и родился слѣпымъ, чтобы „на немъ явился дѣла Божіи“ (Іоан. 9). Когда онъ своимъ простымъ здравымъ смысломъ посрамилъ ученыхъ фарисеевъ, исповѣдалъ мужественно предъ синедріономъ благоговѣніе къ ненавистному Іудеямъ своему Иисусу Христу, какъ пророку Божію, еще не зная кто Онъ, когда наконецъ онъ, какъ отлученный, пзгнакъ былъ изъ синагоги, — Господь Самъ нашелъ его въ толпѣ народа и спро-

силъ его: „ты вѣруешь ли въ Сына Божія?“ Готовый на все, что прикажетъ ему величайшій его благодѣтель, онъ только спрашиваетъ: „кто онъ, Господи, чтобы я вѣровалъ въ Него?“ И получаетъ въ отвѣтъ: „и видѣлъ ты Его, и онъ говоритъ съ тобою“, воскликнулъ: „вѣрую, Господи! и поклонился Ему“. Но вдумайтесь и въ заключительныя слова Христа Спасителя, сказанныя по поводу этого событія: „на судъ Я пришелъ въ міръ сей, чтобы не видящіе видѣли, и видящіе стали слѣпы (Іоан. 9, 35—39).“

Но очевидно, что мы должны оставить всякую надежду на возвращеніе себѣ живой вѣры при томъ глубокомъ погруженіи въ чувственную жизнь, какое нынѣ себѣ позволяемъ. Мы совершенно отделились въ рабство плоти: трудимся до изнеможенія не для пріобрѣтенія необходимаго только въ жизни, но для умноженія удобствъ, которымъ нѣтъ конца, для роскоши и наслажденій. Мы слишкомъ утомлены этою работою, чтобы принять на себя еще и духовный трудъ. У насъ нѣтъ времени ни для размысленія, ни для молитвы. Немногими нынѣ читаются книги научныя, а большинствомъ только литературныя и текущія извѣстія о современной жизни, гдѣ для забытаго духа ничего нѣтъ. Невоздержаніе утучняетъ наше тѣло, и оно какъ тяжелая гиря виситъ на душѣ нашей, какъ камень гнететъ и придавливаетъ ее къ землѣ. Игры называемыя невинными, которыми мы почитаемъ себя вправѣ заниматься въ видѣ отдыха отъ нашихъ дѣлъ, лишаютъ насъ богослуженія; такъ какъ въ вечернее время наканунѣ праздниковъ мы играемъ, а утромъ въ самые праздники, утомленные игрою, спимъ до полудня. Наслажденія изящными искусствами, удовлетворяя нашему эстетическому чувству, и раздражая его, притупляютъ въ насъ вкусъ къ духовнымъ утѣшеніямъ, а для нѣкоторыхъ совѣтъ замѣняютъ религію и по убѣжденіямъ и по упражненіямъ. Гдѣ же тутъ возможность пробудиться духу? Когда ему обратиться съ силами? Когда и гдѣ познакомиться съ духовными опытами? Между тѣмъ божественное откровеніе ясно даетъ намъ понять, что въ нашихъ рукахъ все, по которымъ съ точностію мы можемъ опредѣлять наше нравственное состояніе: что на одну чашу этихъ

вѣсовъ, на сторону плоти переложено, то составляетъ ущербъ духу; что напротивъ переложено на сторону духа, то составляетъ его вѣчное приобрѣтеніе, а тѣлу облегченіе, чтобы оно могло служить послушнымъ орудіемъ для духа (Гал. 5, 17. 2 Кор. 4, 16). Вѣчная истина: нельзя работать двумъ господамъ, -- Богу и богатству или роскоши и ея наслажденіямъ (Мат. 6, 24). Итакъ, нельзя возвратитъ себѣ живой вѣры, не приготовивши для нея почвы, на которой она должна произрастать. Одно слушаніе разныхъ религіозныхъ чтеній и бесѣдъ, одни минутные разговоры о религін здѣсь не помогутъ. Всѣ помысленія о вѣрѣ и духовныхъ предметахъ у людей пресыщенныхъ, по выраженію блаженнаго памяти Митрополита Филарета, похожи не болѣе, какъ „на паръ, который носится надъ теплыми кушаньями“.

Вы, конечно, ожидаете сл., что всѣ наши разсужденія о необходимости духовныхъ упражненій, внутренняго общенія со Христомъ, борьбы съ плотію окончатся тѣмъ, что мы пригласимъ *отпадшихъ* къ возвращенію въ Церковь. Истинно такъ. Откуда у нихъ эта неустойчивость мыслей и неувѣренность въ своихъ убѣжденіяхъ? Откуда это блужданіе отъ одного учителя къ другому? Откуда равнодушіе и даже ,отвращеніе къ жизни не смотря на то, что отворены двери ко всѣмъ наслажденіямъ плоти? Всему одна причина: удаленіе изъ дома отеческаго, гдѣ душа родилась новымъ благодатнымъ рожденіемъ для вѣчной жизни, гдѣ „вкусилла дара небеснаго и сплъ будущаго вѣка и содѣлалася причастницею Духа Святаго“ (Евр. 6, 5, 6). Мы опускаемъ изъ виду, что Господь не слово только Свое далъ намъ, но и основалъ Свою Церковь, которой и завѣщаль надлежащее употребленіе Его слова, въ которой и водворилъ Св. Духа Божія и съ Нимъ всѣ дарованія необходимыя для духовной жизни нашей (1 Пет. 1, 3). Она, святая православная Церковь, эта родина нашего духа, стоитъ передъ нами во всей своей вѣчной силѣ и красотѣ. Въ ней истинное разумѣніе ученія Христова; въ ней наставленія для надлежащаго приложенія его къ жизни; въ ней степени и образцы нравственнаго восхожденія къ совершенству; въ ней наши духовныя утѣшенія и

радости, въ ней и залогъ нашего вѣчнаго спасенія и блаженства. Вы ее оставили потому, что не устроились еще въ ней, какъ должно, потому что бѣжали изъ нея не достигши возмужалости ни въ духовномъ вѣдѣнн, ни въ жизни. По притчѣ Спасителя, вы, какъ овцы бѣжавшія изъ своего двора и распуганныя, ходите по дворамъ чужимъ не пригрѣтыя и духовно голодныя; забыли своего Пастыря и не признаете своихъ *именъ*, которыми Онъ тихо и таинственно въ вашей совѣсти называетъ васъ и приглашаетъ къ возвращенію (Іоан. 10). Возвратитесь. Только здѣсь, въ домѣ Божіемъ вы познаете Христа не только какъ *Божію силу*, но и какъ *Божію премудрость*, устрояющую спасеніе всѣхъ призванныхъ къ вѣрѣ и ваше собственное.

Многіе скажутъ: все это намъ извѣстно. Такъ,—но больше по слухамъ, а не по собственному изслѣдованію и опыту. Отъ того и не держится это *извѣстное* ни въ вашемъ умѣ, ни въ сердцѣ. Но если вамъ дѣйствительно все извѣстно, то зачѣмъ вопреки даже житейскому благоразумію вы оставляете прямой и извѣстный путь къ цѣли, и идете на распутія съ очевидною опасностію заблудиться? Въ Церкви только приносятся спасительная Жертва о грѣхахъ нашихъ; кто отъ нея уклоняется для того нѣтъ другой жертвы (Евр. 10, 26). Кто пересталъ вѣровать въ Господа Іисуса Христа, какъ Онъ Самъ зановѣдалъ вѣровать, для того „нѣтъ другого имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись“ (Дѣян. 4, 12). Аминь.

Основа начала православія *).

I.

Въ нашу эпоху, когда христіанское ученіе отвергается и даже порицается толпою людей, считающихъ себя учеными и въ тоже время совершенно незнающихъ того, въ чемъ состоитъ отвергаемое ими ученіе,—въ нашу эпоху, когда это ученіе искажено въ большей части церковей ложными преданіями или ложными толкованіями преданій; не бесполезно будетъ представить, съ возможно строгою точностію, основныя начала православія, т. е. основныя начала христіанства въ томъ видѣ, какъ ихъ всегда возвѣщала Церковь православная.

Трудъ подобнаго рода тѣмъ болѣе необходимъ, что по большей части люди наилучшимъ образомъ расположенные къ религіи, не могутъ найти въ церквахъ, въ которыхъ они родились, удовлетворенія стремленіямъ своей совѣсти. Потому-ли, что эти церкви предлагаютъ имъ единственнымъ руководителемъ Библію, вообще такъ неудовлетворительно переводимую и при этомъ еще хуже толкуемую; или потому, что они предлагаютъ этимъ руководителемъ лишь папу, который называетъ себя непогрѣшимымъ и въ тоже время самымъ рѣшительнымъ образомъ доказываетъ на опытъ свою погрѣшимость; только очевидно, что подобнаго рода руководители не могутъ приводить людей истинно совѣстливыхъ и истинно разумныхъ къ твердой и разумной вѣрѣ.

Приступая къ дѣлу, прежде всего установимъ твердо тотъ фактъ, что въ православной Церкви *господствованіе* не существуетъ. Иисусъ Христосъ сказалъ, что вѣщія общества основ-

*) Изъ L'Union chrétienne 1880—81 ann.

ваются на преобладаніи, но что этого не должно быть въ обществѣ духовномъ. И Церковь православная навсегда осталась вѣрна этой заповѣди.

Во всѣхъ другихъ церквахъ признають *господство духовенства*. И вотъ многія для избѣжанія панскаго преобладанія, добровольно подчинились свѣтской власти и ей усвоили такого рода церковныя преимущества, что напр. въ Англіи государь можетъ считаться главою церкви.

Церковь римская обоготворила *господствованіе* въ лицѣ папы, и признала за папой безусловную власть не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и мірскихъ; такъ что если-бы обстоятельства позволили реализовать панскую систему вполнѣ, то весь міръ превратился бы въ обширную *теократію*, во главѣ которой стоялъ-бы папа.

Мы говоримъ *теократію* и пользуемся въ данномъ случаѣ не болѣе какъ только общеупотребительнымъ терминомъ; потому что въ дѣйствительности Господу Богу нельзя усвоить такого царствованія, которое скорѣе можетъ быть названо совершенно противоположнымъ терминомъ (*satanocratie*).

Церковь православная признаетъ коренное различіе между свѣтскою и духовною сферою жизни, и она уживается со всякаго рода политическимъ управленіемъ, находящимся у власти въ той странѣ, въ которой она существуетъ.

Если, какъ это совершается въ Турціи, она стоитъ предъ лицомъ правительства, преслѣдующаго ее, то подчиняется ему только въ свѣтскихъ условіяхъ жизни, и, когда бываетъ надобно, терпитъ даже мученичество, только-бы сохранить свою вѣру.

Если-же, какъ это происходитъ въ Россіи, она находится предъ лицомъ правительства покровительствующаго ей, то пользуется этимъ покровительствомъ, не прибѣгая однако же къ мірской силѣ противъ иномыслящихъ; и лишь усвоетъ покровительствующему Государю все преимущества, свидѣтельствующія о ея глубокомъ уваженіи къ нему, о ея подчиненіи ему во всѣхъ свѣтскихъ отношеніяхъ, но она не усвоетъ ему ничего похожаго на господствованіе въ духовныхъ дѣлахъ.

Иезуиты, изъ желанія повредить Россіи, измыслили слѣдующее безразсудное положеніе: *Русскій Императоръ есть глава Церкви*. Воспользовавшись своимъ вліяніемъ на податливаго въ отношеніи къ нимъ Императора Павла, они, говорятъ, продиетовали ему указъ, который могъ-бы послужить основаніемъ для ихъ клеветы. Но этотъ сомнительный указъ остался мертворожденнымъ, и никогда ни одинъ Государь Россіи не усвоилъ себѣ идеи быть главою Церкви въ своей обширной державѣ. Между тѣмъ иезуиты распространили свою клевету съ такою ловкостію, что даже въ наше время можно встрѣчать цѣлую толпу людей слабоумныхъ, нерѣдко и среди свободныхъ мыслителей, повторяющихъ эту клевету.

Но люди серьезные уже стыдятся толковать, о подобной нелѣпности.

Итакъ православная Церковь не допускаетъ никакого вмѣшательства свѣтскаго правительства въ церковныя дѣла.

Но точно также она не допускаетъ и никакого духовнаго господства, за исключеніемъ принадлежащаго единому Богу; она не думаетъ, что Господь Богъ уполномочилъ одного человѣка или многихъ людей всею полнотою власти, которая принадлежитъ Ему одному.

На первыхъ порахъ это положеніе можетъ казаться страннымъ, потому что въ различныхъ заблуждающихся церквахъ привыкли признавать за духовенствомъ извѣстное полномочіе Божественнаго владычества. Ультрамонтаны, напр., наградили этимъ полномочіемъ одного папу; галликанцы (французы), эти *либеральные* паписты, награждаютъ имъ епископское общество, соединенное съ папою. Англиканцы усволяютъ своимъ воображаемымъ (*hypothétiques*) епископамъ извѣстную божественную власть, пресвитеріанцы переносятъ ее на пресвитерство; даже простые протестанты чувствуютъ необходимость снабдить своихъ церковныхъ правителей подобною-же властію, правда, точно въ теоріи неопредѣляемою, но на практикѣ примѣняемою.

Церковь православная, имѣющая свое епископство, свое пре-

свитерство и свое діаконство въ томъ видѣ, въ какомъ все это установлено было во времена апостольскія, оказываетъ самое глубокое уваженіе своимъ епископамъ, своимъ священникамъ и своимъ діаконамъ; но она не признаетъ за ними *никакого индивидуальнаго (единичнаго) или коллективнаго (совмѣстнаго) господствованія*.

По ученію православному, одинъ Христосъ есть глава Церкви; одинъ Онъ являетъ или совершаетъ въ ней священство; одинъ Онъ говоритъ въ ней съ властію; одинъ Онъ имѣетъ право на всеобщую покорность.

Пусть, напр., дѣло идетъ о какомъ-либо ученіи вѣры и пусть Церковь встрѣтится съ возрѣніемъ противорѣчащимъ ея ученію,—Церковь, представленная въ лицѣ своихъ епископовъ, будетъ-ли рѣшать этотъ вопросъ собственною властію? Православные епископы, представители православной Церкви, скажутъ-ли въ данномъ случаѣ, какъ говоритъ папа и римскіе епископы: „мы разсудили такъ, и вы должны намъ подчиниться“? Нѣтъ, они лишь скажутъ: во все время Церковь сохраняла только то ученіе, которое приняла отъ Христа или отъ уполномоченныхъ Имъ Апостоловъ; она имѣетъ въ пользу принимаемаго ею ученія авторитетъ Божественный; мы должны сохранить это ученіе, и Самъ Господь Богъ вѣрилъ его Своей Церкви, какъ священный залогъ для вѣрнаго храненія.

Церковь, по ученію православному, есть *единая*; она не раздѣляется на *учащую* въ лицѣ епископовъ и на *научаемую* въ лицѣ пресвитеровъ, діаконъ и вѣрующихъ. Она есть *единое* тѣло, живущее одною и тою-же жизнью со временъ апостольскихъ, и лишь сохраняетъ ученіе, принятое отъ Самаго Бога! Епископы, церковные учителя, проповѣдуя это ученіе, наставляютъ въ немъ тѣхъ, которые не знаютъ его, и передаютъ его какъ ученіе Божественное, потому что оно есть Божественный залогъ сохраняемый Церковію.

Итакъ въ Церкви православной *Самъ Господь Богъ* непрерывно *учитъ* при посредствѣ лишь учителей церковныхъ; Церковь по

своей единой и непрерывающейся жизни, есть лишь *постоянная свидѣтельница* Божественнаго ученія; и лица, подобно напр., епископамъ, обязанные учить, предлагаютъ ученію не во имя одного своего епископскаго характера, въ силу своего высокаго званія, сообщающаго имъ право учить именемъ Церкви. Они учатъ только какъ *носители церковнаго ученія* (*échos de l'Eglise*) и это ученіе есть тоже самое, которое принято и сохраняется Церковію отъ временъ апостольскихъ.

Итакъ въ Церкви православной нѣтъ никакого человѣческаго авторитета, подавляющаго человѣческій разумъ; равнымъ образомъ въ ней нѣтъ и тѣхъ лицъ, такъ не богаты облеченныхъ Божественнымъ авторитетомъ, на которыя столь щедръ церковь властолюбивыя. Она признаетъ, только авторитетъ Божественный, и исповѣдуетъ, что *Одинъ лишь Богъ властенъ открывать истину человѣческому разуму*.

И это у ней не одна только теорія, какъ у многихъ богословскихъ школъ, измышляющихъ удобопріемлемыя теоріи, но всегда остающіяся съ одними этими теоріями. Православные епископы, въ вопросахъ вѣры, всегда оставались простыми носителями (*échos*) церковнаго ученія, непрерывно сохраняемаго Церковію. Они не усвоили себѣ никакого права надъ совѣстію вѣрующихъ. Кто не векомнитъ при этомъ прекрасный отвѣтъ восточныхъ патріарховъ Пію IX, обратившемуся къ нимъ для заключенія союза съ римскою церковію? Римскій папа, усвоившій себѣ право говорить отъ лица своей церкви, думалъ, что восточные патріархи могутъ такимъ-же образомъ располагать совѣстію православныхъ, какъ онъ располагаетъ совѣстію папистовъ. Но патріархи заявили ему, что они не облечены подобною властію, что они не признаются господами своей Церкви, что они въ ней занимаютъ положеніе покорныхъ слугъ и вѣрныхъ хранителей ея ученія.

Итакъ въ Церкви православной нѣтъ никакого посредства между Богомъ и человѣкомъ въ дѣлѣ усвоенія откровенной истины.

Въ вопросахъ, возбуждаемыхъ въ области разума, человѣкъ долженъ руководствоваться единственно указаніями своего разума; въ

вопросахъ-же превышающихъ разумъ, онъ долженъ *непосредственно* отъ Бога *принимать* рѣшеніе этихъ вопросовъ.

Только такимъ образомъ, оставаясь вѣрною въ дѣлѣ храненія *Божественнаго залога*, православная Церковь сохранила міру самое широкое ученіе о независимости разума отъ всякаго человѣческаго авторитета.

Съ одной стороны, подъ предлогомъ Божественнаго наученія, она не принуждаетъ человѣческій разумъ принимать мнѣнія, не основанныя на откровеніи; съ другой стороны, она дѣлаетъ вѣру разумною тѣмъ, что не отрицая правъ разума, ей, вѣрѣ, предлагаетъ рѣшенія, данныя Самимъ Богомъ, то есть, Христомъ и Его Апостолами, въ отношеніи къ тѣмъ вопросамъ, съ которыми встрѣчается разумъ, не имѣя однако-же возможности разрѣшить ихъ самостоятельно.

Итакъ въ отношеніи ко всему тому, что касается откровеннаго ученія, въ православной Церкви, существуетъ только авторитетъ Божественный.

Конечно, кромѣ откровеннаго ученія, существуютъ еще извѣстныя епископскія распоряженія для руководства духовенства и управленія вѣрующими. Но должно замѣтить, что эти распоряженія не имѣютъ ничего общаго по своей природѣ съ *властвованіемъ*. Во всѣхъ обстоятельствахъ церковной жизни, епископы должны только *примѣнять къ ней законы*; эти законы дѣло всѣхъ епископовъ, провозгласившихъ ихъ на соборахъ; и цѣль ихъ—точное сохраненіе *законовъ Божественныхъ*. Въ сущности, поэтому, всякое епископское распоряженіе въ Церкви есть лишь сохраненіе *Божественнаго закона*, такъ что собственно одинъ *Богъ* управляетъ Своею Церковію, равно какъ одинъ Онъ и непрерывно научаетъ всѣхъ.

Такимъ образомъ православная Церковь съ полною искренностію исповѣдуетъ, что Христосъ есть одинъ ея Глава.

Замѣчательно, что православная Церковь не могла бы удержаться на подобной высотѣ въ ученіи объ авторитетѣ, если бы *не оставалась вѣрною хранительницею Божественнаго залога въ теченіе всей своей жизни, не прерываемой со временъ самихъ Апостоловъ*.

Всякая другая церковь, не обладающая этой единой и непрерывной жизнью и не сохлывшая безъ поврежденія Божественный залогъ свой, не можетъ сказать о себѣ, что она сохранила Божественный авторитетъ; она должна была по необходимости подмѣнить его авторитетомъ человѣческимъ, помѣстивши этотъ послѣдній авторитетъ въ одномъ или многихъ людяхъ, или даже въ индивидуальной совѣсти каждаго отдѣльнаго лица.

Но когда кому-нибудь оказывается нужнымъ принимать такую теорію, онъ естественно приходитъ къ скептицизму.

При посредствѣ же здраво понимаемаго ученія о Божественномъ авторитетѣ, свободно переходятъ изъ области видимой природы въ область сверхъестественнаго и на основаніи Божественнаго авторитета принимаютъ ученіе, превышающее силы человѣческаго разума.

По возрѣнію православному, вѣра и разумъ не имѣютъ ничего противорѣчащаго другъ другу; они лишь доставляютъ другъ другу взаимную поддержку для возвышенія человѣка на такую высоту, какая только выносіма для его ограниченной природы.

Извѣстно, что эти разнообразныя ученія о власти или авторитетѣ Церкви, главнымъ образомъ удаляютъ свободныхъ мыслителей отъ христіанства. Но были ли бы эти мыслители преданы всеѣмъ своимъ предубѣжденіямъ, еслибы поняли истинную природу авторитета, какъ мы ее изобразили? Что разумнаго могли бы они возразить противъ великаго свидѣтельства, непрерывно представляемаго живымъ обществомъ въ пользу ученія принятаго имъ съ самаго начала? Почему они не признали бы, что это свидѣтельство въ пользу положительнаго ученія, касающагося вопросовъ вѣры, есть свидѣтельство истинное? Принявъ же его, они должны были бы признать и то, что богословіе называется непогрѣшимостію Церкви, каковая непогрѣшимость представляется дѣломъ самымъ простымъ и самымъ достовѣрнымъ.

Понятна сама собою вся антипатія, испытываемая свободнымъ разумомъ къ той непогрѣшимости, которую представляютъ себѣ западные богословы. Но когда вмѣстѣ съ православною Церковію

этой непогрѣшимости увеоряють истинный характеръ, то въ ней не находятъ ничего такого, что могло бы устраниать самый смѣлый и самый независимый разумъ.

Итакъ мы должны формулировать православное ученіе объ авторитетѣ слѣдующимъ образомъ:

„Православная Церковь не признаетъ никакого другаго авторитета, кромѣ авторитета Божественнаго, и пеновѣдуетъ, что человекъ долженъ признать одинъ лишь этотъ авторитетъ, какъ для регулированія своихъ мыслей, такъ и для регулированія своихъ дѣйствій“.

II.

Сверхъ того, православная Церковь, какъ мы уже видѣли, не признаетъ никакого посредства *) между Богомъ и человекомъ во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, которыя касаются ученія. Церковь есть только *хранительница* откровеннаго ученія, и православный *отруеть*, утверждаясь на авторитетѣ Самаго Бога. Итакъ существуетъ величайшая разница въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, между Церковію православною и римскою. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой послѣдней вѣрующей всегда стоитъ предъ лицомъ человека, будетъ ли то папа или епископъ, человекъ уполномоченнаго во имя Божества *правомъ* учить и учить непогрѣшимо. Поэтому вѣрующей въ ней долженъ подчинить разумъ свой разуму этого человека, выдающаго себя за посредника между Богомъ и нимъ, и ему онъ долженъ безусловно повиноваться.

Въ римской церкви такимъ образомъ отверженіе разума со стороны вѣрующаго есть необходимое, *si n e q u a n o n*, условіе вѣры. Въ Церкви же православной, напротивъ, человекъ не отрекается отъ своего разума; онъ долженъ только сознательно подчинить его авторитету Божественному. Это разумное подчиненіе даже *возвышаетъ* и *окрыляетъ* (*élargit*) человеческій разумъ.

*) Это выраженіе надобно понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы Церковь православная не допускала истолкованія Богооткровеннаго ученія, а въ томъ, что она не уступаетъ никому права восполнять или видоизмѣнять содержаніе Откровенія. *Ред.*

Тоже самое прѣсходитъ и съ совѣстію человѣка. Въ Церкви православной законъ Божій господствуетъ въ нравственномъ порядкѣ. Законы установленные на вселенскихъ соборахъ, то есть, всѣми первенствующими пастырями Церкви, имѣютъ цѣлю свою только сохраненіе закона Божія, и если въ какой либо частной церкви епископъ обнародываетъ то или другое правило, то онъ не создаетъ этимъ новаго закона; онъ только руководитъ вѣрующихъ въ дѣлѣ сохраненія законовъ вселенской Церкви и слѣдовательно, въ дѣлѣ сохраненія законовъ Божіихъ.

Итакъ въ концѣ концовъ одинъ только законъ *Божій* возлагается на совѣсть православнаго человѣка, какъ одно только слово *Божіе* внушается его разуму.

Отсюда слѣдуетъ, что цѣлая бездна отдѣляетъ православное понятіе о законодательномъ дѣйствіи епископской власти отъ римскаго понятія объ этомъ же дѣйствіи.

Въ этой послѣдней церкви папа имѣетъ верховную власть, и по силѣ этой власти обнародываетъ законы, которымъ всѣ вѣрующіе должны слѣпо подчиняться. Даже самые римскіе епископы, въ силу своей епископской хиротоніи, считаютъ себя облеченными правомъ издавать законы, которымъ вѣрующіе должны подчиняться подъ опасеніемъ грѣха, и они нисколько не боятся провозглашать предъ всѣми, что этотъ грѣхъ есть *смертный* грѣхъ, то есть, достойный вѣчнаго осужденія, какъ будто бы Самъ Богъ съ Своимъ всевѣдѣніемъ долженъ подчиняться законамъ, изданнымъ папою или тѣмъ или другимъ епископомъ.

Изъ этой римской теоріи вытекаютъ слѣдствія очень не нравственныя и однако-же авторизованныя оффиціальными постановленіями. Согласно съ этой теоріей, вѣрующій обязанъ отречься отъ своей совѣсти; и въ римской церкви даже распространено ученіе, что вѣрующій, подчиняющій свою совѣсть рѣшеніямъ не только папы или епископовъ, но и простаго священника признаваемого духовникомъ, этимъ самымъ уже предохраненъ отъ всякой личной отвѣтственности предъ Богомъ, каковы бы ни были предписанныя ему его духовенствомъ дѣйствія.

Повиновніе, то есть, отреченіе отъ разума и отъ совѣсти предъ властію папы, епископа и священника есть добродѣтель у латинянъ величайшая, добродѣтель прославляемая повсюду въ римской церкви и есть величайшее средство совершить свое спасеніе, не затрудняя себя лично изслѣдованіемъ предлагаемаго ученія или обнародованныхъ законовъ.

Православный христіанинъ уважаетъ епископовъ и священниковъ; но онъ знаетъ, что епископы поставлены въ церкви быть *охранителями* (surveillants), а не обладателями Божественной законодательной власти. Итакъ онъ знаетъ, что цѣлію управленія своего они имѣютъ только *неповрежденное храненіе Божественныхъ законовъ*, равно какъ и *Божественнаго ученія*; что они не требуютъ отъ него отреченія отъ своей совѣсти; что напротивъ того, они обращаются къ его совѣсти для внушенія ему убѣжденія въ томъ, что на немъ лежитъ долгъ подчиняться лишь закону Бога, *единственнаго Владыки* всѣхъ совѣстей и всѣхъ разумовъ. Итакъ, когда православный подчиняется законамъ церковнымъ, то подчиняется съ единственною цѣлію сохранить во всей точности законъ Божій.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что именно таково отношеніе православныхъ епископовъ къ издаваемымъ ими законамъ, какъ мы его указали, т. е., что епископы не признаютъ для вѣрующихъ необходимымъ подчиняться издаваемымъ ими законамъ подъ опасеніемъ противленія прямой воли Божіей и тѣмъ болѣе подъ опасеніемъ смертнаго грѣха *потому только, что эти законы изданы ими (т. е. епископами), каковы бы эти законы ни были.*

Грѣхъ для православнаго состоитъ только въ нарушеніи прямой воли Божіей. Конечно онъ знаетъ, что не повинуюсь церковнымъ законамъ, вмѣстѣ съ этимъ онъ пріобрѣтаетъ расположенность нарушать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и законы Божіи и, такимъ образомъ, можетъ стать грѣшнымъ; но во всякомъ случаѣ онъ не слышитъ того епископскаго голоса, который постоянно раздается въ ушахъ каждаго добраго римлянина: „Если ты не хочешь повиноваться нашимъ законамъ, то грѣшишь смертнымъ грѣхомъ и ты уже на вѣки осужденъ“.

Православный христіанинъ руководствуется въ своей жизни собственною совѣстію; онъ и самъ сознаетъ, нарушаетъ ли онъ законъ Божій; и затѣмъ *одинъ Богъ* знаетъ степень его виновности.

Эти простыя замѣчанія достаточны для установленія безусловно кореннаго различія между православнымъ понятіемъ о *законодательномъ дѣйствіи* епископовъ и *законодательной власти*, усвояемой себѣ папой и римскими епископами.

Предъ догматическими опредѣленіями и предъ церковными законами, православный христіанинъ всегда сохраняетъ свое чело-вѣческое достоинство, относясь непосредственно къ Богу и подчиняясь только Ему одному.

Между тѣмъ, какъ очевидно, чело-вѣкъ преданный римской церкви, предъ лицомъ разныхъ папскихъ и епископскихъ опредѣленій и разныхъ законовъ, отказывается отъ своего чело-вѣческаго достоинства, отказывается отъ самыхъ благороднѣйшихъ преимуществъ, дарованныхъ ему Богомъ, то есть, отъ разума и совѣсти; и то и другое онъ приноситъ въ жертву *власти* чело-вѣка, установившаго эту власть единственно потому, что чело-вѣкъ этотъ искажаетъ евангельскій законъ, ясный и положительный.

Мы хорошо знаемъ, что папы и римскіе епископы выдають себя за представителей Божіихъ и утверждаютъ, что кто повинуется имъ и подчиняется ихъ авторитету, тотъ повинуется самому Богу; но, съ другой стороны, такъ какъ они самовольно обнародываютъ опредѣленія и узаконенія, по силѣ усвояемой себѣ *власти*, соединенной съ ихъ достоинствомъ, то они впадаютъ въ святотатство, утверждая, что все Богъ говоритъ ихъ устами и такимъ образомъ отождествляя себя съ Богомъ.

Священство въ Церкви, безъ сомнѣнія, достойно почтенія и уваженія. Христосъ установилъ его для управленія Своею Церковію, для наблюденія за исполненіемъ закона, для сохраненія истины. Когда епископамъ и священникамъ оказываютъ знаки почтенія, по причинѣ ихъ священнаго характера, то, конечно, поступаютъ хорошо и такимъ образомъ повинуются волѣ Самаго Христа. Но надобно, чтобы это уваженіе, это почтеніе сохраняло характеръ

истинно христіанскій, не выходило за границы позволительнаго и не простиралось до отождествленія съ Богомъ тѣхъ людей, которые должны считаться только слугами Христовыми и строителями таинъ Божіихъ (1 Кор. 4); чтобы не простиралось до признанія за ними какой то Божественности; между тѣмъ какъ самое прекрасное преимущество ихъ состоитъ только въ наглядномъ изображеніи единственной власти, налагаемой на совѣсть и разумъ человѣка: *власти Божественной.*

III.

Православное ученіе о Церкви столько-же возвышенно, какъ и неповѣдуемое Церковію ученіе объ авторитетѣ въ опредѣленіяхъ вѣры и откровеннаго ученія о нравственности.

Извѣстно какъ много злоупотребляютъ словомъ: *Церковь* въ романтизмѣ. Именно во имя церкви папы и ихъ епископы претендуютъ на учительство, но они отождествляютъ церковь съ самими собою при посредствѣ слѣдующаго различенія, очень недавно изобрѣтеннаго, но въ настоящее время общепринятаго. Есть, говорятъ, двѣ церкви: одна *учащая* и другая *наставляемая*. Учащая церковь состоитъ изъ папы и епископовъ. Итакъ, когда эти господа говорятъ, что они учатъ *во имя церкви*, то хотятъ сказать, что учатъ по силѣ одной своей власти, такъ какъ собственно они составляютъ *церковь учащую*.

Что-же касается вѣрующихъ, составляющихъ собою *церковь наставляемую*, то они обязаны только принимать ученіе отъ тѣхъ людей, которые претендуютъ на исключительное право сообщать его.

При подобныхъ условіяхъ было-бы болѣе честнымъ со стороны папы и епископовъ въ такомъ случаѣ вовсе не поминать *о церкви*, или вовсе не претендовать на учительство *во имя церкви*, потому что они осмѣливаются говорить о себѣ: *Церковь—это мы.*

Но западное богословіе не всегда было ультрамонтанскимъ, и не надобно простираться слишкомъ въ глубь исторіи, чтобы даже у него найти точное ученіе о Церкви. Въ эти прошлыя времена Церковь была въ глазахъ западныхъ богослововъ тѣмъ, чѣмъ должна быть, то есть, христіанскимъ обществомъ въ своемъ единствѣ, со-

стоящимъ изъ пастырей и принадлежащихъ ей вѣрующихъ по одному и тому-же Божественному праву, — обществомъ образующимъ одно тѣло, коего Главою былъ Христосъ, — сохраняющимъ при посредствѣ единодушнаго исповѣданія вѣры залогъ откровенныхъ истинъ.

Папы и ихъ епископы не осмѣливались еще возставать противъ этого прекраснаго ученія, какъ то же было нѣкогда во времена единенія востока съ западомъ; это ученіе пережило въ нѣдрахъ папизма даже столько нововведеній и притомъ такъ сильно изобличаемыхъ имъ. Вотъ почему папа и романскіе епископы еще проносятъ слово *Церковь*, которое должно было бы ожигать ихъ языкъ, когда они проповѣдуютъ свои ереси.

Въ дѣйствительности же Церковь не существуетъ болѣе въ нѣдрахъ папизма; въ дѣйствительности существуетъ только извѣстное число гордыхъ людей, влачащихъ за собою заблужденіе за заблужденіемъ, а также существуетъ слабоумное стадо, повидимому вѣрующее въ то, о чемъ ему проповѣдуютъ и признающее себя обязаннымъ отказаться отъ здраваго смысла для благоугожденія Богу.

Православіе, напротивъ, сохранило истинное и широкое понятіе о Церкви.

Церковь для православнаго христіанина — это христіанское общество, существующее со временъ апостольскихъ; оно живетъ *единою* жизнію; оно не измѣняется, потому что не перемѣняетъ ничего въ откровенномъ ученіи; принявши это ученіе изъ начала, оно передаетъ его изъ вѣка въ вѣкъ такимъ, каковы получили его. Вѣрующіе составляютъ въ немъ столько же существенную часть, какъ и епископы. Эти послѣдніе имѣютъ спеціальныя должн *наблюдать* за христіанскими обществами, чтобы въ нихъ не могло проникнуть какое либо нововведеніе; но и всѣ вѣрующіе также имѣютъ право участвовать въ сохраненіи православія и они обязаны предостеречь даже самаго епископа, еслибы онъ, измѣнивъ своему долгу, захотѣлъ стать нововводителемъ.

Въ церкви римской осуждаютъ тѣхъ людей, которые возстаютъ противъ заблужденій и злоупотребленій епископской власти. Это

яено открылось во время провозглашенія послѣднихъ дожныхъ догматовъ о непорочномъ зачатіи и настоящей непорѣшности. Когда нѣсколько совѣтливыхъ священниковъ подняли крикъ противъ этого новшества, то ихъ осудили, ихъ преслѣдовали всевозможными способами и ихъ обезчестили настолько, насколько заблужденіе способно обезчестить истину.

Въ Церкви православной невозможно, чтобы всѣ епископы измѣнили своему долгу, потому что они не имѣютъ главою своею, такъ называемаго, непорѣшимаго человѣка; впрочемъ въ частности тотъ или другой епископъ, какъ напр. Несторій, можетъ впасть въ заблужденіе. Но въ этомъ случаѣ, священникъ и даже простой вѣрующій, указавшій на еретика, не только не подвергнется порицанію, но еще заслужитъ прославленіе и благодарность отъ всей православной Церкви.

Откровенное ученіе есть залогъ, ввѣренный *всей Церквю*; ввѣренный столько же вѣрующимъ мірянамъ, какъ и пастырямъ; и всѣ они вмѣстѣ составляютъ одну и ту же Церковь.

На вселенскихъ соборахъ епископы разсуждали, спорили противъ ереси въ присутствіи второстепеннаго духовенства и даже вѣрующаго народа, и когда призывались къ *обсужденію*, то судили не на основаніи своихъ личныхъ мнѣній, а износили только *непрерывное свидѣтельство* частныхъ церквей, которыхъ они были пастырями. Ихъ насомые при посредствѣ ихъ *свидѣтельствовали* только объ ученіи *постоянно принимаемомъ, постоянно признаваемомъ и постоянно исповѣдываемомъ* въ ихъ церквахъ; и только такимъ образомъ всѣ частныя церкви выражали голосъ свой при посредствѣ своихъ епископовъ, и только такимъ образомъ *изъ свидѣтельства всѣхъ епископовъ* вытекало *свидѣтельство Церкви вселенской*.

Таково было первоначальное ученіе; это же ученіе и доселѣ сохраняется въ Церкви православной; это же ученіе можно было встрѣчать до самыхъ послѣднихъ временъ даже у ученыхъ западныхъ богослововъ.

Принимая это ученіе, можно отлично понять то, что называютъ

догматомъ непогрѣшимости Церкви. Разсматриваемый же съ точки зрѣнія римлянъ, этотъ догматъ недѣлѣнъ, потому что онъ помѣщаетъ непогрѣшимость или въ одномъ человѣкѣ или въ нѣсколькихъ людяхъ, которые могутъ быть менѣе свѣдущи и менѣе разумны, чѣмъ многіе другіе и которые однако-же усвояютъ себѣ, неизвѣстно почему и какъ, на эти случаи соприсутствіе Духа Святаго. Съ точки же зрѣнія ученія православной Церкви, догматъ о непогрѣшимости Церкви совершенно разуменъ, и можетъ быть принимаемъ самою притязательною философіею; въ сущности онъ сводится на *достоверное свидѣтельство, непрерывно износимое христіанскимъ обществомъ, о томъ ученіи, которое Христосъ и Апостолы сообщили этому обществу.*

Достоверность этого свидѣтельства подтверждается, какъ *историческій фактъ*, непрерывными свидѣтельскими показаніями, которыя начинаются и связываются другъ съ другомъ отъ перваго вѣка до нашихъ дней.

Подобнаго рода свидѣтельство до такой степени несомнѣнно, что для опроверженія его надобно было бы отвергнуть всю исторію, потому что нѣтъ другаго историческаго факта столь непрерывно *продолжающагося* какъ свидѣтельство всего этого общества, общества живаго во все эпохи и непрерывно утверждающаго принимаемое имъ ученіе.

Такъ понимаемая непогрѣшимость Церкви не заключаетъ въ себѣ ничего мистическаго; и каждый благоразумный человѣкъ охотно допустить ее, даже когда не будетъ вѣрить ни въ присутствіе Духа Святаго въ нѣдрахъ Церкви, ни въ непосредственное вліяніе на нее Божественной Главы, то есть Іисуса Христа, обѣщавшаго пребыть съ ней до скончанія вѣковъ.

По истинѣ прекрасное зрѣлище представляетъ православная Церковь своимъ удивительнымъ постоянствомъ въ ученіи! Она видѣла многіе споры; она выдержала многочисленныя вражьи нападенія; она подвергалась ласканнымъ жестокостямъ и преслѣдованіямъ; ея враги низвели ее въ состояніе рабства въ той странѣ, въ которой она нѣкогда сіяла величайшимъ блескомъ. Но и въ несча-

стин и поруганіи, какъ и въ дни славы, она сохранила свое ученіе; ея основныя начала остались тождественными съ началами истиннаго христіанства, и еретическимъ церквамъ и философамъ она и въ наши дни можетъ предложить свое прекраснѣйшее ученіе, какое міръ когда либо слышалъ.

Заблужденія римскоѣ церкви относительно догмата непогрѣшимости, очевидно, вытекаютъ изъ заблужденій, усвоенныхъ ею въ ученіи о церкви. Еще прежде, чѣмъ церковь эта приняла святотатственное дѣленіе на церковь учащую и на церковь наставляемую, ея епископы уже приписали исключительно себѣ однимъ авторитетъ учительства, вытекающій изъ ихъ епископскаго характера; затѣмъ они помѣстили эту непогрѣшимость въ епископскомъ обществѣ, соединенномъ съ своимъ главою, то есть, съ папою. А въ наши дни мы уже слышали, какъ папа сказалъ своимъ епископамъ: „я одинъ могу опредѣлять догматы; епископы имѣютъ только совѣщательный голосъ; я одинъ непогрѣшимъ“.

Такимъ-то образомъ заблужденіе, представлявшееся нѣкогда очень повиннымъ измышленіемъ богословской тонкости въ концѣ концовъ привело римскую церковь въ ереси и нечѣстности.

Вслѣдствіе своего вліянія на западный міръ, заблужденія римскоѣ церкви имѣли самыя гибельныя послѣдствія для всего христіанства. Ея заблужденія и ея безразсудства были приняты за подлинное выраженіе христіанскаго ученія значительнымъ числомъ людей поверхностныхъ, лишенныхъ религіознаго знанія и, на основаніи этихъ заблужденій, заключившихъ, что христіанство внушаетъ человѣческому разуму безразсудства. Не потрудившись предварительно разузнать дѣйствительно ли римская церковь можетъ считаться представительницею истиннаго христіанства, они не позаботились также поискать, нѣтъ ли другой церкви, выражающей его гораздо лучше. Отсюда возникли противъ христіанства возраженія, конечно, очень жалкія въ глазахъ знакомаго съ православіемъ, но очень сильныя, когда ихъ направляютъ противъ романизма.

Отсюда же православные должны заключить, что на ихъ ле-

жить великій долгъ познакомить міръ съ ученіемъ ихъ достоуважаемой Церкви, и такимъ образомъ возстановить самое христіанство въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, которые нападаютъ на него потому лишь, что не знаютъ его и потому еще, что смѣшиваютъ его съ церковію еретическою, антихристіанскою.

IV.

Церковь, какою мы ее представили на основаніи православнаго ученія, — ея авторитетъ и ея непогрѣшимость не имѣютъ ничего пугающаго разумъ или противоположнаго его развитію. Напротивъ того, человѣкъ серьезный и свѣдущій безъ затрудненія въ православной Церкви будетъ переходить отъ разума къ разумной вѣрѣ и такимъ образомъ найдетъ средство къ умноженію своихъ мыслей, къ развитію своего разума, къ открытію для себя новаго поля изысканій столько же плодоноснаго, сколько и обширнаго.

Однѣ только романскія теоріи стоятъ въ противорѣчій съ разумомъ и знаніемъ. Ученіе же православное легко согласуется и съ тѣмъ и другимъ. Истинно православный есть дѣйствительно вѣрующій христіанинъ и въ то же время можетъ оставаться ученымъ въ полномъ смѣслѣ этого слова; его вѣра и его знаніе не стоятъ въ непримиримомъ разладѣ въ его духѣ.

Выше мы описали Церковь какъ правильное учрежденное общество, имѣющее свою собственную жизнь, свое твердое ученіе, свои законы, свое неизмѣнное устройство, свое правительство, или свое духовенство.

Но это учрежденіе Церкви такого рода, что оно не знаетъ закладнаго клерикализма, о которомъ такъ много говорятъ въ настоящее время и которое выдаетъ себя за государство въ государствѣ.

Въ отношеніи къ государству Церковь есть институтъ, достойный покровительства; ее можно оставить жить на свободѣ, какъ можно и преслѣдовать; но никогда нельзя сказать, что она является противникомъ или соперникомъ въ государственной администраціи.

Православное духовенство есть общество гражданъ, не отличаю-

щееся ни чѣмъ, отъ остальныхъ гражданъ; оно признаетъ установленную власть и ей подчиняется; оно сохраняетъ законы и не претендуетъ на кастовыя привилегіи и преимущества; оно не образуетъ собою какого-то высшаго правительства, а тѣмъ болѣе правительства, склоннаго къ возмущеніямъ.

Православная Церковь не имѣетъ видимой главы и притомъ абсолютной, непогрѣшимой, вселенской; не имѣетъ паны, издающаго законы и налагающаго обязательства, которымъ все католики должны подчиняться во всехъ государствахъ. Римская церковь съ своимъ папою, своимъ политическими законами скрываемыми подъ покровомъ религіи, своимъ духовенствомъ, повинующимся чужестранному владыкѣ и обязаннымъ возставать противъ каждаго частнаго правительства, только бы сохранить повиновеніе законамъ всеобщимъ, изданнымъ монархомъ абсолютнымъ и вселенскимъ, — такая церковь, говоримъ, имѣетъ бытіе совершенно политическое, такая церковь поощряетъ или желаетъ поглотить все государства, или, по крайней мѣрѣ, желаетъ подчинить ихъ себѣ. Ея вселенскій и абсолютный деспотъ пользуется теоріею, прекрасно приспособленною къ своимъ стремленіямъ, для отпращиванія своихъ дѣйствій и для вынужденія у всехъ покорности себѣ. Онъ говоритъ: „я есть истина, я есть правда; а вѣдь истина и правда имѣютъ право управлять всемъ міромъ“.

Самое меньшее — наиболѣе вѣроятно, утверждала схоластика; но съ такимъ же правомъ можно сказать: *самое большее* — наиболѣе ложно. Пана нельзя назвать ни истиною, ни правдою; его слово не непогрѣшимо, его декреты на пространствѣ всехъ вѣковъ доказали, что ни одинъ государь не можетъ считаться болѣе погрѣшнымъ, чѣмъ онъ. Но не менѣе достоверно и то, что разъ будетъ принято ученіе о его непогрѣшимости, оно упадетъ безконечною тяжестію на духъ всехъ тѣхъ людей, которые повѣрятъ этому, и оно при случаѣ сдѣлаетъ изъ нихъ противниковъ или возмутителей противъ всехъ постановленій и противъ всехъ правительствъ на которыя непогрѣшимый укажетъ, какъ на враждебныя себѣ.

Но абсолютный и вселенскій деспотъ романтизма имѣетъ еще дру-

гую теорію: духовное выше мірскаго; и такъ *священство* выше *государства*; законы священства уничтожаютъ противоположныя имъ законы государства; все, что міръ противопоставляетъ духовному, есть безусловное ничтожество и небытіе; всему этому должно подчиняться только тогда когда, поборники духовнаго начала чувствуютъ свою слабость и все это должно отвергать, когда они сознаютъ себя достаточно сильными.

Благодаря теоріи своихъ правъ на истину и правду; благодаря теоріи превосходства духовнаго предъ мірскимъ; а также благодаря легкости, съ которою паннизмъ, умѣетъ преобразовывать, такъ называемые законы *духовные* въ законы *свѣтскіе*, романнизмъ сталъ *вселенскимъ государствомъ*, заявляющимъ притязаніе на господство *надъ всеми частными государствами*, или же претендующимъ на подчиненіе себѣ *всѣхъ государствъ*.

Основныя начала Церкви православной совершенно противоположны. Православная Церковь имѣетъ свои законы, но эти законы, всегда одни и тѣже; она не видоизмѣняетъ ихъ сообразно съ обстоятельствами: ея законы чисто духовныя и касаются только совѣсти; она не стремится управлять вѣрующими въ дѣлахъ мірскихъ; эта область не принадлежитъ ей; она предоставляетъ свободу каждому управляться въ этой области сообразно съ своимъ личнымъ разумѣніемъ. Она не выставляетъ на показъ теорію новыхъ смертныхъ грѣховъ и не выводитъ для себя протекающей отсюда особой власти для запугиванія и подчиненія совѣсти; она руководствуется своими особенными законами; ея чада знаютъ, что должны сохранять ихъ, если только желаютъ быть истинно православными. Она не казнить тѣхъ, которые не хранятъ ихъ. Она предоставляетъ Богу сужденіе объ ихъ виновности и о заслуженномъ ими наказаніи.

При подобныхъ условіяхъ индивидуальная свобода сохранена; духовное остается духовнымъ и не вторгается въ непринадлежащую ему область свѣтскаго; Церковь остается Церковію; она не стоитъ въ борьбѣ съ государствомъ; ея вѣрующіе подчиняются правительству правильно и законно установленному; она не посягаетъ

на ихъ свободу; всѣ гражданскія и политическія движенія ихъ совершаются или независимо отъ ея воли или вопреки ея желанію.

Само собою разумѣется, что такая Церковь не можетъ внушать опасеній никакому государству. И однакоже случалось, что государство, подобное напр. Турціи (если только турецкій фанатизмъ можно назвать государствомъ), преслѣдовало православную Церковь.

Какими же слѣдствіями сопровождалось все это? Когда турецкій фанатизмъ возбуждался противъ нея, она страдала въ молчаніи. Она выставляла мучениковъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій; тѣмъ не менѣе ея чада остались истинными патриотами; вѣра спасла ихъ бытіе, какъ народа; она ихъ поддерживала, воодушевляла, утѣшала; она пребыла неизмѣнною въ своемъ ученіи, въ своихъ законахъ, въ своихъ установленіяхъ; преслѣдуемая турками, злословимая западными церквами, она пережила всѣ бури; она перенесла всякаго рода обиды и теперь съ достоинствомъ можетъ сказать всѣмъ западнымъ церквамъ: „Если вы хотите обладать истиннымъ христіанствомъ, то должны спросить меня о немъ; я одна, мучимая и злословимая, могла сохранить его“.

Православная Церковь въ Турціи показываетъ то, что она есть предъ лицомъ государства преслѣдуемая; въ Россіи же можно видѣть, что она есть предъ лицомъ государства покровительствующаго ей. Въ Россіи она не предпринимаетъ ничего враждебнаго государству и не пользуется какими либо обстоетельствами для внушенія страха, для господства, для преслѣдованія, какъ всегда дѣлаетъ это папизмъ во всѣхъ подобныхъ положеніяхъ.

Въ Турціи она страдаетъ въ молчаніи и не составляетъ никакихъ преградъ патриотизму, національному развитію; она не провозглашаетъ и начала инсurreкціоннаго (бунтливаго).

Покровительствуемая или мучимая, она остается обществомъ чисто духовнымъ; остается съ своимъ особеннымъ ученіемъ, своими особенными законами, своими особенными установленіями, *чисто духовными*.

Зрѣлище, представляемое православною Церковію въ этихъ столь различныхъ государствахъ, въ которыхъ она существуетъ, заклю-

чаетъ въ себѣ нѣчто поразительное, преимущественно же въ настоящее время, когда нацизмъ такъ открыто заявляетъ свои стремленія и свои помыслы къ всемірному деспотизму, или когда протестантскія церкви готовы стать лишь административнымъ орудіемъ въ рукахъ гражданскаго правительства.

Эти различныя положенія подають поводъ къ тысячѣ вопросовъ объ отношеніяхъ Церкви къ государству. Но кто хочетъ ясно рѣшить эти вопросы и точно опредѣлить отношенія, долженствующія существовать между церковію и государствомъ; тотъ долженъ изучить православную Церковь въ ея внутренней жизни и въ ея жизни внѣшней въ различныхъ государствахъ и онъ получитъ рѣшеніе всѣхъ затруднительныхъ для себя вопросовъ въ этомъ отношеніи, съ такою силою поднятыхъ теперь на западѣ.

V.

Мы разсмотрѣли православіе въ основныхъ началахъ вѣры, нравственности, управленія и отношеній къ государству.

Посмотримъ теперь въ какомъ отношеніи православіе стоитъ къ наукѣ?

Извѣстно, что на западѣ существуетъ открытая борьба между наукою и христіанствомъ, какъ его понимаетъ римская церковь; преимущественно же идетъ упорная борьба между наукою и церковію. Но почему же? Потому ли, что наука можетъ представить дѣйствительныя возраженія противъ христіанскаго догмата? Или потому, что этотъ догматъ излагается римскою церковію въ такихъ условіяхъ, при которыхъ эти возраженія становятся неизбежными?

Мы убѣждены, что борьба между наукою и христіанствомъ не существовала бы, еслибы римская церковь, вмѣсто умаленія догмата до степеней философской доктрины, сохранила его во всемъ величій Божественной простоты.

Схоластическое богословіе римской церкви завалило догматъ и христіанскую нравственность громадною грудой второстепенныхъ и часто смѣшныхъ вопросовъ. Догматъ очутился отождествленнымъ

съ этими вопросами и все то, что было ложнаго или ошибочнаго въ этихъ вопросахъ, все это пало на самый догматъ.

Представимъ нѣсколько примѣровъ.

Основной догматъ христіанства есть ученіе о Божественной Троичности. Этотъ догматъ есть тайна и долженъ оставаться тайною навсегда, вѣдѣствіе своей непостижимости и вѣдѣствіе того, что принадлежитъ къ сферѣ недоступной для человѣческаго разума. Въ отношеніи къ нему надобно только просто доказывать, что онъ есть догматъ откровенный; что онъ основывается на словахъ Самаго Господа, вѣрно сохраненныхъ христіанскимъ обществомъ съ самаго возникновенія этого общества; что его не надобно стараться объяснять; что его надобно лишь принимать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дарованъ намъ.

Римская церковь захотѣла *объяснить* этотъ догматъ, какъ будто бы она вполне его поняла. Подъ предлогомъ опроверженія нѣкоторыхъ ересей, она вдалась въ непостижимые вопросы объ отношеніяхъ между *Божественными Лицами*, или какъ прекрасно выражается писатель, извѣстный подъ именемъ Діонисія Ареопагита, объ отношеніяхъ между *Божественными Именами* *).

Итакъ римская церковь пожелала объяснить то, что принято называть въ Троичности лицемъ (Ипостасію) какъ будто возможно объяснить *личность* не объясняя въ тоже время самаго таинства. Такимъ-то образомъ она принуждена была выдать за откровенный догматъ слѣдующее мнѣніе: *Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына*. А это показываетъ, что она знаетъ не только то, что такое *Личность* въ Троичности, но и то, что такое *исхождение* и каковы *существенныя* отношенія между *Лицами*, или *Божественными Именами*.

Въ дѣйствительности же она рѣшительно ничего не знаетъ въ этомъ отношеніи. И не только частная церковь, какова церковь римская, не обязана объяснять все это, но и цѣлое общество, то

*) Авторъ называетъ Лица Пресвятыя Троицы *Божественными Именами* не въ смыслѣ саятія Ихъ, а въ смыслѣ таинства и непостижимости Ихъ.

есть, вся вселенская Церковь, не получила подобной миссии. Ея миссия состоитъ только въ сохраненіи откровеннаго догмата о *Троичности*: и если, имѣя надобность говорить о немъ, должна пользоваться въ отношеніи къ нему человѣческими выраженіями, то вмѣстѣ съ этимъ обязана сказать лишь, что эти выраженія не могутъ вѣрно передать смыслъ обозначаемыхъ ими предметовъ, неостижимыхъ для человѣка, обязана сказать, что этими выраженіями пользуются только за неимѣніемъ болѣе соотвѣтствующихъ предмету изреченій, и пользуются единственно для защиты самаго догмата противъ посягательствъ еретиковъ, желавшихъ разрушить или исказить его при посредствѣ мнимыхъ своихъ объясненій или своевольныхъ толкованій.

Церковь православная никогда не подражала римской церкви; она даже съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергала ея измышленія о Троичности и она сохранила догматъ и даже выраженія откровенія, относящіяся къ догмату со всею точностію.

А при подобномъ условіи православіе всегда можетъ сказать наукѣ, нападающей на ученіе о Троичности: ты нападаешь на предметъ непонятный для тебя, стоящій внѣ твоего права обсужденія; но когда ты нападаешь на него, то вмѣстѣ съ этимъ отказываешься отъ своего собственнаго основнаго начала, состоящаго въ принятіи лишь того, что подтверждаетъ наблюденіе и опытъ, и въ отверженіи того, что противорѣчитъ имъ. На какомъ же основаніи ты отвергаешь дѣйствительное существованіе предмета неостижимаго?

Но когда римская церковь выражаетъ желаніе *объяснить* этотъ догматъ, то отъ ней уже вправѣ потребовать объясненій и того, что она разумѣетъ подъ *личностію* въ Богѣ и существенными отношеніями между Лицами; и такъ какъ она не можетъ представить этихъ объясненій, то подастъ своимъ противникамъ право сказать ей, что ея догматъ противорѣчитъ разуму, а не одно лишь то, что онъ превышаетъ разумъ.

Въ отношеніи ко многимъ другимъ догматамъ можно было бы представить точно такія же соображенія; но съ особенною силою ихъ можно было бы представить въ отношеніи къ новопровоз-

глашеннымъ римскимъ догматамъ, неизмѣняемымъ никакихъ корней въ вселенскомъ христіанскомъ обществѣ, каковъ напр. догматъ о непорочномъ зачатіи и догматъ о папской непогрѣшимости. Черезъ эти чисто фантастическіе догматы, а также нѣкоторыя толкованія въ отношеніи къ общеприниаемымъ догматамъ, римская церковь поставила себя въ смѣшное положеніе предъ наукой. А отсюда и возникла борьба, существующая въ настоящее время на западѣ между наукою и христіанствомъ, понимаемымъ въ томъ видѣ, какъ его представляетъ себѣ римская церковь.

Западные богословы къ затрудненіямъ, возникшимъ въ нѣдрахъ римской церкви, присоединили еще новыя, расширивши область вѣры за надлежащія предѣлы. Среди западныхъ богослововъ нерѣдко можно встрѣчать людей, которые, изложивши богословскія положенія, говорятъ еще и о многомъ другомъ: *это тоже относится къ вѣрѣ*. Тоже самое происходитъ и въ отношеніи къ нѣкоторымъ вопросамъ нравственности: они говорятъ: *это смертный грѣхъ*, какъ будто бы каждое прегрѣшеніе не сопровождается тысячею различныхъ обстоятельствъ, доводимыхъ одному лишь Богу, единственному свидѣтелю чувствъ человѣческаго сердца и слѣдовательно единственному Судѣѣ тяжести прегрѣшенія.

Церковь православная, оставшись вѣрною своему началу: сохранять догматы безъ всякихъ прибавленій или умаленій, — предлагать ихъ вѣрѣ такими, какими они открыты, и, не усливаясь объяснять ихъ, не можетъ приходить въ столкновеніе съ наукой и не боится никакихъ научныхъ открытій. Не униживши себя догматами фантастическими или объясненіями ихъ ровно ничего необъясняющими, — не выстуная никогда изъ своей собственной области, недоступной ни для какихъ прираженій человѣческаго разума, она не относится подозрительно къ научнымъ открытіямъ и не видитъ никакой опасности въ нихъ для Божественнаго залога, вѣреннаго ея храненію. Ея область ясно обозначена; она не занимается тѣмъ, что происходитъ внѣ ея области, и она знаетъ, что еслибы ложные ученые захотѣли вторгнуться въ ея область, то были бы осуждены даже во имя основныхъ началъ науки.

Можно сказать, что римское или западное духовенство боится науки и обнаруживаетъ всякаго рода стремленіе уронить ее.

Православное духовенство не можетъ имѣть подобнаго расположенія; напротивъ, оно любитъ науку и наиболѣе разумныхъ представителей ея, дожидаясь того момента, когда обстоятельства помогутъ священнику занять первенствующее мѣсто въ наукѣ и философіи. Общественное положеніе духовенства только выиграетъ отъ этого и оно сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе странныхъ сектъ, повторяющихъ въ отношеніи къ православному ученію возраженія, заимствованныя на западѣ и имѣющія нѣкоторую силу лишь противъ римской церкви и проповѣдуемаго ею христіанства.

Хорошо и даже очень полезно для православія выставлять въ яркомъ свѣтѣ слѣдующія положенія, безусловно вѣрныя: именно, положенія о томъ, что православіе, чуждаясь всякой наукобоязни, напротивъ того любитъ науку и одушевляетъ ее; что наука не можетъ сталкиваться съ православіемъ; что она безпрепятственно можетъ все изслѣдовать и съ полною свободою можетъ стремиться проникать во всѣ тайны природы; что она не встрѣтитъ со стороны православія преградъ своему шествію; и что она столкнется съ православіемъ только тогда, когда, переходя границы разума, посягнетъ на православныя догматы для объясненія ихъ при посредствѣ трансцендентальныхъ вопросовъ, непрінадлежащихъ къ сферѣ видимой природы.

Существуетъ одинъ только вопросъ, въ отношеніи къ которому православіе и наука, въ своихъ болѣе или менѣе солидныхъ и образованныхъ представителяхъ, могутъ приходять въ столкновеніе: это *историческій вопросъ* о происхожденіи (origines) христіанства. Но и въ отношеніи къ этому вопросу побѣда православія несомнѣйна. Религіозное общество, живущее въ теченіе восемнадцати вѣковъ, существованіе котораго всегда было тождественно и непрерывно, должно только возвысить свой голосъ, чтобы привести въ смущеніе мнимаго ученаго, привязывающагося къ нѣкоторымъ незначительнымъ и непонятнымъ для него текстамъ, а также къ нѣкоторымъ общимъ даннымъ, которыхъ точность и важность онъ не можетъ проконтролировать.

Это непрерывное свидѣтельство православія обладаетъ совершенно пнаго рода доказательною силою, чѣмъ сбивчивыя и по необходимости неполныя научныя работы.

Ко всему этому присоединимъ еще, что защитники православной Церкви независимо отъ вселенскаго и вселичественнаго свидѣтельства восемнадцати вѣковъ, безъ труда могутъ научно отвѣтить на всѣ возраженія своихъ противниковъ и могутъ доказать имъ, что они не суть истинные ученые и не имѣютъ никакого права говорить во имя науки.

Ж. Устоининъ.

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Не легко и едва-ли возможно въ настоящее время представить живой, наглядный и вполне законченный біографическій очеркъ этого по истинѣ великаго архипастыря русской Церкви. Своею твердою, могучею рукою онъ пронесъ передовое знамя мысли и дѣятельности по всѣмъ стадіямъ своей недолголѣтней, но многоплодной и поучительной жизни: лучший студентъ на школьной скамьѣ, лучший профессоръ на академической кафедрѣ, лучший ректоръ-администраторъ высшеучебныхъ духовныхъ заведеній, лучший правитель епархій въ санѣ православнаго іерарха, лучший проповѣдникъ на кафедрѣ церковной, вдохновленный церковный историкъ, глубокомысленный православный богословъ, глубоко-вліятельный общественный дѣятель-иниціаторъ, самоотверженный пастырь—патріотъ, подъ градомъ смертельныхъ вражескихъ пуль и гранатъ, воодушевляющій не мирное только населеніе и не въ храмѣ только церковномъ, но и самыя боевыя силы Россіи на самомъ мѣстѣ грозныхъ сраженій!.. Кто изобразить намъ его, этого русскаго великана, составлявшаго предметъ удивленія для самихъ непріятелей нашихъ?!.. Живо и наглядно представить Иннокентія во всѣхъ, указанныхъ нами, вслнчественныхъ его положеніяхъ могъ-бы развѣ только такой-же геній, каковъ былъ геній самаго Иннокентія. Но и онъ встрѣтится со многими, почти неустранимыми затрудненіями при исполненіи своего предпріятія. Прежде всего онъ встрѣтитъ для себя почти непреодолимое препятствіе въ недостаточности, сбивчивости, противорѣчивости и неполнотѣ біографическаго матеріала. Правда,

въ нашей литературѣ объ Иннокентіѣ писано немало *); по для составленія полнаго и законченнаго біографическаго очерка этого матеріала еще далеко недостаточно. Некрологи болышею

*) Книги и періодическія изданія, въ которыхъ можно находить некоторыя біографическія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Иннокентія Борисова, какъ-то: некрологи, письма, записки, воспоминанія, проповѣди и т. п., суть слѣдующія: „Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа Таврическаго“, изд. М. П. Погодинымъ, 1864 и 1867 гг., „Русская Старина“ 1878 и 1879 гг., „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной академіи“ 1869 г., и въ частности „Историческая записка о состояніи Кіевской духовной академіи“, проф. Пв. Малышевскаго; „Исторія С.-Петербургской духовной академіи“, П. А. Чистовича, 1857 г., „Исторія кіевской духовной академіи“ В. Аскоченскаго, 1863 г., „Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій“, свящ. С. В. Прокопцова, 1876 г., „Амфитеатровъ Яковъ Космыничъ“, В. Аскоченскаго, 1857 г.; всеподданнѣйшіе отчеты Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1838—1856 гг.; „Письма митрополита московскаго Филарета къ А. Н. Муравьеву“, изд. 1869 г., „Письма Филарета митрополита московскаго къ Филарету Гумилевскому, впоследствии архіепископу Черниговскому“, въ „Твор. Св. Отцевъ“, 1893 г., „Письма Иннокентія Борисова къ Макарію Булгакову“, въ „Церк. Вѣсти.“ 1883 г., №№ 17—18, 24 и 26; „Христіанское Чтеніе“ вообще и августовская книжка 1857 г., равно какъ №№ 11—12, 1883 г. въ частности; „Отчетъ Императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка за 1857 г.“; „Воскресное Чтеніе“, 1857 г., №№ 12 и 14. „Памятная книжка кіевской губерніи“ за 1858 г. „Обзоръ русской духовной литературы“ Филарета Черниговскаго, 1863 г. «Труды кіевской духовной академіи» 1869 и 1863 г. „Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ“ М. Максимовича, 1871 г., „Впечатлѣнія Украйны и Севастополя“, С.-Пб. 1859 г. „Списки архіереевъ и архіерейскихъ каедръ Ю. Толстаго“, 1872 г. „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской Церкви“, П. Строева, 1877 г., изданіе Археографической Комиссіи подъ редакціею М. И. Семева; „Ученныя записки II-го отдѣленія Императорской академіи наукъ“, кн. V, 1857 г. „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1860 г., № 11 и 1862 г., № 1. „Прибавленіе къ Херсонскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“, 1860, №№ 1, 8, 9 и 1861, №№ 11, 15—19, 22 и 23. „Портретная галлерей русскихъ дѣятелей“, изданіе Мюнстера, 1865 г., томъ 1-й. „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1868, №№ 14 и 15. „Страницы“, 1861 г. кн. VI. «Домашняя Бесѣда», 1870, выпускъ 45. „Духовный Вѣстникъ“, 1862, кн. 4-я. „Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1853, № 15. „Русскій Архивъ“, 1867 и 1868 гг. „Вѣстникъ Западной Россіи“, 1870 г., кн. 2-я. „Русская Правда“, 1860 г. «Военный Сборникъ», 1861, № 7. „Одесскій Вѣстникъ“, 1857, № 59 и 1869 г., №№ 230 и 239. „Молва“ 1857 г., № 20. „Сѣверная Пчела“ 1857 г., №№ 123 и 170 и 1858 г., №№ 177 и 184; сочиненія самаго Иннокентія въ разныхъ современныхъ изданіяхъ: «Христіанскомъ Чтеніи», „Воскресномъ Чтеніи“ и „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и отдѣльныя изданія „Москвитянина“, самаго Иннокентія и два изданія книгопродавца М. О. Вольфа. Сверхъ сего значительнымъ пособіемъ при составленіи настоящаго біографическаго очерка намъ служили архивныя дѣла 1842—1848 гг., хранящіяся при Харьковской духовной консисторіи.

частью составлялись по формулярному списку покойнаго архимастыря и потому носятъ на себѣ слишкомъ оффиціальныи характеръ: въ нихъ жизни почти нѣтъ, — ихъ писала рука канцеляриста; разныя воспоминанія и замѣтки слишкомъ отрывочны, касаются въ большинствѣ случаевъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, для характеристики личности Иннокентія не имѣющихъ почти никакого значенія, — нерѣдко сбивчивы и противорѣчивы, а потому довольно часто опровергаются не только воспоминаніями другихъ лицъ, но даже и письмами самаго Иннокентія, которыя нерѣдка начинаютъ появляться въ печати. Къ сожалѣнію, и писемъ этихъ до нашего времени много сохранилось не могло, — потому что Иннокентій, по причинамъ, которыя мы укажемъ въ свое время, и самъ имѣлъ обыкновеніе всегда уничтожать письма, адресованныя къ нему, и другихъ просилъ дѣлать тоже самое всегда и съ его письмами. „Поелику наша переписка съ вами, писалъ онъ, напр., Макарію, сдѣлалась почти домашнею, а подобныя переписки не для всякаго, — то не угодно-ли вамъ принять мою систему касательно писемъ, — уничтожать ихъ тотчасъ по прочтеніи? Это — необходимость въ подобныхъ случаяхъ“. Тоже самое писалъ Иннокентій и одному соборному старцу Кіево-Печерской лавры: „Пишу это къ вамъ въ надеждѣ, что это въ васъ останется... Это также только для васъ пишется. Если вздумаете писать ко мнѣ, то пишите, пожалуйста, также просто, какъ я къ вамъ. Пишите обо всемъ отъ души; вы знаете, что я не берегу писемъ; тоже совѣтую дѣлать и вамъ. Если дадите обѣщаніе, то я буду писать къ вамъ обо всемъ, въ противномъ случаѣ — замолчу“. Очевидно, высокопреосвященный Иннокентій не думалъ или даже и не хотѣлъ думать о томъ, какъ впоследствии его почитатели могутъ сожалѣть, что онъ придерживался и другимъ совѣтовалъ держаться этой именно „системы“ обращенія съ письмами — лучшимъ и вѣрнѣйшимъ біографическимъ матеріаломъ.

Къ счастью, въ настоящее время обнаружилось, что въ этомъ отношеніи Иннокентій не всегда былъ вѣренъ такой своей системѣ. По словамъ профессора Н. Барсова („Христіан. Чтен.“ 1883 года, № 11—12 стр. 632), послѣ смерти Иннокентія

осталось обширное собраніе писемъ къ нему разныхъ лицъ, въ девяти большихъ томахъ, поступившее въ собственность одного изъ близкихъ къ нему друзей Н. Х. Палаузова. Покойный книгопродавецъ М. О. Вольфъ, предпринявшій изданіе всѣхъ сочиненій Иннокентія, приобрѣлъ было отъ г. Палаузова и эти письма, какъ матеріалъ, необходимый для біографіи Иннокентія, которую онъ предполагалъ издать въ видѣ XII-го, дополнительнаго, тома полнаго собранія сочиненій Иннокентія. Біографія Иннокентія, впрочемъ не была издана Вольфомъ до послѣдняго времени, хотя сочиненія Иннокентія имъ изданы уже десять лѣтъ тому назадъ. Профессоръ Барсовъ хотѣлъ убѣдить Вольфа издать приобретенныя имъ письма къ Иннокентію или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ въ видѣ біографическаго матеріала. Но не было до сихъ поръ сдѣлано и этого. Въ настоящее время чрезъ того-же Н. Х. Палаузова указанныя письма перешли во временное пользованіе Н. Барсова, который съ послѣдней книжки „Христіанскаго Чтенія“ и началъ опубликовывать „нѣчто изъ того матеріала“, которымъ онъ располагаетъ въ настоящее время. Число этихъ писемъ восходитъ до пяти тысячъ. Свѣдѣнія, добытыя г. Барсовымъ изъ этихъ писемъ, онъ думаетъ расположить въ порядкѣ главныхъ моментовъ въ жизни и дѣятельности Иннокентія, каковы: 1) дѣтство и воспитаніе Иннокентія; 2) его ученая служба въ академіяхъ С.-Петербургской и Кіевской; 3) его литературная и проповѣдническая дѣятельность; 4) его служеніе въ санѣ архіерейскомъ въ Вологдѣ, Харьковѣ и въ Одессѣ; 5) его дѣятельность по званію члена Св. Синода. Опубликованіе этихъ писемъ, конечно, дастъ будущему біографу Иннокентія прекрасный и надежный матеріалъ. Остается только пожелать, чтобы дѣло это не было отложено „въ долгій ящикъ“ *).

Но главная трудность при составленіи надлежащаго біографическаго очерка высокопреосвященнаго Иннокентія заключается въ самой личности покойнаго архипастыря,—личности, не понятой не только его современниками, но и послѣдую-

*) Настоящая наша статья была однако-же уже окончена, когда мы узнали изъ послѣдней прошлагодной книжки „Христіан. Чтен.“ о существованіи такой массы писемъ къ Иннокентію...

щимъ поколѣніемъ. „Близорукіе“, — сознается Погодинъ, одинъ изъ почитателей Иннокентія, при полученіи извѣстія о его смерти, — „мы думали, что Иннокентій только красно говорить, точно также, какъ мы думали о Пушкинѣ, что онъ только стихи бойко пишетъ!.. Въ журналахъ нашихъ, навязывающихъ намъ въ каждомъ номерѣ по новому прѣвичному своему генію, въ журналахъ нашихъ, въ продолженіе двадцатилѣтней слишкомъ дѣятельности Иннокентіевой, вы не найдете двухъ страницъ о его сочиненіяхъ. Обильныя образцами высокаго краснорѣчія и примѣрами ораторскихъ движеній новыхъ и сильныхъ, составляющія сокровище русской словесности и русской науки, сокровище христіанскаго міра всѣхъ исповѣданій, драгоцѣнныя сочиненія Иннокентія пройдены молчаніемъ отъ современной критики. А находились еще и такіе легкомысленные, опрометчивые судьи, которые за то или другое слово, вырвавшееся у витія въ потокѣ неудержной рѣчи, за какое-нибудь общее мѣсто, проскользнувшее по привычкѣ, за неосторожное изреченіе, которое можно растолковать въ худую сторону, произносили Иннокентію приговоръ осужденія, забывая всѣ его дѣла, всѣ его заслуги, труды, достоинства, всѣ доказательства благороднаго взгляда на жизнь“. Не понявъ личности высокопреосвященнаго Иннокентія, его современники въ своемъ сужденіи о немъ принуждены были распасться даже на двѣ партіи, pro и contra, и при понятномъ раздраженіи въ связи съ другими, отчасти скрытными, мотивами весьма часто переступали предѣлы безпристрастія: одни хотѣли видѣть у Иннокентія лишь недостатки, другіе только одни достоинства. Слѣды такого раздѣленія во взглядѣ на Иннокентія довольно ясно замѣтны еще и въ настоящее время; но о борьбѣ этихъ партій мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь-же упомянемъ только о томъ, что одною изъ главныхъ причинъ такого раздѣленія возрѣвнѣй опять таки служила самая личность высокопреосвященнаго Иннокентія, о которой ни въ какомъ случаѣ нельзя было судить только по одной какой-либо сторонѣ. Самъ Иннокентій чуждъ былъ всякой односторонности. При этомъ онъ былъ лучшій сынъ своего времени въ полномъ смыслѣ этого слова. Вотъ почему его образъ совершенно не отдѣлимъ отъ той об-

становки, среди которой онъ находился, равно какъ и тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ всегда дѣйствовалъ Иннокентій. Только при характеристикѣ дѣятельности Иннокентія подъ этимъ именно условіемъ, образъ Иннокентія можетъ выступить передъ нами во всемъ своемъ величіи, во всей своей полнотѣ и точномъ соотвѣтствіи исторической правдѣ. Прилагать-же къ дѣятельности и трудамъ Иннокентія масштабъ, составленный требованіями и наукою *нашего времени* — будетъ и ненаучно, и нелогично, и несправедливо. И если современники Иннокентія смотрѣли на него односторонне и въ этомъ состоитъ главная ихъ ошибка, то судьи послѣдующаго времени оказываются виновными предъ исторіею именно въ анахронизмъ своихъ воззрѣній. Одинъ изъ ординарныхъ академиковъ, знаменитый членъ нашей Императорской Академіи Наукъ, между прочимъ, такъ отзывался о высокопреосвященномъ Иннокентіѣ въ концѣ своей біографической о немъ записки: „*Это былъ образцовый профессоръ: своими вдохновенными импровизаціями онъ пробуждалъ, увлекалъ, восторгать умы слушателей. Но по самому складу и настроенію своихъ способностей, онъ не произвелъ (?) и не могъ произвести (!) эпохи въ наукѣ, которую преподавалъ; онъ не подвинулъ ее впередъ (?), онъ даже вовсе ее не обрабатывалъ(?); лекціи, записанныя со словъ его воспитанниками, можетъ быть не всегда вѣрно, и доселѣ сохраняющіяся въ рукописяхъ, суть лекціи живыя, легкія, часто обаятельныя, но не показываютъ ни широкаго, ни самостоятельнаго взгляда на цѣлую область науки, не вездѣ запечатлѣны зрѣлостію и осповательностію, и вовсе не отличаются богатствомъ свѣдѣній. Въ лекціяхъ видѣнъ богословъ съ свѣтымъ чрезвычайно гибкимъ, возвышеннымъ умомъ, богословъ — мыслитель; но не видно того, что называется христіанскимъ глубокомысліемъ и богословскою ученостію. Судя по историческимъ сочиненіямъ Иннокентія, онъ могъ быть блестящимъ повѣтствователемъ — живописцемъ, отнюдь не ниже Карамзина, но не обладалъ собственно историческимъ талантомъ, не имѣлъ духа исторической критики и вообще всѣхъ тѣхъ свойствъ, какія *нынѣ* требуются отъ *современнаго* историка“ *). Вотъ что*

*; Вѣнокъ Погодина, стр. 37.

значить судить о человѣкѣ по чуждой для него мѣркѣ. Ученый академикъ вырвалъ Иннокентія изъ окружавшей его среды и тѣхъ условій, подѣ влияніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, приложилъ къ нему требованія *нынѣшняго* времени,—и величественный образъ по истинѣ великаго человѣка превратился въ пустой призракъ, его труды потеряли всякое значеніе и обратились въ какое-то „*милое ничто*“. Но нашъ ученый академикъ самъ не замѣтилъ того, въ какое онъ становится здѣсь противорѣчіе съ самимъ собою. Въ самомъ дѣлѣ,—если Иннокентій „по самому складу и настроенію своихъ способностей не произвелъ и не могъ произвести эпохи въ наукѣ, которую даже самъ преподавалъ“, если онъ „не подвинулъ ея впередъ“, если онъ даже ея не обработывалъ, если онъ не имѣлъ самостоятельнаго взгляда на науку, былъ чуждъ зрѣлости и основательности, не отличался богатствомъ свѣдѣній, христіанскимъ глубокомысліемъ и богословскою ученостію и т. п.,—то зачѣмъ же было ординарному ученому академику говорить и притомъ—столь длинную рѣчь о такомъ заурядномъ и незначительномъ человѣкѣ, который только умѣлъ „красно говорить“? Ясно, что здѣсь что-то не такъ; несомнѣнно, что такого взгляда „на вѣру“ принимать нельзя; а провѣривъ его, увидимъ, что съ нимъ и согласиться нельзя. И дѣйствительно, какъ узнаемъ въ свое время, нашъ ученый академикъ забылъ про многое въ своей оцѣнкѣ дѣятельности высокопреосвященнаго Иннокентія; забылъ прежде всего то великое значеніе, какое несомнѣнно принадлежитъ Иннокентію въ дѣлѣ возрожденія богословской науки, если не въ Россіи вообще, то по крайней мѣрѣ въ кievской академіи. А между прочимъ значеніе Иннокентія въ этомъ отношеніи такъ велико, что почти справедливо было бы сказать: не будь въ кievской академіи ректора Иннокентія, у насъ, быть можетъ, не было бы и настоящаго строгаго судіи его—нашего ученаго академика,—по крайней мѣрѣ—такого ученаго, какимъ мы знаемъ его въ области нашей богословской и церковно-исторической науки... Вся ошибка его—повторяемъ—произошла отъ того, что онъ судилъ объ Иннокентіѣ лишь по однимъ требованіямъ *нашего* времени и не потрудился взглянуть на него глазами его времени.

Въ настоящей своей статьѣ мы вовсе не имѣемъ намѣренія писать полную біографію „величайшаго изъ нашихъ церковныхъ ораторовъ настоящаго столѣтія“. Цѣль наша совершенно иная. Высоко цѣня то значеніе, какое несомнѣнно принадлежитъ Иннокентію въ исторію нашей Церкви и даже нашего отечества, мы всегда интересовались его личностію. Мѣстное преданіе, какъ и изученіе существующаго біографическаго матеріала, заставили насъ видѣть въ личности Иннокентія не прекраснаго только оратора, который лишь „красно говоритъ“, но человѣка съ именемъ котораго связано болѣе четверти вѣка лучшей, духовно-правственной жизни современнаго ему русскаго общества. Подъ вліяніемъ такого взгляда на Иннокентія не малое время мы посвятили для изученія его личности по харьковскимъ архивамъ, такъ какъ именно въ Харьковѣ Иннокентіемъ проведено болѣе семи лѣтъ лучшей поры его жизни и дѣятельности.

Это изученіе архивныхъ бумагъ, ознакомленіе съ подлинными Иннокентіевскими представленіями, предложеніями, резолюціями и разнаго рода распоряженіями, привело насъ къ нѣкоторымъ новымъ и весьма отраднымъ результатамъ, имѣющимъ свое полное значеніе какъ для исторіи нашей Церкви, такъ въ частности и для личной исторіи самаго Иннокентія. Съ этою же цѣлію уже завязаны нами сношенія и съ лицами, имѣющими доступъ къ архивамъ Одессы. Профессоръ Барсовъ, признавая составленіе настоящей біографіи Иннокентія дѣломъ необходимымъ не только для чести нашей духовной литературы, но и для славы православной русской Церкви, говоритъ, что „настала уже пора исторіи (жизни Иннокентія), той исторіи, подробной и спеціальной“, которая только и возможна въ наше время, „такъ какъ доселѣ еще живутъ и дѣйствуютъ многіе сверстники и ученики Иннокентія“. Но намъ кажется преждевременною мысль о составленіи полной біографіи Иннокентія. Какъ мы видѣли выше, въ своихъ письмахъ къ двумъ своимъ знакомымъ, Иннокентій ясно говоритъ, что онъ уничтожаетъ письма, получаемыя имъ, — что проситъ дѣлать и съ его письмами. Кто же послѣ этого могъ бы предпологать, что послѣ его смерти у него отыщется обширное собраніе писемъ къ не-

му въ девяти большихъ томахъ? А между тѣмъ отыскалось... Не опубликованы, разумѣется, еще и многія другія и при томъ документальныя данныя... Вотъ почему мы и предупреждаемъ своихъ читателей, что писать полной біографіи Иннокентія мы не имѣемъ въ виду; цѣль наша — лишь познакомить ихъ съ добытыми нами результатами продолжительнаго изученія въ Харьковѣ архива мѣстной консисторіи. Для полнаго же пониманія этихъ результатовъ и для составленія болѣе правильнаго взгляда на дѣятельность Иннокентія во время его пребыванія въ г. Харьковѣ, намъ кажется необходимымъ ознакоми́ться сначала съ личностію самаго Иннокентія, насколько, конечно, это пока возможно. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ предложить своимъ читателямъ, если и не совсѣмъ полный, то, по крайней мѣрѣ, цѣльный и законченный біографическій очеркъ того лица, харьковскую дѣятельность котораго мы намѣрены охарактеризовать сравнительно гораздо полнѣе,—очеркъ, составленный на основаніи существующаго уже въ нашемъ распоряженіи біографическаго матеріала.

I.

Въ 1800 году, 15 декабря, въ четвергъ, въ г. Ельцѣ, Орловской губерніи у одного изъ приходскихъ священниковъ именно—священника градской Успенской церкви Алексія Борисовича Борисова и жены его Акилины Гавриловны, урожденной Лубеновской—родился и въ тотъ же день былъ окрещенъ сынъ, котораго при св. крещеніи нарекли именемъ Іоанна. Этотъ-то младенецъ Іоаннъ и сталъ впоследствии однимъ изъ великихъ людей перваго полустолѣтія нашего вѣка, однимъ изъ неустанныхъ тружениковъ нашей церковно-богословской науки, отличнымъ школьнымъ администраторомъ, златоустымъ проповѣдникомъ, доблестнѣйшимъ православнымъ іерархомъ, достойнѣйшимъ сыномъ Россіи, однимъ словомъ—*Иннокентіемъ* Борисовымъ, *Иннокентіемъ* Херсонскимъ...

Родители Иннокентія были люди простые, неученые, по доброй и высоко нравственной жизни. Благочестіе ихъ было извѣстно между всѣми знавшими ихъ и даже—далеко за границами ихъ уѣзднаго городка. Такъ, пѣкго Афанасій Красовскій,

житель Орла, называющій себя въ письмахъ къ Иннокентію его другомъ, въ одномъ изъ нихъ отъ 25 апрѣля 1835 г., 24 г. спустя послѣ смерти о. Алексѣя Борисова, говоритъ: „третьяго дня я былъ на родинѣ вашей, въ Ельцѣ, гдѣ много и очень много имѣлъ удовольствія узнать о благочестивой жизни покойнаго родителя вашего, память котораго не умираетъ и остается въ сердцахъ зпавшихъ его. Да направитъ и насъ Господь на путь, коимъ слѣдовалъ сей добрый пастырь“. Въ *post scriptum*, въ томъ же письмѣ, прибавлено: „преосвященный Никодимъ мнѣ очень много говорилъ о благочестивой жизни и благословенныхъ Богомъ дѣяніяхъ вашего родителя“. О. Алексѣй Борисовъ былъ человѣкъ, не получившій никакого школьнаго образованія, но отъ природы онъ получилъ богатые дары душевные какъ и тѣлесные, ставши служителемъ алтара Господня развилъ ихъ самъ чтеніемъ, размышленіемъ и усерднымъ прилежаніемъ къ дѣлу своего служенія. Изъ низшихъ степеней клира дослужился онъ, наконецъ, до діаконства; священства, которое онъ получилъ за четыре года предъ рожденіемъ Иннокентія, онъ не искалъ, но оно само пришло къ нему. Когда при Елецкой Успенской церкви упразднилось священническое мѣсто, о. Алексѣй и не думалъ проситься на него. Только прихожане уговорили его поѣхать съ выборными изъ нихъ къ архіерею — Аполлосу Байбакову, который и посвятилъ его во священники, исполняя просьбу прихожанъ, хотя въ то время уже въ Ельцѣ, какъ и вообще по городамъ священники были лица, обучавшіяся въ семинаріи. Впрочемъ, о. Алексѣй оказался священникомъ вполне достойнымъ своего званія. Старшій сынъ его Матѳей Алексѣевичъ рассказываетъ ¹⁾, что когда онъ сдѣлался священникомъ, то не проходило ни одного воскреснаго и праздничнаго дня безъ того, чтобы храмъ его не оглашался словомъ какого либо изъ извѣстныхъ проповѣдниковъ. Любимыми проповѣдниками о. Алексѣя были: Платоць, Гедеонъ (Криновскій), Димитрій Ростовскій, Мипятій. Разборчивость вкуса въ сочиненіяхъ сего рода была у него самая тонкая. Онъ выступалъ передъ слушателей, говоритъ тотъ же сынъ его, съ такою только проповѣдію, которою пред-

¹⁾ Хр. Чт. 1883 г., № 11—12, стр. 641.

варительно трогался и убѣждался самъ и которую усвоивалъ до того, что слушатели внимая словамъ его, совершенно теряли изъ виду лежавшую передъ нимъ книгу и вѣрили, что онъ произноситъ свое живое, а не чужое печатное слово...

Мать Иннокентія, по словамъ того-же самаго Матвея Алексѣевича Борисова, въ параллель отцу его, была женщина не грамотная, но весьма умная, благочестивая и въ высшей степени набожная. Крестъ и молитва были главнымъ основаніемъ всей ея жизни, всѣхъ ея мыслей, дѣйствій и поступковъ. Всѣ ея знанія ограничивались ручной пасхаліей, которую она помнила весьма твердо. Вѣра ея въ силу и дѣйствіе священныхъ вещей такъ была велика, что одними ими ограждалась она отъ всѣхъ нравственныхъ и физическихъ враждебныхъ вліяній. Во всю долговременную (76 лѣтъ) жизнь свою она не лечилась, боясь умереть скорѣе отъ лекарства, чѣмъ отъ болѣзни. У нея была своя домашняя аптека, состоявшая изъ травушекъ муравушекъ, а также изъ разныхъ св. водъ, особенно крещенской-полуночной, херувимскаго роснаго ладона (употреблявшагося при кажденіи во время херувимской въ дванадцатые праздники), благословенныхъ хлѣбовъ, елеевъ отъ чудотворныхъ иконъ, Богородичныхъ просфоръ и подобныхъ симъ священныхъ вещей. Ими она врачевала себя и своихъ дѣтей, и, удивительное дѣло, всѣ таковыя лекарства оказывали свое дѣйствіе. О матеріальномъ положеніи и средствахъ къ жизни семейства Борисовыхъ въ этотъ періодъ времени мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Но если судить объ этомъ съ одной стороны по общимъ условіямъ жизни нашего тогдашняго духовенства (Борисовы едва-ли могли составить въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе), а съ другой стороны потому, съ какимъ вниманіемъ и любовію впоследствии, бывши уже епархіальнымъ архіереемъ, Иннокентій всегда заботился объ усиленіи матеріальныхъ средствъ содержанія вѣрснаго ему духовенства и особенно сиротъ его, то можно думать только, что и онъ самъ испыталъ не мало тяжелаго на своемъ вѣку и—особенно, конечно, во время своего дѣтства. Впрочемъ, что внѣшнія условія жизни Борисовыхъ въ этотъ періодъ времени были скудны и бѣдственны, объ этомъ, во всякомъ случаѣ, мо-

жно составить себѣ нѣкоторое представленіе уже по одному тому, какъ старшій братъ Иннокентія, Матѳей Алексѣевичъ Борисовъ, описываетъ ту избу, въ которой жили его родители и въ которой родился и былъ крещенъ его знаменитый братъ. „Жилище наше, говоритъ онъ, было хотя и городское, но скудное и тѣсное. Весь домъ состоялъ изъ избы, сѣней и клѣти. Такъ какъ клѣть не имѣла печи, и имѣть ее не могла, потому что сложена была на живую нитку и поставлена на куры ножки, то изба въ зимнее время служила намъ всѣмъ: и прихожею, и гостинною, и кухню, и спальнею, и кабинетомъ, и модельною. Но лѣтомъ часть этихъ обязанностей принимала на себя клѣть: въ ней открывалась пріемная и гостинная; она же была кабинетомъ, спальнею и моленной батюшки, — модельней лишь въ ненастное время; въ хорошую погоду онъ молился всегда въ саду, посаженномъ и выращенномъ собственными его руками... Изба наша служившая въ зиму для всѣхъ цѣлей, не смотря на это, содержалась всегда въ чистотѣ и опрятности... Постороннихъ прислугъ у насъ не было“ *).

Въ этомъ-то бѣдномъ помѣщеніи проведено Иннокентіемъ его раннее дѣтство и получено первоначальное образованіе. Говорятъ, что иногда самыя игры дѣтей предугазываютъ на ихъ будущее служеніе, ихъ будущую дѣятельность. Нѣчто подобное можно видѣть въ дѣтствѣ Иннокентія. Братъ Иннокентія, Матѳей Алексѣевичъ Борисовъ, старше его на восемь лѣтъ, видѣвшій день его рожденія и крещенія, которое было совершено самимъ отцомъ Иннокентія, смотрѣвшій съ палатей своей избы на совершеніе этого таинства, слышавшій, по его собственнымъ словамъ, первый плачь своего маленькаго братца, любовавшійся его улыбкою, находившійся неотступно при его колыбели и участвовавшій въ его забавахъ и играхъ, — рассказываетъ намъ слѣдующій фактъ изъ его ранняго дѣтства. „Въ домѣ родителя Иннокентіеваго, говоритъ Матѳей Алексѣевичъ, обучались чтенію и письму дѣти лучшихъ Елецкихъ гражданъ. Правиль теоріи взаимнаго обученія въ то время не существовало; но у него былъ этотъ способъ на самомъ дѣлѣ: дѣти взаимно обучали другъ друга безъ помощи наставника. Все

*) Хр. Чт. 1883, № 11—12, стр. 641—642.

это происходило предъ глазами Иннокентія и сильно впечатлѣлось въ его живой, подвижной и жадной душенькѣ. Рано захотѣлось ему дѣлать тоже самое, что дѣлалось предъ его глазами, и онъ принялся за подражаніе, но своимъ оригинальнымъ образомъ. Вообще не зная ни механизма, ни процесса чтенія, онъ вдругъ взялся за чтеніе: бралъ книгу изъ библіотеки отца и читалъ ее по своему: съ самой первой страницы и первой на ней строки, ведя по каждой строкѣ указательнымъ пальцемъ, вмѣсто указки, бормоталъ про себя или вслухъ какія-то извѣстныя ему дѣтскія фразы; такъ продолжалось это чтеніе чрезъ всю книгу и оканчивалось послѣднею строкою послѣдней страницы. Въ нѣсколько пріемовъ ребенокъ перелистывалъ, а по его понятію, перечитывалъ книгу и брался за другую“.

Здѣсь-же, т. е. въ родительскомъ домѣ, Иннокентій началъ впрочемъ и свое дѣйствительное обученіе чтенію и письму. „Съ проясненіемъ сознанія о самомъ себѣ и окружающихъ вещахъ, говоритъ тотъ-же Матѳей Алексѣевичъ, пробудилось въ Иннокентіѣ желаніе узнать, что такое было въ книгахъ, имъ, по видимому, прочитанныхъ. Страстно принялся онъ за ученіе и быстро усвоилъ себѣ механизмъ и процессъ чтенія (въ то время полный курсъ дѣтскаго ученія состоялъ изъ азбуки—изданія главнаго правленія училищъ, часослова, псалтыря и чистописанія). При такой привязанности къ книгамъ легко было научить Иннокентія читать и писать, но тутъ представлялась трудность особаго рода. Требовалось умѣнье дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ такъ, чтобы ребенокъ не замѣчалъ, что его учатъ, а что онъ самъ учится. Научившись чтенію и письму, Иннокентій съ жадностью бросился на книги, особенно церковно-историческія, которыхъ въ домашней библіотекѣ было не мало; Ветхій и Новый завѣтъ, четьи-минеи, патерикъ, прологъ,—все это было прочитано имъ, и—не разъ, и наполнило душу его образами и примѣрами благотворными“.

До девяти лѣтъ своей жизни Иннокентій—въ то время еще маленькій Ванюша—прожилъ въ домѣ своихъ родителей подъ общимъ присмотромъ и руководствомъ и особою заботливостью своихъ родителей, какъ послѣднее дитя этой простой, по доброй супружеской четы. Ему позволяли многое, что не дозво-

лялось другимъ дѣтямъ. „Опъ терпѣть не могъ, говоритъ Матоей Алексѣевичъ, никакого принужденія и стѣсненія и ему давалась полная свобода; пользоваться только свободою дозволялось не заглазно, а въ глазахъ родительскихъ“. Физически ростъ онъ, впрочемъ, весьма туго и медленно; на малый ростъ свой онъ всегда досадовалъ и впоследствии.

Въ 1810 году, послѣ рождественскихъ святокъ, въ январѣ мѣсяцѣ, о. Алексѣй Борисовъ отвезъ въ Воронежъ и втораго своего сына, Ивана, которому только мѣсяць назадъ исполнилось девять лѣтъ, для опредѣленія въ воронежскую семинарію, въ которой въ то время уже обучался старшій его сынъ Матоей. Ваня Борисовъ превосходно выдержалъ экзамень и былъ принятъ въ воронежскую семинарію прямо во второй классъ. Такъ какъ въ воронежской семинаріи въ то время общежитія еще не было (общежитіе устроено въ Воронежѣ только въ 1821 или 1822 году), то о. Алексѣй Борисовъ по неволѣ оставилъ своего сына Ивана на частной квартирѣ близъ Ильинской церкви у какой-то вдовы Авдотьи Алексѣевны Бражниковой, гдѣ уже проживалъ и его братъ Матоей. Квартиры этой Ванюша Борисовъ не перемѣнялъ въ продолженіе всего времени своего обученія въ воронежской семинаріи. Не смотря на всѣ неблагоприятныя условія обученія въ нашихъ тогдашнихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Иванъ Борисовъ учился однако-же лучше другихъ и въ сентябрѣ того же 1810 г. былъ переведенъ въ третій классъ, а въ январѣ 1811 г.—въ четвертый или, по тогдашнему, синтаксисъ. Наставниками Иннокентія въ воронежской семинаріи были: во 2 классѣ—Василій Васильевичъ Скрябинъ, въ 3—Алексѣй Петровичъ Лебедевъ, въ 4—Иванъ Ивановичъ Скрябинъ; ректоромъ въ то время былъ о. Аѳанасій Савинскій, префектомъ—Иванъ Ивановичъ Митропольскій. Въ мартѣ или апрѣлѣ 1811 года Ваня Борисовъ заболѣлъ оспою и былъ взятъ своею матушкою домой, гдѣ и пробылъ до своего выздоровленія. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ о. Алексѣй отвезъ обоихъ своихъ сыновей—Матоея и Ивана— снова въ Воронежъ для продолженія ученія. Но болѣе они его уже не видѣли живымъ. Онъ умеръ 16 октября. Такимъ образомъ, Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ лишился своего отца на одиннадцатомъ году своей жизни.

По случаю смерти о. Алексѣя Борисова, мать послала за своими дѣтьми—Матѳеемъ и Иваномъ—въ Воронежъ для присутствованія при погребеніи отца и они прибыли въ Елецъ на другой день смерти покойнаго батюшки. Послѣ совершенія погребенія, по совѣту родныхъ и близкихъ знакомыхъ, новая вдова вмѣстѣ съ тремя своими дѣтьми отправилась въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Сѣвскъ, гдѣ тогда жилъ мѣстный епархіальный архіерей и гдѣ находилась въ то время орловская семинарія. Цѣль этой поѣздки вдовы Борисовой состояла въ томъ, чтобы испросить милости у своего владыки—зачислить отцовское мѣсто за дочерью Екатериною Алексѣевною и опредѣлить въ мѣстную семинарію сыновей—Матѳея и Ивана. Архіерей отнесся къ положенію сиротъ съ участіемъ; впрочемъ, мѣста отцовскаго за Екатериною Алексѣевною не зачислилъ, но все таки далъ ей жениха, который впослѣдствіи и былъ посвященъ во діакона. Братья Борисовы были отправлены въ Сѣвскую семинарію на экзаменъ. Экзаменъ этотъ производился префектомъ Петромъ Андреевичемъ Максимовымъ въ архивѣ орловскаго семинарскаго правленія и состоялъ въ слѣдующемъ. Сначала префектъ предложилъ Ивану Алексѣевичу Борисову сказать по латышѣ такую фразу: „рука руку моетъ, и обѣ хотятъ быть бѣлы“; Иванъ Алексѣевичъ отвѣтилъ сразу, нисколько не замѣшавшись; затѣмъ префектъ приказалъ ему перевести на латинскій языкъ стихъ: „Господи, аще не быхомъ имѣли святыя Твоя молитвенники“. Иванъ Борисовъ безошибочно перевелъ на латинскій языкъ и этотъ стихъ. Такъ какъ экзамены были выдержаны вполне удовлетворительно, то братья Борисовы и были приняты въ Сѣвскую семинарію безпрепятственно: Матѳеемъ—въ философію, а Иванъ—въ синтаксисъ. Ивана Алексѣевича въ этомъ классѣ обучалъ какой-то вподіаконъ Алексѣй Ларионовичъ Кутеповъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1812 года Иванъ Борисовъ былъ переведенъ въ поэзію, которой обучалъ его какой-то уже протоіерей Гапоновъ. Черезъ годъ его перевели въ риторику; здѣсь его учителемъ, кажется, былъ іеромонахъ Арсеній, котораго, неизвѣстно почему, называли Лаптемъ. Въ это время братьямъ Борисовымъ пришлось разстаться на довольно продолжительное время. Иванъ Алексѣевичъ до окончанія кур-

са оставался въ Сѣвскѣ, а Матоей Алексѣевичъ, окончившій въ этомъ году курсъ семинарскаго ученія, былъ отправленъ въ С.-Петербургъ для поступленія въ с.-петербургскую духовную академію, изъ которой онъ впоследствии и былъ выпущенъ со степенью магистра. Такъ какъ въ орловской или сѣвской семинаріи риторикъ въ то время было три, то, при отъѣздѣ въ Петербургъ, Матоей Алексѣевичъ и просилъ тогдашняго ректора Амвросія, оставивъ прочія риторики, перевести его брата — Ивана прямо въ философію, для утѣшенія матушки, — тѣмъ болѣе, что этого вполне заслуживалъ его братъ Иванъ Борисовъ и по своимъ успѣхамъ. Просьба эта однакоже не была уважена.

За отсутствіемъ общежитія и въ Сѣвскѣ—Борисовы принуждены были жить на частныхъ квартирахъ.

Въ этомъ отношеніи въ Сѣвскѣ они не были такъ счастливы, какъ въ Воронежѣ и три раза принуждены были перемѣнять свою квартиру: сначала они квартировали у вдовы Остроумовой, потомъ у Степана плотника и, наконецъ, у Оомы каменщика. Оставляя Сѣвскъ, Матоей Алексѣевичъ Борисовъ поручилъ своего брата—Ивана въ этомъ отношеніи доброму своему пріятелю Ивану Степановичу Переверзеву, съ которымъ онъ впоследствии вмѣстѣ и квартировалъ.

Не отличаясь отъ своихъ товарищей и другихъ воспитанниковъ сѣвской семинаріи внѣшними условіями своего существованія, не избалованный ни природою, ни людьми, щедущій, бѣлокурый, небольшого роста, Иванъ Борисовъ съ самыхъ раннихъ временъ своего обученія въ сѣвской семинаріи обнаружилъ въ себѣ бойкія и блестящія способности и недюжинныя дарованія. Всегда живой и рѣзвый, легко увлекавшійся забавами дѣтства и первой юности, но умѣвшій аккуратно прятать концы своихъ шалостей (такъ характеризовали его бывшіе его товарищи по воронежскому духовному училищу и сѣвской семинаріи), онъ мало предавался школьнымъ трудамъ и выѣкласнымъ занятіямъ, но никогда не отстаивалъ наукою отъ другихъ, всегда успѣвалъ въ усвоеніи „заданныхъ“ уроковъ и часто даже превосходилъ своими успѣхами всѣхъ своихъ со товарищей. Обширная и живая память, пламенная фантазія, не-

обыкновенная быстрота мышленія, удивительная смѣтливость въ соображеніяхъ рѣзко отличали его отъ всѣхъ его товарищей. Первые его опыты въ сочиненіяхъ—въ риторическомъ классѣ, первыя разсужденія—въ философскомъ, первыя проповѣди—въ богословскомъ, которыя онъ писалъ вообще очень скоро и съ величайшею легкостію, перѣдко поражали своими достоинствами не только совоспитанниковъ его, но и самихъ его наставниковъ.

На двадцатомъ году своей жизни, именно въ 1819 году, Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ блистательно окончилъ полный курсъ ученія въ орловской духовной семинаріи и остановился на мысли—поступить приходскимъ священникомъ, если не въ городъ, то по крайней мѣрѣ въ одно изъ селъ своей родины. Провидѣніе предназначало его однакоже къ совершенно другому рода общественной дѣятельности.

Въ это время состоялось такъ называемое „преобразование“ или—лучше сказать—начало возрожденія кievской духовной академіи. Мы употребили слово „возрожденіе“, потому, что словомъ „преобразование“, по нашему мнѣнію, не вполне выражается то великое событіе, которое совершилось въ это время въ исторіи кievской духовной академіи. Знаменитая старая кievская академія, стоявшая нѣкогда съ полнымъ достоинствомъ на высотѣ своего призванія, стремившаяся удовлетворить всѣмъ тѣмъ требованіямъ, на которыя въ наше время отвѣчаютъ цѣлыхъ три рода учебныхъ заведеній: высшее, среднее и высшее, обучающая, кажется, всему чему только можно было учить, начиная съ чтенія и письма, преподаванія классическихъ и новыхъ языковъ, такъ называвшихся тогда „наукъ свободныхъ“, каковы: поэзія, риторика, философія, математика, физика, астрономія, архитектура и даже медицина, и оканчивая богословіемъ съ его различными развѣтвленіями,—славная именами, равно какъ учеными и проповѣдническими трудами такихъ лицъ, какъ—Петръ Могила, Исаія Троф. Козловскій, Сильвестръ Коссовъ, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Гизель Голятовскій, св. Дмитрій Ростовскій, Яворскій, Прокоповичъ, Мопатинскій, Тодорскій, Мязцевскій, Конисскій, Фальковскій, Леванда и др.,—выдѣлившая изъ себя въ пер-

вую половину XVIII вѣка цѣлый сонмъ знаменитыхъ православныхъ іерарховъ, проповѣдниковъ, полемистовъ, основателей и учителей семинарій и училищъ, лучшихъ православныхъ миссіонеровъ, достигавшихъ Tobольска, Иркутска и Амурса, и даже государственныхъ чиновниковъ, каковы, напр., канцлеръ Безбородко и первый министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій,—доставлявшая учителей народныхъ училищъ и студентовъ новоучреждаемыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, воспитавшая по своей грамматикѣ Ломоносова, давшая отечеству цѣлый рядъ ученыхъ и литературныхъ тружениковъ, перѣдко занимавшихъ почетныя мѣста въ ряду извѣстныхъ русскихъ писателей, ученыхъ изслѣдователей и даже профессоровъ университета,—накопецъ, раньше всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній оказавшая содѣйствіе и религіозному образованію бѣдствовавшихъ единоувѣрцевъ нашихъ въ Молдавіи, Валахіи и Сербіи и самой Греціи, доставляя имъ изъ своихъ воспитанниковъ учителей и даже первыхъ основателей школъ, извѣстныхъ ученыхъ и пастырей, въ томъ числѣ даже Константинопольскаго патріарха Констанція,—старая кіевская академія къ концу XVIII и началу XIX столѣтія, можно сказать, пережила свою славу. Широкій продолжительный отливъ отъ академіи ея образовательныхъ силъ въ другія мѣста, невознаграждаемый въ соразмѣрной степени приливомъ новыхъ силъ отвлѣтъ долженъ былъ обнаружиться нѣкоторымъ истощеніемъ собственныхъ силъ старой учительницы. Послѣ успѣховъ въ общемъ движеніи русской науки и образованія, особенно съ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, кіевская академія, жившая вдали отъ центровъ образовательнаго развитія Россіи, почувствовала себя нѣсколько отсталюю. Въ это время она почти совершенно устранилась отъ жизни и производила свои работы въ тихомъ уединеніи, вдали отъ шумнаго потока ея, погружаясь всѣмъ своимъ существомъ лишь въ созерцаніе Божественной истины; но устраниаясь отъ жизни и мечтая сама собою познать вѣчную истину Евангелія, она впадала въ жалкое самообольщеніе. Слушая уроки такой мудрости, современники могли поражаться только высренностію ихъ, но мало пазидались ими,—и жизнь шла своимъ путемъ по направле-

нію всеувлекающаго духа времени. Латинизмъ-же и полонизмъ окончательно парализовали значеніе старой кievской академіи для современной русской жизни. Тѣмъ не менѣе, ободряемая своими протекторатами и особенно своимъ просвѣщеннымъ архипастыремъ Самуиломъ Миславскимъ, древняя кievская академія старалась обновить и возвысить свое образованіе, занимствуясь для этого образовательными силами изъ Великороссіи, въ частности московскаго университета, а также и изъ—за-границы. Хотѣли своимъ ходатайствомъ пособить ей въ этомъ дѣлѣ и мѣстные представители государственной власти, весьма часто только у нея находившіе кандидатовъ для такихъ мѣстъ служебныхъ, гдѣ требовалось образованіе. Была даже мысль преобразовать академію въ университетъ, расширивъ существовавшіе въ ней курсы и образовавъ новые факультеты, среди которыхъ оставался-бы съ подобающимъ значеніемъ и обширный факультетъ богословскій *).

Къ счастью или несчастью, желаніе кievлянъ—преобразовать академію въ университетъ—такъ и осталось лишь однимъ желаніемъ; въ дѣйствительности-же оно не осуществилось. Правительство, по видимому, нашло неудобнымъ поддерживать ветхое учрежденіе новыми затратами или—вливать новое вино въ старыя мѣха. Преобразование кievской академіи рѣшено было начать, какъ тогда говорили, „разборомъ“ стараго, отжившаго уже учрежденія. 14 августа 1817 года состоялся указъ, въ которомъ говорилось, что такъ какъ существующія уже семинаріи, въ которыхъ великое число юношества или пріобрѣтаетъ образованіе самостоятельно или только теряетъ время отъ несовершенства наставниковъ, требуютъ ближайшей и неукоснительной помощи: то и настаетъ необходимость предвартить образованіе кievской академіи образованіемъ семинарій кievскаго округа, а до того всѣ училища кievскаго округа подчинить вѣдомству с.-петербургскаго академическаго правленія. Кievская академія, впредь до предполагаемаго ея преобразо-

*) О состояніи старой кievской академіи подробности можно читать въ „Исторической запискѣ“ Малышевскаго и въ сочиненіяхъ Аскоченскаго: „Кievъ съ древнимъ сто училищемъ Академіею“ и „Исторія Кievской духовной академіи“, — равно какъ и въ „Исторіи Кievской духовной академіи“, Макарія.

ванія, была обращена, такимъ образомъ, лишь въ простую семинарію, въ которой даже лучшіе ея воспитанники, бывшіе студенты старой академіи, но оказавшіеся неподготовленными для образованія и одного курса новой академіи, должны были доучиваться еще два года, чтобы подготовиться къ поступленію въ будущую академію.

Эта повосформированная семинарія, выродившаяся изъ бывшей кievской академіи, хотя и осталась въ тѣхъ-же самыхъ зданіяхъ, какія занимала и прежде, бывши еще академією, — въ старомъ академическомъ корпусѣ помѣщались классы, а въ „бурсѣ“ жили казеннокоштные воспитанники и находилась больница, — тѣмъ не менѣе какъ въ учебномъ, такъ и воспитательномъ отношеніяхъ она была поставлена уже на совершенно новыхъ, исключительныхъ началахъ. Чтобы выполнить свою задачу въ этомъ отношеніи, — новая семинарія или бывшая кievская академія пуждалась въ новыхъ, способныхъ и подготовленныхъ къ тому лицахъ, какъ начальствующихъ, такъ и учащихся и даже — самыхъ учащихся. Съ этою цѣлію въ кievскую семинарію присланъ былъ изъ Петербурга новый ректоръ, молодой бакалавръ словесныхъ наукъ при с.-петербургской духовной академіи, магистръ перваго курса ея, архимандритъ Моусей (Антиповъ); инспекторомъ былъ назначенъ его товарищъ по академіи и профессорству, магистръ и бакалавръ той-же академіи, Михаилъ Ивановичъ Леонтовичъ (впоследствии — Мелетій, бывший архіепископъ Харьковскій, стяжавшій себѣ любовь паствы и славу святителя безсребренника); были присланы также и новые профессора — Иванъ Михайловичъ Скворцовъ, магистръ втораго курса с.-петербургской духовной академіи, преподававшій философію и математику въ кievской духовной семинаріи и магистръ той-же с.-петербургской академіи Александръ Андреевичъ Максимовичъ. Не безъ смущенія, говоритъ преданіе, встрѣтили въ старой академіи молодыхъ реформаторовъ. Но тоже преданіе прибавляетъ, что умѣлая обходительность, къ какой они настроены были сверху и какая сообразовалась съ ихъ собственнымъ гуманнымъ характеромъ, значительно примиряла старыхъ академиковъ съ новыми, а послѣднимъ облегчала дѣло преобразованія. Изъ

прежнихъ кievскихъ академическихъ наставниковъ въ новообразованной семинаріи остались только трое: преподаватель словесности—Кирилль Куницкій (воспитанникъ старой кievской академіи, въ которой-же былъ и учителемъ латинской и російской словесности и греческаго языка), учитель греческаго и французскаго языковъ П. П. Алехинъ и учитель математики—И. И. Гловацкій. Въ новую кievскую семинарію, кромѣ воспитанниковъ старой академіи, собраны были священническія и діаконскія дѣти и изъ разныхъ другихъ мѣстныхъ школъ.

27 октября 1817 года новая кievская семинарія была открыта официально. Послѣ торжественнаго богослуженія былъ совершенъ актъ, на которомъ новые семинарскіе преподаватели или—какъ тогда ихъ называли—профессоры произносили свои рѣчи. Между прочимъ, произнесъ тогда рѣчь и новый инспекторъ кievской семинаріи, Михаилъ Ивановичъ Леонтовичъ. Содержаніе его рѣчи составляло „разсужденіе о томъ, каково должно быть воспитаніе юношества вообще и въ особенности—духовнаго“.

Два года, назначенные для подготовленія къ открытію кievской духовной академіи, прошли быстро. Въ эти два года тогдашней семинарской наставнической корпораціи пришлось поработать не мало; а трудъ всегда бываетъ лучшимъ сократителемъ времени. Особенно много хлопотъ причинила семинарской администраціи подготовка академическихъ здавій, слишкомъ сильно пострадавшихъ отъ пожара, бывшаго въ Кіевѣ въ 1811 году. Дѣло это, впрочемъ, устроилось вполнѣ удачно, благодаря энергіи ректора Моусея, который, по преданію, самъ иногда прилагалъ руки къ работамъ каменщиковъ и плотниковъ, чтобы захотить учениковъ семинаріи и училищъ къ этому гимнастическому, въ часы досуга, упражненію *).

Наконецъ, наступилъ и 1819 годъ, въ который предположено было открыть кievскую духовную академію. Оказалось, впрочемъ, что воспитанники кievской духовной семинаріи еще все таки не въ силахъ были составить изъ себя академическаго курса,—въ который,—къ слову сказать,—изъ кievской семи-

*) Ср. юбилей к. д. академіи, стр. 80.

нарии вошло тогда только *три* воспитанника. Сказалась нужда въ вызовѣ студентовъ изъ другихъ семинарій кievскаго округа. И дѣйствительно, изъ одинадцати семинарій, въ томъ числѣ и харьковскаго коллегіума, были вызваны для поступления въ кievскую академію 53 воспитанника, окончившіе въ томъ году въ своихъ семинаріяхъ курсъ и выпущенные со степенью студента. Изъ орловской семинаріи было отправлено пять студентовъ: *Иванъ Борисовъ*, *Василій Орловъ*, *Михаилъ Филищовъ*, *Павелъ Діомидовъ* и *Петръ Богословскій* *), которые въ августѣ мѣсяцѣ 1819 года и прибыли въ городъ Кіевъ для поступленія въ первый академическій курсъ. Къ этому-же времени прибыли въ кievскую духовную академію и еще нѣкоторые новые ея преподаватели.

Такимъ образомъ орловскому семинаристу Ивану Алексѣевичу Борисову выпалъ счастливый жребій и по времени и по своимъ занятіямъ и успѣхамъ быть первымъ питомцемъ возрожденной кievской духовной академіи и даже участвовать въ рѣдкомъ вообщемъ торжествѣ открытія новой академіи, устроенномъ маститымъ кievскимъ архипастыремъ, митрополитомъ Сераціономъ. Профессоръ Малышевскій, имѣвшій возможность рассказать намъ объ этомъ торжествѣ по дѣламъ академическаго архива, въ своей „Исторической запискѣ“ говоритъ по этому случаю слѣдующее: „въ торжествѣ (открытія кievской духовной академіи) приняли участіе мѣстное духовенство съ архипастыремъ во главѣ, преподаватели и воспитанники училищъ, семинаріи, высшіе представители мѣстной администраціи и члены городского управленія. Послѣ литургіи въ Успенскомъ соборѣ, крестнаго хода изъ него въ Братскую церковь и молебствія въ ней, совершился въ этой самой заѣзѣ (въ которой профессоръ Малышевскій читалъ свою записку) актъ открытія академіи. Здѣсь, по объявленіи правительственныхъ распоряженій касательно академіи и по обычныхъ многолѣтствіяхъ, процѣтъ быть, по старому обычаю, сочиненный на этотъ случай кантъ, во время котораго митрополитъ Сераціонъ кропялъ св. водою учащихъ,

*) Изъ уроженцевъ харьковской епархіи товарищами Инокентія по академіи были студенты харьковскаго коллегіума: Алексій Шокотовъ (послѣдствіи Антоній архіепископъ Кашинскій), Петръ Малышевскій и Авксентій Степановъ.

студентовъ, залу и классы; затѣмъ произнесены были рѣчи ректоромъ, инспекторомъ Михаиломъ Леонтовичемъ и бакалаврами: философіи Скворцовымъ и словесности Соколовымъ. Рѣчи Моусея, объяснявшаго общій духъ преобразованія и новой академической науки, и Скворцова, говорившаго по-латыни, — *о метафизическомъ началѣ философіи*, были наиболѣе памятны въ академіи и заслужили особенное одобреніе комиссіи духовныхъ училищъ, разрѣшившей напечатать ихъ для разсылки по кievскому учебному округу *). Актъ заключенъ былъ пѣніемъ стиха: *Слава въ вышнихъ Богу* и архипастырскимъ благословеніемъ студентамъ. Торжество завершилось собраніемъ у гостепріимнаго ректора Моусея, гдѣ благодушный архипастыръ Серапіонъ старался ближе ознакомиться и ознакомить посѣтителей съ новыми дѣятелями академіи **).

За открытіемъ академіи послѣдовали классныя и виѣклассныя занятія новопоступившихъ студентовъ. Здѣсь-то въ кругу избранныхъ, даровитыхъ юношей, Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ ясенѣе началъ понимать себя, цѣнить свои необыкновенныя таланты, дорожить ими, почувствовалъ жажду благороднаго соревнованія и со страстію, съ увлеченіемъ предавался наукамъ, — такъ что иногда просиживалъ за книгою цѣлыя ночи ***).

Впрочемъ, чтобы судить о томъ, что могъ вынести Борисовъ изъ академическихъ аудиторій того времени и чего достигъ своими собственными силами, — для этого намъ необходимо ознакомиться ближе какъ съ условіями и ходомъ преподаванія наукъ въ это время въ кievской духовной академіи, такъ и съ самыми лицами, которымъ было ввѣрено это преподаваніе.

Ректоромъ кievской духовной академіи, какъ мы знаемъ уже, былъ назначенъ новый ректоръ кievской духовной семинаріи, архимандритъ Моусей. Человѣкъ этотъ вполне заслуженно пользовался тѣми симпатіями, которыя къ нему питали всѣ лица,

*) Рѣчь Скворцова, въ 1821 году, по порученію комиссіи духовныхъ училищъ, разсматривалъ профессоръ с.-петербургской академіи Вѣтринскій и представилъ отзывъ, что для метафизическихъ истинъ положено столь же члестое и твердое начало, сколь чистъ и непреложенъ умъ Божественный, который одинъ, по понятію сочинителя, есть и долженъ быть мѣриломъ истины для человѣческаго разума.

***) Юбилей кievской духовной академіи, стр. 80—81.

***) Вѣнокъ, стр. 20.

его окружавшія. Окончивъ курсъ магистромъ въ с.-петербургской духовной академіи, онъ былъ сначала оставленъ при ней въ должности бакалавра словесныхъ наукъ; три года спустя, онъ уже былъ назначенъ ректоромъ новооткрытой въ Кіевѣ семинаріи и занялъ мѣсто архимандрита кіево-братскаго училищнаго монастыря; чрезъ два года послѣ этого онъ былъ утвержденъ въ должности ректора и ординарнаго профессора богословскихъ наукъ въ кіевской духовной академіи; впоследствии, именно, 31 декабря 1823 года, когда Иннокентій окончилъ уже курсъ въ академіи, онъ былъ возведенъ въ санъ епископа старорусскаго, викарія новгородской епархіи; три года спустя онъ былъ уже на самостоятельной архіерейской кафедрѣ въ Вологдѣ, затѣмъ — въ Саратовѣ и, наконецъ, — въ Тифлисѣ, экзархомъ Грузіи, гдѣ въ 1834 году 15 іюля и умеръ на 52 году своей многотрудной и полезной жизни. Какъ можно было видѣть уже изъ сказаннаго, Моисей ректорствовалъ въ кіевской духовной академіи все время обученія въ ней Ивана Алексѣевича Борисова и несомнѣнно имѣлъ на него не незначительное вліяніе. Въ кіевской духовной академіи Моисей первый положилъ истинно доброе начало нашей богословской наукѣ, поставивъ въ основу ея глубокое, разумное и осмысленное изученіе Священнаго Писанія и увлекая студентовъ своими, *норусски* читанными, лекціями по этому предмету, которыя въ свое время были извѣстными далеко за стѣнами академіи, а профессору доставили высокую, ученую степень доктора богословія *). Къ сожалѣнію, въ догматикѣ самъ Моисей не могъ освободиться отъ вліянія старой схоластической науки, не оставилъ даже и старинной, заповѣдной латыни, ясно указывавшей еще на зависимость нашей науки отъ системъ латинскихъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ системъ съ 1825 года сама коммисія духовныхъ училищъ принуждена была сдѣлать обязательными для академій. Такимъ образомъ, Смарагдъ (Крыжаповскій, — предшественникъ Иннокентія и по кіевскому ректорству, и по епископской кафедрѣ въ Харьковѣ) былъ совер-

*) Моисей былъ удостоенъ докторской степени по предложенію самой коммисіи духовныхъ училищъ и по отзыву пресв. Григорія, епископа Ревельскаго — ректора с.-петербургской духовной академіи.

шенно правъ, когда въ 1827 году говорилъ кievскимъ студентамъ: „вы еще не слышали богословія“, — намекая этимъ на догматику старую, читанную до него, и на свою будущую.

О тогдашнемъ инспекторѣ кievской духовной академіи, Михаилѣ Ивановичѣ Леонтовичѣ, чрезъ четыре съ половиною мѣсяца по вступленіи въ должность принявшаго съ монашествомъ имя Мелетія, трудно сказать что-либо опредѣленное, какъ о воспитателѣ первыхъ студентовъ кievской духовной академіи и въ томъ числѣ нашего Ивана Алексѣевича Борисова, — такъ какъ въ должности инспектора кievской духовной академіи Мелетій состоялъ весьма недолго. Не возведенный еще въ санъ архимандрита, онъ былъ назначенъ 9 августа 1821 года ректоромъ могилевской духовной семинаріи.

Несомнѣнно огромное вліяніе на студентовъ перваго курса преобразованной кievской духовной академіи имѣлъ въ то время еще молодой, но дѣятельный, трудолюбивый и весьма способный профессоръ философіи Иванъ Михайловичъ Скворцовъ, магистръ 2-го курса с.-петербургской духовной академіи и бывшій преподаватель кievской духовной семинаріи. Впослѣдствіи (именно 13 ноября 1833 года) за свои ученые труды и сочиненія: „Критическое обозрѣніе Кантовой религіи въ предѣлахъ одного разума“ и „Записки на посланіе къ ефессеямъ“ онъ былъ удостоенъ степени доктора богословія, — былъ профессоромъ богословія, церковной исторіи и церковнаго права въ университетѣ св. Владиміра (съ 1834 г. по 1858 г.) и скончался въ санѣ кафедральнаго протоіерея кievо-софійскаго собора. И. М. Скворцовъ по-истинѣ можетъ быть названъ основателемъ философской науки въ кievской духовной академіи. Программа его чтеній была настолько обширна, что мы можемъ только удивляться теперь тому, какъ онъ былъ въ силахъ выполнять ее въ продолженіе лишь одного курса. Прежде всего въ программу его чтеній обыкновенно входила исторія философіи, которая въ чтеніяхъ его обнимала собою философію восточную, греческую, средневѣковую, новую — съ Бэкона, Декарта и Лейбница и новѣйшую — отъ Канта до Шеллинга. При этомъ философскія чтенія Скворцова представляли собою не простое только изложеніе философскихъ системъ въ ихъ истори-

ческомъ порядкѣ, но изложеніе, сопровождаемое повсюду критическимъ анализомъ,—изложеніе—не по старымъ схоластическимъ учебникамъ, а по непосредственнымъ, первоначальнымъ источникамъ. Тѣмъ не менѣе и одною исторією философіи въ указанномъ объемѣ чтенія Скворцова еще далеко не ограничивались; въ одинъ и тотъ же курсъ, кромѣ исторіи философіи, Скворцовъ читалъ студентамъ логику, психологію, метафизику и мораль или философію нравственную. Ко времени пятидесятилѣтняго юбилея кіевской духовной академіи (28-го сентября 1869 года) академією былъ издавъ сборникъ, состоящій изъ лекцій бывшихъ профессоровъ этой академіи: архимандрита Иннокентія, протоіерея И. М. Скворцова, П. С. Авсенева (архимандрита Теофана) и Я. К. Амфитеатрова. Изъ лекцій Скворцова въ этомъ сборникѣ помѣщены „записки по нравственной философіи“, имъ самимъ составленныя. Судя по этимъ запискамъ, можно думать, что лекціи Скворцова отличались вообще удивительною сжатостію, строгою последовательностію и опредѣленностію изложенія, чуждою всякихъ прикрасъ и уклоненій. Самый тонъ преподаванія его отличался, какъ видно, догматическою твердостію и докторальною, требовавшею и отъ слушателей твердаго и отчетливаго уразумѣнія его уроковъ, которое не допускало ни механическаго заучиванія или зазубриванія безъ яснаго сознанія, ни замѣлы мысли и знанія бойкими фразами. Въ чтеніяхъ профессора Скворцова можно указать развѣ только два недостатка,—которые въ нѣкоторомъ отношеніи могли парализовать вліяніе профессора на его слушателей: это—латинскій языкъ, на которомъ излагалъ онъ свои лекціи, и догматизмъ его философской критики, состоявшій въ томъ, что онъ разбиралъ философскія системы не столько на началахъ разсудочнаго анализа, сколько на основаніи Божественнаго Откровенія. Оптимизмъ Лейбница также составлялъ довольно замѣтный отгѣнокъ въ философствованіи Скворцова.

Всесообщую словесность за время студенчества Ивана Алексѣевича Борисова въ кіевской духовной академіи пресметвенно читали бакалавры—магистры с.-петербургской духовной академіи, Павелъ Михайловичъ Соколовъ и Яковъ Ивановичъ Кры-

нинскій, первый—съ открытія академіи и до 16 іюля 1821 года, т. е., до своего поступленія на должность профессора словесности въ ярославскую семинарію, послѣдній—съ 28 іюля 1821 года и до дня своей преждевременной смерти (21 февраля 1836 года). Въмѣсто сухой и отвлеченной, схоластической риторики, они ввели въ кругъ своихъ чтеній эстетику, аналитику слова, теорію поэзіи и краснорѣчія и даже отчасти исторію русской и иностранной литературы. Кратковременность ихъ профессорства въ кievской духовной академіи, къ сожалѣнію, не дала возможности этимъ молодымъ ученымъ надлежащимъ образомъ обработать ихъ обширныя чтенія.

Церковную словесность Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ слушалъ у бакалавра Аверкія Ил. Пушнова, также магистра с.-петербургской духовной академіи. По исторіи проповѣдничества чтенія Пушнова обнимали собою проповѣдничество временъ отеческихъ до VIII-го вѣка, потомъ—проповѣдничество среднихъ вѣковъ на западѣ, далѣе новѣйшее проповѣдничество во Франціи, Испаніи, Италиі, Германіи и Англии и—наконецъ, проповѣдничество русское: древнее, южно-и-западнорусское, потомъ повѣйшее собственно-русское, причемъ особенное вниманіе посвящалось проповѣдникамъ эпохи Петра Великаго и Екатерины II. Въ то время—нужно вообще сказать—въ кievской духовной академіи на проповѣдничество обращали особенное вниманіе. Профессоры обязаны были произносить свои проповѣди, по назначенію епархіальнаго начальства, не только въ церкви академической, но и въ Софійскомъ соборѣ или лаврѣ,—и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. ректоръ архимандритъ Моисей, И. М. Скворцовъ и профессоръ проповѣдничества Пушновъ пользовались въ свое время заслуженною извѣстностію; проповѣди Пушнова, равно какъ и Скворцова, по распоряженію митрополита, были даже отпечатаны. Для усиленія успѣха въ проповѣдничествѣ тогдашній кievскій митрополитъ Евгеній предложилъ перевести польскую, съ французскаго на польскій языкъ переведенную, книжку—„Совѣтъ молодому проповѣднику“. Книжка эта, переведенная студентами, при особенномъ и ревностномъ участіи нашего Ивана Алексѣевича Борисова, подъ руководствомъ профессора Пушнова,

была издана впоследствии (въ 1824 году) на счетъ академіи. Студентовъ, само собою разумѣется, также усердно упражняли въ писаніи и произношеніи проповѣдей, а лучшихъ даже и въ импровизированіи. „Но если новая наука проповѣдническая, говоритъ профессоръ Малышевскій *), могла стать выше старой, то самая проповѣдь не легко и не во всемъ могла подняться выше прежней. Новымъ академическимъ проповѣдникамъ духовная дикастерія не замедлила поставить на видъ, что, въ силу 23-го пункта Регламента, они должны не только наблюдать строгое приличіе въ рѣчи, но и не входить въ разсужденія „о постороннихъ матеріяхъ“, подъ которыми разумѣлось тогда многое. Новая проповѣдь должна была такимъ образомъ сдѣлаться сдержанною, пожалуй, болѣе приличною въ сравненіи съ своею старую, иногда тономъ старой проповѣди, но вмѣстѣ менѣе внимательною и чуткою къ требованіямъ жизни. Она становилась болѣе отвлеченною, книжною, выиграла въ глубинѣ и силѣ догматической мысли, но не въ общепародности, не въ силѣ вліянія на мѣстное общество, еще помнившее знаменитаго Леванду“.

Наконецъ, наставниками Ивана Алексѣевича Борисова были Григорій Кирилловичъ Огіевскій, кандидатъ 1-го курса с.-петербургской духовной академіи, изъ ординарныхъ профессоровъ московской академіи, съ сентября 1819 года профессоръ кіевскій, выбывшій однако-же изъ академіи въ январѣ 1820 года и въ 1826 году скончавшійся на своей родинѣ—въ черниговской губерніи,—Николай (въ монашествѣ—Евгеній) Соловьевъ, магистръ московской духовной академіи, съ 20-го сентября 1820 года бакалавръ кіевскій,—оба преподававшие всеобщую гражданскую исторію и отчасти церковную (Соловьевъ),— Стефанъ Колеровъ, магистръ с.-петербургской духовной академіи, съ 20-го сентября 1819 года бакалавръ кіевскій по кафедрѣ физико-математическихъ наукъ, въ 1821 году переведенный въ Тверскую семинарію профессоромъ математики и еврейскаго языка и скончавшійся протоіереемъ и ректоромъ училища въ г. Канинѣ Тверской губерніи,—Спиридонъ Гуляевъ, магистръ той же с.-петербургской академіи и бакалавръ кіевскій по

*) Юбилей кіевской духовной академіи, стр. 88.

той же кафедрѣ физико-математическихъ наукъ; греческій языкъ Ивану Алексѣевичу Борису читалъ сначала инспекторъ Мелетій, и потомъ — Николай (Евгеній) Соловьевъ; еврейскій языкъ онъ изучалъ у бакалавра Александра Андреевича Максимовича, перешедшаго въ 1821 году на ту-же кафедру въ черниговскую духовную семинарію, а потомъ у Спиридона Гуляева. Къ сожалѣнію, всѣ эти наставники профессорствовали въ кievской духовной академіи очень недолго, — о ихъ преподаваніи не сохранилось почти никакихъ преданій и едва ли они могли имѣть какое нибудь болѣе или менѣе глубокое и продолжительное вліяніе на своихъ слушателей, а въ томъ числѣ и на нашего будущаго Иннокентія — Ивана Алексѣевича Борисова.

Итакъ, мы указали почти всѣхъ тѣхъ молодыхъ ученыхъ, по преимуществу питомцевъ с.-петербургской духовной академіи, которымъ пришлось быть первыми учащимися въ одной только что преобразованной русской духовной академіи и первыми учащими — въ другой. Безспорно лица эти были даровитыя, честныя, способныя, трудящіяся. Но не подъ силу имъ всѣмъ было сразу поставить науку на соотвѣтствующую ей высоту. Обширныя программы учебныхъ предметовъ, надлежащее изложеніе и развитіе которыхъ требовало, конечно, времени и труда, надломляли здоровье и истощали силы какъ учащихся, такъ и учащихъ. Чрезъ мѣсяць по открытіи академіи одинъ изъ студентовъ писалъ своему отцу: „уже я вступилъ въ училищный подвигъ и, при помощи Вышняго, сколько могу, подвизаюсь симъ добрымъ подвигомъ. Признаться, теперь намъ невозможно не только что либо постороннее сдѣлать, но и подумать о томъ. Всякій день должно списать не менѣе трехъ листовъ; а выучить ихъ когда? Словомъ сказать, труды таковы, ихъ же око не видѣ, ухо не слыша и на сердце мое не всходило. Но сила Божія въ немощахъ совершается: Богъ помощникъ мой.“ Приводя эту выдержку изъ студентческаго письма, профессоръ Малышевскій замѣчаетъ *), что одинъ прилежный студентъ (Иванъ Мацѣвичъ) скоро заплатилъ жизнию за свое прилежаніе. И это примѣръ не одинокій! Рассказываютъ, что

*) Юбилей кievской духовной академіи, стр. 83.

въ первое время послѣ преобразованія кievской духовной академіи между студентами господствовала не только усиленная (сравнительно, конечно,) смертность, но даже бывали нерѣдко и случаи умопомѣшательства, — причемъ несчастіе это чаще постигало студентовъ особенно даровитыхъ и прилежныхъ. Чтобы представить себѣ всю трудность тогдашнихъ студенческихъ занятій, не надо забывать только, что въ то время академическія лекціи, за исключеніемъ толкованія Св. Писанія, читались, списывались и заучивались не на родномъ и живомъ русскомъ языкѣ, а на языкѣ мертвомъ и чужомъ — латинскомъ. Присоедините къ этому, что одну половину дня студентъ обязанъ былъ просидѣть въ аудиторіи, а изъ другой, кромѣ переписыванія и выучиванія лекцій, долженъ былъ удѣлить еще нѣсколько времени на домашнія работы и внѣклассныя занятія: писаніе семестровыхъ сочиненій и срочныхъ проповѣдей, чтеніе рекомендованныхъ профессорами книгъ, исполненіе разныхъ порученій, въ родѣ переводовъ, чтеніе твореній греческихъ отцовъ Церкви и т. п., — примите, читатель, все это во вниманіе, — и вы не будете удивляться, что изъ 53 студентовъ, вошедшихъ въ составъ перваго курса преобразованной кievской духовной академіи, достигли полного окончанія своего образованія только 39 человекъ! А между тѣмъ такою постановкою учебнаго дѣла выигрывалось, собственно говоря, весьма не много. Студентамъ больше приходилось жить только чужимъ умомъ — умомъ своихъ профессоровъ; но чужимъ умомъ долго не проживешь.. Труда и самаго драгоцѣннаго времени тратилось много, а польза оказывалась самою незначительною. Къ сожалѣнію, только по выходѣ Ивана Алексѣевича Борисова изъ-за студенческой скамьи серьезно обратили вниманіе на этотъ важный недостатокъ тогдашняго академическаго обученія молодыхъ людей. Кievскій митрополитъ Евгеній, обревизовавъ академію при окончаніи перваго курса ея, т. е., въ 1823 г., въ своемъ отчетѣ, между прочимъ, замѣтилъ, что нѣкоторые наставники чрезмѣрно удлиняютъ свои научные курсы, даютъ пространныя записки, обременяющія только студентовъ, — что лучше было бы, если бы они читали кратче, такъ что бы изъ краткихъ записокъ ихъ могли составить потомъ учебники,

что вообще надлежитъ позаботиться о печатныхъ учебникахъ, чтобы освободить студентовъ отъ списыванія лекцій и держаться такихъ учебниковъ по тѣмъ предметамъ, по какимъ онѣ уже есть. Съ своей точки зрѣнія, Евгеній былъ правъ, онъ думалъ этимъ помочь и студентамъ и преподавателямъ, возвращая ихъ отъ заново-составляемыхъ обширныхъ системъ къ старымъ, печатнымъ учебникамъ, успокоившись на которыхъ въ дѣлѣ преподаванія, они могли бы заняться спеціальными работамъ, изъ которыхъ только въ будущемъ могли бы возникнуть новыя и полныя научныя системы. Наконецъ, къ недостаткамъ академическаго обученія, которое долженъ былъ усвоить себѣ Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, нужно отнести еще то, что и новые преподаватели кievской духовной академіи не могли сразу освободиться отъ вліянія прежней схоластической науки съ ея латынью и отвлеченнымъ, безжизненнымъ формализмомъ и, рѣдко заходя въ спеціальность истинно научной области, большею частію вначалѣ ограничивались лишь обрисовкою общихъ чертъ научныхъ системъ, предлагавшихся обыкновенно слушателямъ съ догматическою самоувѣренностію и безконтрольною авторитетностію.

Ивану Алексѣевичу Борисову во многомъ помогли его природныя дарованія и способности. Самъ по себѣ геній Борисова не могъ остановиться на томъ, что ему дала тогдашняя школа, — не могъ удовлетвориться безжизненною сухостію одной отвлеченной теоріи, равно какъ не могъ обратить себя и въ какой-то складочный пунктъ, другимъ приобрѣтенныхъ, свѣдѣній и научныхъ познаній? Къ счастью при этомъ для нашего Ивана Алексѣевича Борисова, онъ обладалъ обширною, крѣпкою и впечатлительною памятью, удивительною силою комбинирующей фантазіи, рѣдкою способностію отличать существенное отъ случайнаго, важное отъ тривіальнаго, нужное отъ излишняго. Товарищи обыкновенно говорили о немъ, что ему все давалось легко. Ему стоило только внимательно прослушать въ классѣ лекцію, чтобы затѣмъ превосходно отвѣтить ее профессору. Очевидно, на такіе умы тогдашніе профессора кievской духовной академіи не могли производить глубокаго и продолжительнаго вліянія. И дѣйствительно справедливость тре-

буетъ замѣтить, что въ академіи Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ болѣе самъ образовывалъ себя чрезъ чтеніе серьезныхъ книгъ, размышленіе и упражненіе въ сочиненіяхъ, нежели чрезъ лекціи своихъ академическихъ наставниковъ, которые — вообще нужно сказать — далеко не удовлетворяли его. Читая многія книги отъ начала до конца, даже цѣлыя системы философовъ, онъ обыкновенно дѣлалъ экстракты изъ прочитаннаго и такіе экстракты не рѣдко набрасывалъ въ концѣ самыхъ прочитанныхъ книгъ. Отъ этого, по словамъ одного нашего ученаго, который самъ былъ воспитанникомъ кievской духовной академіи *), — происходило, что иногда, по просьбѣ товарищей, Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ раскрывалъ предъ ними ученіе того или другаго философа съ такою ясностію, легкостію и подробностію, что изумлялъ всѣхъ и совершенно затмѣвалъ лекціи профессорскія. Сочиненія свои онъ предварительно обдумывалъ вполне во всѣхъ подробностяхъ и потомъ прямо писалъ на-бѣло. Чрезъ два — три дня пересматривалъ написанное снова и если оно почему-либо не удовлетворяло его, писалъ другое сочиненіе на ту же тему, иногда и третье, чтобы представить наставникамъ то, которое, въ концѣ концовъ, самъ считалъ лучшимъ. Предъ наступленіемъ экзаменовъ бѣгло прочитывалъ классическіе уроки, которыми вообще среди года мало занимался, и на экзаменахъ отвѣчалъ всегда такъ, какъ рѣдко кто могъ отвѣчать и изъ прилежнѣйшихъ студентовъ. При началѣ академическаго курса были еще совмѣстники у Борисова, и одинъ изъ нихъ, отлично приготовленный, хотя и менѣе даровитый, студентъ воронежской семинаріи Ставровъ **), занималъ даже въ спискѣ первое мѣсто. Но впоследствии особенно съ поступленіемъ въ высшее отдѣленіе академіи, всѣ единогласно, и профессоры и студенты, отдавали пальму первенства Борисову, и никто не дерзалъ съ нимъ равняться: самъ бывший его совмѣстникъ обыкновенно говаривалъ,

*) Вѣнокъ, стр. 21.

**) Платонъ Иваповичъ Ставровъ окончилъ курсъ вторымъ магистромъ и былъ оставленъ при академіи бакалавромъ по кафедрѣ церковной словесности; въ августѣ 1827 г. онъ поступилъ на должность профессора философіи въ воронежскую семинарію и преждевременно скончался въ 1833 году въ санѣ кафедральнаго протоіерея.

что надобно въ спискѣ на первомъ мѣстѣ писать Борисова, а затѣмъ, оставивъ незанятыми вѣсколько слѣдующихъ мѣстъ, уже на седьмомъ или осьмомъ писать — Ставрова. Въ это же время замѣтно началъ высказываться и блестящій геній Иннокентія проповѣдническій. Въ высшемъ отдѣленіи Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, повинувся, конечно, внутреннему призванію, болѣе всего занимался составленіемъ и обработкою проповѣдей: четыре изъ нихъ въ числѣ одиннадцати словъ его товарищей, къ большому удовольствію митрополита Евгенія, напечатанныя и изданныя академіею въ 1825 году, свидѣтельствуя о томъ, что Борисовъ уже въ то время хорошо былъ знакомъ съ сочиненіями знаменитаго французскаго оратора — Массильона и отчасти даже находился подъ его вліяніемъ, а съ другой стороны обнаруживаютъ уже въ авторѣ высокое, самобытное дарованіе и предвѣщаютъ въ немъ великаго церковнаго витію. Вышеупомянутый сборникъ извѣстенъ подъ названіемъ, — „Собраніе опытовъ студентовъ академіи перваго курса“. Въ немъ помѣщены слѣдующія проповѣди, принадлежащія перу Ивана Алексѣевича Борисова: 1) Слово въ недѣлю Ваій, 2) Слово въ день Воздвиженія Креста Господня, 3) Слово надгробное при погребеніи одного студента и 4) Слово въ день Рождества Христова.

Не такъ давно въ Кипиневѣ проживалъ еще Александръ Ивановичъ Бѣлюговъ, по его собственнымъ словамъ, „двигавшійся въ послѣднее время въ этомъ мірѣ, какъ колось послѣ жатвы, забытый на великой Божіей нивѣ“, магистръ перваго курса кievской духовной академіи послѣ ея преобразования въ 1819 году, — волынскій уроженецъ. Это былъ лучший другъ и товарищъ Ивана Алексѣевича Борисова. Теперь онъ уже умеръ и въ его бумагахъ, между прочимъ, отысканы рукописи, принадлежавшія студенту Борисову, — рукописи, которыя въ свою очередь бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на студенческія занятія ихъ автора. Изъ этихъ рукописей прежде всего обращаетъ на себя вниманіе „Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы“, — слово — вполнѣ достойное студента Борисова и свидѣтельствующее о недюжинномъ ораторскомъ талантѣ проповѣдника. Другая рукопись озаглавлена такъ: „Мысли при чтеніи

нѣкоторыхъ мѣсть въ Евангеліяхъ“, — сочиненіе это, кажется, не чуждо вліянія ректора кіевской духовной академіи — архимандрита Моисея. Во всякомъ случаѣ эта рукопись имѣетъ довольно важное библиографическое значеніе; — она показываетъ, что еще во время своего студенчества, Иннокентій работалъ надъ собираніемъ матеріаловъ для того прекраснаго сочиненія, которое впоследствии твердо установило его учено-литературную репутацію. Мы говоримъ о „последнихъ дняхъ земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“. Третья рукопись содержитъ въ себѣ объясненіе текста: „имущему дано будетъ“ и проч. Отрывокъ этотъ показываетъ, что Борисовъ всегда съ любовью занимался изслѣдованіемъ евангельскаго текста. Четвертая рукопись представляетъ собою чисто школьное разсужденіе автора о поэзіи. На рукописи этой есть и рецензія профессора, нашедшаго это разсужденіе Борисова — „весьма хорошимъ“ *).

Затѣмъ, — въ упомянутомъ уже нами „Собраніи опытовъ студентовъ академіи перваго курса“, изданномъ академіею въ 1825 году, помѣщены также три небольшія разсужденія, принадлежащія перу студента Ивана Алексѣевича Борисова: 1) „О признакахъ поврежденія человѣческаго въ самой природѣ человѣка“, 2) „О совѣсти въ поврежденномъ ея состояніи“ и 3) „Особенно замѣчательныя черты путешествія израильтянъ въ землю обѣтованную“. Какъ школьныя студенческія работы, сами по себѣ, разсужденія эти не имѣютъ, конечно, никакого существеннаго, научнаго или литературнаго значенія. Но они важны для характеристики развитія самаго ихъ автора. Видно, что Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ никогда не ограничивался изслѣдованіемъ лишь однихъ вышнихъ признаковъ предмета своихъ разсужденій и не относился къ своему дѣлу только съ одной формальной стороны; видно, что и на студенческой скамьѣ ему хотѣлось каждый разъ заглянуть, такъ сказать, въ самую душу занимавшаго его вопроса, анализировать его чисто психологически, путемъ самымъ нагляднымъ и про-

*) Подробнѣе объ этихъ рукописяхъ можно читать въ статьѣ Л. Мацвевича: „На незаданныхъ рукописей архіерейскаго Иннокентія Борисова“, — помѣщенной въ архіерейской книжкѣ „Трудовъ кіевской духовной академіи“ за 1883 г.

стымъ; даже здѣсь онъ далекъ отъ того, чтобы спрятаться за пустую, но трескучую фразу, какъ это часто встрѣчается видѣть въ подобныхъ работахъ учащагося юнопества; напротивъ онъ всегда становится къ предмету своего разсужденія прямо, лицомъ къ лицу, и берется за него съ увлеченіемъ своими смѣлыми и бойкими руками.

Кромѣ того, на своемъ послѣднемъ публичномъ испытаніи въ торжественной или актовъ залѣ кievской духовной академіи, въ 1823 году, Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ прочелъ часть еще одного своего студенческаго разсужденія. — „О нравственномъ характерѣ Господа нашего Иисуса Христа“, которое не только свидѣтельствовало о твердо сложившемся уже направленіи ученыхъ работъ молодаго студента, 23-хъ-лѣтняго-труженика богословской науки, но уже и въ то время предвѣщало въ немъ знаменитаго автора „Послѣднихъ дней земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“, — сочиненія, въ свое время доставившаго Иннокентію, какъ мы сказали уже, громкую и неувыдаемую славу. Чтеніе было покрыто всеобщимъ взрывомъ продолжительныхъ рукоплесканій и вызвало благосклонное одобреніе автору со стороны присутствовавшаго на этомъ испытаніи кievскаго архипастыря — митрополита Евгенія.

Наконецъ въ X-хъ томѣ сочиненій Иннокентія помѣщено одно изъ его стихотвореній, которое, безъ сомнѣнія, было написано имъ еще въ молодыхъ его лѣтахъ и можетъ быть разсматриваемо какъ плодъ новой постановки въ нашихъ духовныхъ академіяхъ словесныхъ наукъ, и написано, кажется, не безъ вліянія лейбническаго оптимистическаго философствованія И. М. Скворцова. По нашему мнѣнію, стихотвореніе это есть ни что иное, какъ паставленіе автора самому себѣ, — съ какимъ настроеніемъ духа пужво вступать въ жизнь, на путь общественной дѣятельности; а потому написано оно, по всей вѣроятности, или предъ окончаніемъ курса въ кievской духовной академіи, или же вскорѣ по окончаніи его, когда Ивану Алексѣевичу Борисову назначенъ былъ дѣйствительно лишь малый кругъ дѣятельности для его „ревности усердной“. Вотъ это стихотвореніе:

„Не унывай“!

Когда для ревности усердной
Тебѣ назначенъ малый кругъ,
И въ рубежкахъ его стѣсненный
Кинуть порывами твой духъ —
Себя въ дѣлахъ благихъ явить,
Ихъ блескомъ міръ сей озарить:
Смиреньемъ ревность укрощай,
Но никогда не унывай!

* * *

И укрѣпившись благочестьемъ
Въ твоей страдальческой борьбѣ;
Не чти наденемъ и безчестьемъ —
Послѣдовать своей судьбѣ;
Но тщися въ маломъ вѣренъ быть,
Себя для долга позабыть,
Его съ любовью исполняй
И въ подвигахъ не унывай!

(Продолженіе будетъ)

Обозрѣніе важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ.

Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ Новый патріархъ Іерусалимскій. Переговоры съ Римомъ. Новые законы о раскольникахъ. Просвѣтительная дѣятельность Церкви: борьба съ расколомъ и сектанствомъ, миссіонерство, заботы о поддержаніи церковно-приходскихъ школъ, новое распоряженіе Св. Синода относительно студентовъ дух. академій. Замѣчанія о нравственномъ состояніи общества.

Съ протекшимъ годомъ неразрывно связаны священнѣйшія воспоминанія русскаго народа: 15 мая совершилось Священное Муропомазаніе и Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Глубокое значеніе этого радостнаго событія для православныхъ открывается изъ того, что въ христіанскомъ сознаніи народа Царь есть представитель Божественной власти на землѣ, воспринимающій на себя свои великія полномочія по изволенію Божію (Притч. 8, 15; Сир. X. 4, Прем. 6, 3), въ историческомъ же сознаніи народа Онъ представляется олицетвореніемъ той силы, которая возвела наше отечество на высокую степень государственнаго могущества и крѣпости, со вступленіемъ на которую ему предстоитъ обширное мирное поприще духовно-нравственнаго совершенствованія. Въ этомъ двойственномъ сознаніи коренится источникъ тѣхъ высокихъ надеждъ и упованій, которыя русскій народъ издревле превыкъ соединять съ священнымъ именемъ Царя. Въ пониманіи русскаго народа царская власть есть наилучшій залогъ его правъ, благоденствія и славы, священное лицо Царя представляется ему какъ идеальный образъ избранника и помазанника Божія, облеченнаго не только могущественною властію царскаго сана, но и украшеннаго всѣми доблестями нравственнаго величія (Притч. 21, 1). Только для православно-русской души поэтому доступна и понятна та неизъяснимая радость о Царѣ своемъ (Пс. 149, 2), которая неудержимымъ потокомъ охватила всю Россію при вѣсти о Священномъ Коронованіи Государя. Въ этомъ радостномъ чувствѣ вылились и безграничная преданность Царю, носителю правды и милосердія въ государствѣ, и благоговѣніе къ Помазаннику Божію, православному защитнику Церкви. Два иде-

ала предносятся неизмѣнно взорамъ русскихъ людей: православіе и самодержавіе; въ исторической жизни народа они явились двумя силами, давшими главное содержаніе національному характеру русскаго народа, опредѣлившими его народность. Православіе, приучивши его къ жизни внутри Церкви, раскрыло въ немъ нравственное сознаніе; самодержавіе развило въ немъ національное самосознаніе, приведши его къ пониманію историческаго призванія Россіи относительно другихъ племенъ и народовъ. При воздѣйствіи этихъ силъ русской народъ воспиталъ въ себѣ ту нравственную мощь, основанную на самоотверженіи и преданности, которая столь удивляетъ всѣхъ, не понимающихъ его завѣтныхъ идеаловъ. Поэтому-то и звучатъ такъ обаятельно для русскаго сердца слова: православіе, самодержавіе и народность; для народа эти слова изображаютъ основы, на которыхъ покоится будущее Россіи. Въ возрѣвѣніи народа православная Вѣра есть высшее благо, которымъ онъ обладаетъ, и это свое убѣжденіе онъ выражаетъ, обращаясь къ своимъ братьямъ съ самымъ почетнымъ извѣстнымъ ему воззваніемъ: „православные“; столь-же чтить онъ и Царя, считая его своимъ Царемъ-Батюшкой, печальникомъ народа. Глубокая, неразрывная связь, соединяющая Царя съ народомъ, нигдѣ такъ ярко и наглядно не обнаруживается, какъ въ этомъ прямодушномъ желаніи приблизить свою радость Царю, раскрыть предъ Нимъ всю глубину одушевляющихъ его чувствъ любви и преданности. О такомъ настроеніи народа свидѣлствуютъ многочисленныя депутаціи отъ различныхъ сословій и обществъ, представляющіяся Государю для принесенія поздравленія Ихъ Величествамъ съ совершившимся священнымъ дѣйствіемъ Мвропомазанія и Коронованія. Тотъ же голосъ преданнаго сердца слышится и въ тѣхъ многочисленныхъ и великихъ пожертвованіяхъ, которыя сдѣланы подданными русскаго Царя въ воспоминаніе высокознаменательнаго дня—15 мая.

Другое отрадное событіе, представляющее интересъ для православныхъ, мы видимъ въ греческомъ православномъ мірѣ.

4-го августа минувшаго года на патріаршій престолъ Іерусалима и всея Палестины избранъ архіепископъ Фаворскій Никодимъ, управлявшій іерусалимскимъ подворьемъ въ Москвѣ. Для всѣхъ преданныхъ дѣлу православія отратно знать, что старѣйшую патріаршую кафедру занялъ мужъ, снискавшій себѣ въ Россіи добрую память, любящій Россію и получившій самое рукоположеніе во епископскій санъ отъ собора русскихъ святителей. Его Блаженство не замедлило уже высказать свое сочувствіе Россіи самымъ дѣломъ. Такъ

на важную должность логовѣта іерусалимскаго престола онъ пригласилъ архимандрита Герасима Яреда, бывшаго ректора Рижской семинаріи, русскаго по воспитанію; затѣмъ грамотою на имя извѣстнаго ревнителя православія, тайнаго совѣтника, Т. И. Филиппова, новый патріархъ просилъ его принять почетное званіе епитропа живоноснаго Гроба Господня, и на представленіе Его Блаженства послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Очевидно, что дѣло православіемъ получить большее движеніе въ Палестинѣ, коль скоро, опираясь на взаимное довѣріе, двѣ части единой вселенской Церкви сойдутся вмѣстѣ въ стремленіи къ одной цѣли—защитѣ интересовъ православія противъ его враговъ.

Изъ области церковно-государственной политики Россіи останавливаются на себѣ вниманіе переговоры съ Римомъ. Конкордатъ, состоявшійся между римскою куріею и русскимъ правительствомъ въ 1847 году, какъ извѣстно, былъ нарушенъ преступнымъ поведеніемъ многихъ римско-католическихъ епископовъ во время польскаго мятежа, и правительство въ 60-хъ годахъ признало необходимымъ нѣкоторыя епархіи упразднить, присоединивъ находившіяся въ нихъ церкви къ сосѣднимъ епархіямъ. Въ остальныхъ епархіяхъ, со времени прекращенія постоянныхъ сношеній съ Римомъ, число епископовъ значительно уменьшилось, и въ послѣднее время изъ пяти римско-католическихъ епархій Имперіи и изъ семи епархій въ царствѣ польскомъ только въ четырехъ были епархіальные епископы, остальные управлялись либо суффраганами, либо администраторами, не имѣвшими епископскаго сана. Дѣсять лѣтъ тому назадъ русское правительство вело переговоры съ папскимъ дворомъ о допущеніи такъ называемаго дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ въ русскихъ мѣстностяхъ западныхъ областей Россіи, но переговоры эти имѣли неблагопріятный исходъ влѣдствіе давленія на папу Пія IX русскихъ іезуитовъ, особенно Гагарина, который, въ запискѣ, представленной римской куріи, объяснилъ, что подъ покровомъ желанія ввести понятный русскій языкъ въ латинское богослуженіе скрывается стремленіе привлечь къ православію русское населеніе западныхъ областей. Недостатки въ епархіальномъ управленіи римско-католической церкви въ Россіи заставили однако римскую курію въ 1879 г. начать съ русскимъ правительствомъ переговоры, благодаря миролюбію Льва XIII кончившіеся благополучно въ прошедшемъ году. Ближайшимъ послѣдствіемъ ихъ было недавно воспослѣдовавшее замѣщеніе праздныхъ епископскихъ кафедръ. Изъ сравненія конкордата 1847 г. съ недавнимъ со-

глашеніемъ можно усмотрѣть, что наше правительство при этомъ получило отъ папской куріи нѣкоторыя уступки. По конкордату 1847 года существовали двѣ митрополіи: въ Петербургѣ—для римско-католическихъ церквей въ Имперіи и въ Варшавѣ—для римско-католическихъ церквей въ царствѣ польскомъ. Теперь установлено объединеніе церковнаго управленія въ лицѣ одного митрополита; и архіепископъ могилевскій Александръ Гинтовъ Высочайшимъ указомъ назначенъ „митрополитомъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Имперіи“. По конкордату было 7 римско-католическихъ епархій въ Имперіи и 8 въ царствѣ польскомъ; теперь совершенно упразднены епархіи подлясская, каменецъ-подольская и минская; вмѣсто этихъ епархій папѣ предоставлено издать буллу о каноническомъ утвержденіи кѣлецкой епархіи, бывшей доселѣ въ соединеніи съ чужеземною краковскою епархіею. По конкордату при католическихъ епископахъ должно было состоять 24 епископа-субфрагана, при существованіи которыхъ римскій епископатъ имѣлъ блестящій и многочисленный составъ; теперь назначено только два епископа-субфрагана—въ тираспольскую епархію и сейнскую.

Изъ узаконеній правительства, имѣющихъ отношеніе къ Церкви, замѣчательнъ законъ о раскольникахъ.

Законъ 3-го мая создалъ болѣе опредѣленное положеніе раскольниковъ среди православнаго населенія, какъ въ отношеніи гражданскомъ, предоставивъ имъ (за исключеніемъ скопцовъ) свободу передвиженія, свободу торговли и равное съ православными право на занятіе по выбору общественныхъ должностей, такъ и въ церковномъ—дарованіемъ права безпрепятственнаго отправленія богослуженія и требъ, а также возобновленія и открытія съ разрѣшенія властей молитвенныхъ зданій при условіи впрочемъ недопущенія публичнаго оказательства раскола. Оказывая милость раскольникамъ, новый законъ желаетъ въ то же время хранить отъ возможнаго соблазна православныхъ, что весьма понятно съ государственной точки зрѣнія и необходимо въ интересахъ православія. Съ того времени, какъ вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства Владиміромъ установился въ Россіи союзъ государства съ Церковію, защита интересовъ Церкви входитъ въ кругъ естественныхъ обязанностей государства. А между тѣмъ ни откуда не можетъ происходить столь великой опасности для темныхъ массъ православнаго населенія, какъ именно со стороны раскольниковъ. Ни протестантизмъ, ни латинство, ни тѣмъ болѣе магометанство не заключаютъ въ себѣ никакой притягательной силы для кореннаго православнаго

поселенія, ибо въ своемъ происхожденіи и отличительныхъ свойствахъ слишкомъ чужды народному сознанию. Расколъ же — порожденіе народной жизни; онъ выросъ на почвѣ церковно-государственной жизни Россіи; раскольники слишкомъ крѣпкими узами племеннаго родства, историческихъ преданій, общественнаго быта и интеллектуальной жизни связаны съ народомъ, чтобы ихъ заблужденія не находили иногда доступа въ необразованную среду народа. Такимъ образомъ если для всякаго православнаго отрадн мысль, что карательныя мѣры противъ заблуждающихся отошли въ область преданій, то съ другой стороны нельзя не признать дѣломъ государственной мудрости, что соображенія объ устройствѣ положенія раскольниковъ, выходящія изъ идей отвлеченной справедливости и равноправности, получили нѣкоторое ограниченіе сообразно требованіямъ дѣйствительной жизни.

Если прежнія строгія мѣры противъ раскола давали поводъ его послѣдователямъ выставлять себя мучениками за правду, упрекать государственную церковную власть въ жестокости и соблазнять простодушныхъ; то излишняя снисходительность могла бы привести еще къ худшимъ послѣдствіямъ. Въ ней раскольники могли-бы видѣть нѣкое одобреніе или по крайней мѣрѣ допущеніе государственною властію раскольничьей пропаганды и могли бы легко совращать православныхъ въ расколъ, пользуясь для сего безусловнымъ уваженіемъ русскаго народа къ авторитету власти тождественной въ его глазахъ съ понятіемъ мудрости и правды.

Православное правительство, созидая нормальное положеніе раскольниковъ въ государствѣ, никогда не можетъ считать себя свободнымъ отъ обязанности руководить заблуждающихся, предоставить ихъ самимъ себѣ, ибо такое отношеніе къ раскольникамъ было-бы несогласно съ обязанностями христіанской любви. Исходнымъ пунктомъ при установленіи отношеній правительства къ раскольникамъ должно быть принято представленіе о пользахъ православной Церкви, поскольку такое представленіе не находится въ противорѣчій съ представленіемъ о раскольникахъ, хотя и заблуждающихся, но подданныхъ русскаго государства. Какъ невозможно допустить укрѣпиться среди раскольниковъ убѣжденію, что они гонимые и безправные члены государства, такъ и ихъ недомысліе, фанатизмы и оболъщеніе не могутъ ожидать для себя покровительства. Благо-разумно-ограничительныя мѣры со стороны государства должны входить какъ необходимый элементъ въ правильныя отношенія государства къ раскольникамъ; остальное въ обязанностяхъ по отно-

шенію къ послѣднимъ восполнителя просвѣтительными средствами Церкви.

Свѣтская печать въ расколѣ и сектанствѣ открыла богатую область для своихъ изслѣдованій; по изслѣдованіямъ эти не столько внесли свѣта въ правильное пониманіе раскола и сектанства, сколько поразили знающихъ людей неожиданными выводами изъ своихъ изслѣдованій, по которымъ оказывается, напр., что въ Россіи сектантовъ около 16-ти милліоновъ. Такая цифра поистинѣ можетъ показаться изумительною (сравнительно съ числомъ православныхъ), если только не допустить очень вѣроятнаго предположенія, что свѣтскіе писатели склонны иногда видѣть секты тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, или преувеличивать ихъ распространенность. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что въ Екатеринославской губ., напр., раскольниковъ около 8 т., въ Черниговской болѣе 7 т., въ Таврической 8 т., въ Самарской 57 т., въ области войска Донскаго 81 т. Если взять среднимъ числомъ на каждую губернію по 30 т. раскольниковъ и сектантовъ (всѣхъ губерній и областей въ Россіи 93), то раскольниковъ во всей Россіи окажется только около 3-хъ милліоновъ. Наши свѣтскіе писатели при своихъ изслѣдованіяхъ находятся подъ сильнымъ давленіемъ ложнаго и увлекающаго ихъ къ преувеличенному выводу представленія о „тайныхъ раскольникахъ и сектантахъ“, умышленно скрывааемыхъ будто-бы православными пастырями. Оттого-то такіа даже проявленія личной, субъективной пачожности, какъ напр. случаи рѣдкаго исполненія нѣкоторыми христіанскаго долга исповѣди и Св. причащенія въ сознаніи своего недостойнства или отдаленіе этого долга до смертнаго часа, смѣшиваются ими съ понятіемъ отдѣленія отъ Церкви, съ сектанствомъ и расколомъ. Расколъ и сектанство однако существуютъ, хотя и не въ томъ размѣрѣ, какъ желаетъ увѣрить свѣтская печать. По увѣренію нѣкоторыхъ органовъ свѣтской печати („Отечественныя Записки“ Іюль, 1883 г.), расколъ не достигъ бы широкаго распространенія, если-бы во-первыхъ, появившееся еще въ началѣ нашей исторіи религиозное разномысліе не преслѣдовалось; во-вторыхъ, если бы само духовенство не представляло благопріятной почвы для развитія раскола и въ третьихъ, если бы расколъ не представлялъ для народа интереса съ точки зрѣнія политико-экономической. По мнѣнію другихъ мыслителей, причина зла лежитъ въ разобщенности духовенства съ народомъ, въ кастичности духовенства, сдѣлавшагося чуждымъ народу, отдаленнымъ отъ него цѣлымъ строемъ преданій и интересовъ, видящаго свои интересы не тамъ, гдѣ интересы наро-

да. Для насъ въ этихъ объясненіяхъ причинъ распространенія и поддержанія раскола и сектантства важно то и непочетное участіе, которое иные приписываютъ духовенству. Никогда наше духовенство не находилось въ такомъ положеніи, въ какомъ находилось духовенство римской церкви предъ реформой Лютера,—нельзя его упрекнуть ни въ распущенности, ни въ изувѣрствѣ. Никогда между имъ и народомъ не существовало средостѣнія, подобнаго тому, какое существовало и существуетъ напр. въ римской церкви, въ видѣ латинской библіи и богослуженія на латинскомъ языкѣ, понятныхъ только духовенству и усиливающихъ его значеніе въ католическомъ мірѣ. Расколъ и сектантство имѣетъ свое внутреннее основаніе въ религіозномъ невѣдѣніи и оболъщеніи, болѣе въ оболъщеніи, чѣмъ въ невѣжествѣ, и поддерживается тѣми же причинами. Русская Церковь въ лицѣ русскаго, духовенства, всегда шла на встрѣчу этому невѣдѣнію, всегда старалась его побороть и обезсилить мѣрами вразумленія, любви и снисхожденія. Достаточно вспомнить имена патріарха Никона, дозволяющаго протоіерею Неронову служить по старопечатнымъ книгамъ при условіи единенія съ Церковію, митрополита Платона, составившаго въ 1800 году правила единовѣрія, митрополита Филарета, написавшаго бесѣды къ глаголемому старообрядцу и преподававшаго пастырскія наставленія духовенству, относительно обращенія съ раскольниками, митрополитовъ Григоріи и Макаріи, усердно боровшихся съ расколомъ путемъ изобличенія ихъ заблужденія, чтобы видѣть, сколь разумно, любвеобильно и мудро дѣйствовали пастыри русской Церкви въ дѣлѣ раскола. Такое же отношеніе къ отщепенцамъ Церкви мы видимъ со стороны пастырей и теперь, и если расколъ и сектантство слабо уступаютъ просвѣтительной дѣятельности духовенства, то вѣдь не легко измѣнить въ людяхъ понятія и убѣжденія, всосанныя съ молокомъ матери и имѣющія за собою священный завѣтъ отцовъ и дѣдовъ. Но уже и теперь можно замѣтить, что расколъ отживаетъ послѣдніе дни и держится лишь привычкою. Подольскіе раскольники, напр., заявляютъ въ оправданіе своего пребыванія въ расколѣ: „пусть прежде головы въ Москвѣ примутъ православіе, а мы—ноги—пойдемъ туда, куда поведутъ головы; мы сами хотя уважаемъ *православіе и православныхъ священниковъ*, но будемъ оставаться въ томъ толкѣ, въ которомъ родились и были наши отцы и праотцы“ („Правосл. Обзор.“ Мартъ 1883). Пусть не указываютъ намъ на слабость развитія церковной жизни въ Россіи, обнаруживающуюся будто-бы въ недостаточной ревности со стороны членовъ

Церкви къ православію и обращенію заблуждающихъ—въ настоящее время не мало существуетъ религіозно-просвѣдительныхъ и благотворительныхъ обществъ, „братствъ“, которыя должны сослужить большую службу для православія съ развитіемъ своей дѣятельности *). Многія изъ этихъ братствъ, кромѣ просвѣдительныхъ и благотворительныхъ цѣлей, направляютъ свою дѣятельность къ обращенію заблуждающихся—раскольничковъ и сектантовъ.

Средства, употребляемые ими для осуществленія своихъ человеколюбивыхъ стремленій, очень разнообразны, вообще же они сводятся къ тремъ видамъ: къ устройству школъ, подготовленію миссіонеровъ и распространенію въ народѣ противураскольническихъ и противосектантскихъ сочиненій. Такъ „православное Прибалтійское братство Христа Спасителя“ содержитъ на своемъ иждивеніи 252 школы въ прибалтійскомъ краѣ и недавно издало на эстонскомъ языкѣ вторымъ изданіемъ книгу протоіерея Посильова: „Наставленіе въ православной вѣрѣ“, въ 10 т. экз. („Ц. О. В.“, № 131, 1883 г.). Братство Св. Андрея Первозваннаго въ Одессѣ, заботясь объ искорененіи заблужденій штундизма, признаетъ наиболѣе полезнымъ въ этомъ дѣлѣ распространеніе въ народѣ доступныхъ поучительныхъ книгъ и брошюръ, отчасти составленныхъ членами братства, частію приобретаемыхъ готовыми („Троицкіе Листки“). Наиболѣе замѣчательныя изъ разосланныхъ по приходамъ брошюръ слѣдующія: „Бойся толковать Св. Писаніе по своему“, „О постахъ“, „Братское слово къ священникамъ Херсонской епархіи“. Саратовское братство св. Креста занято преимущественно борьбою съ расколомъ и устройствомъ внутренней миссіи. Въ прошедшемъ году въ одномъ изъ засѣданій членовъ братства былъ поставленъ вопросъ о мѣрахъ къ болѣе успѣшной борьбѣ съ расколомъ. При этомъ на совѣтѣ выяснилась потребность готовить дѣятелей на поприщѣ миссіи изъ начетчиковъ и составлены были заключенія относительно веденія устныхъ бесѣдъ съ раскольниками, въ которыхъ совѣтуется, для обезпеченія правильнаго исхода спора, соблюдать единство въ бесѣдѣ. Въ качествѣ косвенныхъ мѣръ, могущихъ

*) Такъ, въ Москвѣ существуетъ братство св. Петра митрополита, въ Кіевѣ братство св. Владиміра, въ Вяткѣ братство св. Николая, въ Гроднѣ Софійское православное братство, во Владимірѣ братство св. Александра Невскаго, въ Саратовѣ братство св. Креста, въ Одессѣ братство св. Андрея Первозваннаго (основанное покойнымъ высокопр. Димитріемъ), въ Полоцкѣ братство св. Евфросиніи, въ Петербургѣ братство Христа Спасителя, въ Ковнѣ братство св. Николая, въ Козлолѣ Крестовоздвиженское, 11-го февраля 1883 г. возобновлено существовавшее два вѣка (1602—1826), могилевское Вогояленское братство и пр.

располагать раскольниковъ къ православной Церкви, признано потребнымъ: 1) совѣтовать священникамъ, чтобы они отправляли церковное богослуженіе и чинъ таинствъ истово и безъ поспѣшности, 2) раздавать православнымъ и раскольникамъ книги религіозно-нравственнаго и обличительнаго содержанія и 3) опредѣлять въ раскольническіе приходы священниками людей испытанной жизни и знаній („Ц. О. В.“, № 129, 1883 г.). Братство во имя преподобной Евфросиніи въ Полоцкѣ посвятило свои средства и трудъ на вспомоствованіе нуждающимся и содержаніе устроенной имъ богадѣльни, на открытіе и устройство церковно-приходскихъ школъ и на распространеніе религіознаго просвѣщенія въ народъ путемъ раздачи книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, а Богоявленское могилевское братство приняло на себя заботу преимущественно объ устройствѣ и поддержаніи приходскихъ школъ, для цѣлей котораго братству сдѣлано вспоможеніе отъ Св. Синода въ 1 т. р. („Ц. О. В.“, №№ 67 и 137, 1883 г.). Гродненское Софійское братство, учрежденное въ память въ Возѣ почившаго Императора Александра II, кромѣ братской городской школы и пяти отдѣленій ея въ деревняхъ, устроило складъ духовныхъ книгъ и религіозныхъ изображеній для распространенія въ народъ и имѣетъ при соборѣ братскую бібліотеку книгъ и журналовъ религіозно-нравственнаго содержанія („Ц. О. В.“, № 16, 1883 г.). Особенно многоплодна дѣятельность братства св. Александра Невскаго. Братство имѣетъ во Владимірѣ богатую (15 т.), между прочимъ и сочиненіями о расколѣ, бібліотеку, основанную Іаковомъ, викаріемъ владимірскимъ и получившую въ даръ частныя бібліотеки профессора Бѣляева и покойнаго протоіерея І. Рождественскаго. Братство содержитъ 20 школъ и въ теченіи трехъ лѣтъ распространило книгъ Св. Писанія и сочиненій духовно-нравственнаго содержанія до 148 т. экземпляровъ (Стр. Март. 1883 г.). Распространеніе противураскольниковскихъ сочиненій въ средѣ народа признается и высшею духовною властью однимъ изъ цѣлесообразныхъ способовъ въ борьбѣ съ отступниками Церкви. Такъ изъ отношенія Оберъ-Прокурора Св. Синода къ Екатеринославскому Преосвященному отъ 17 марта 1883 г. видно, что Св. Синодъ опредѣлилъ напечатать въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ для безмездной раздачи по приходамъ слѣдующія противураскольническія сочиненія: а) бесѣды къ глаголомому старообрядцу, митрополита Филарета, б) наставленіе священнику относительно заблуждающихъ отъ истины вѣры, в) книгу о Церкви и таинствахъ, служащую къ увѣщанію глаголемыхъ ста

рообрядцевъ, г) выписки изъ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгъ, Озерскаго, д) увѣщаніе въ утвержденіе истины и въ надежду дѣйствія любви Евангельской, е) собраніе сочиненій арх. Павла, ж) опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ московской печати, іером. Филарета и з) истинно древняя и истинно православная Христова Церковь. Изъ этихъ книгъ отпечатана уже и послана въ Екатеринбургскую консисторію въ 16-ти экз. книга „Наставленіе священнику относительно заблуждающихъ отъ истины вѣры“ („Ц. О. В.“, № 68). Благія послѣдствія дѣятельности братствъ еще не обнаружались вполне и наглядно, ибо и самыя братства большею частію возникли еще очень недавно; нѣкоторые признаки однако располагаютъ думать, что они будутъ не послѣдними дѣятелями въ борьбѣ православія съ расколомъ. Такъ напр., по сообщенію „Ц. О. В.“, (№ 151, 1883 г.) 30 октября сего года, предъ литургіею, миссіонеромъ братства св. Креста присоединенъ къ православію раскольникъ австрійской секты X. Присоединеніе было совершено чрезъ таинство муропомазанія. Вслѣдъ за нимъ предстоитъ присоединеніе еще нѣсколькихъ семействъ, заявившихъ миссіонеру желаніе присоединиться къ православной Церкви на правахъ единовѣрія.

(Продолженіе будетъ)

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФІЯ?

Во всѣхъ почти наукахъ ихъ содержаніе, хотя въ общихъ чертахъ, выражается въ самомъ ихъ названіи; богословіе напр. есть наука о Богѣ, физика, — наука о природѣ, зоологія, минералогія, ботаника, — наука о животныхъ, минералахъ, растеніяхъ и т. п. Если и есть нѣкоторыя науки, техническія названія которыхъ не соотвѣтствуютъ ихъ дѣйствительному содержанію, напр.: математика, (слово, которое означаетъ ученіе, науку вообще), химія, алгебра и др., то въ подобныхъ случаяхъ общее словоупотребленіе и историческая традиція все же установили за этими названіями болѣе или менѣе опредѣленный и ясный смыслъ, по которому каждый сколько нибудь образованный человекъ довольно вѣрно понимаетъ общее содержаніе науки. Но если-бы въ обычномъ пониманіи содержанія какой либо науки даже образованными людьми, встрѣчалась какая либо неточность или неопредѣленность, то этотъ недостатокъ вполне устраняется въ области знанія строго научнаго. Здѣсь, и границы и задача каждой науки установлены съ точностью достаточною для того, чтобы не возбуждать странныхъ вопросовъ: имѣетъ ли право на существованіе извѣстная спеціальная наука и чѣмъ она должна заниматься?

Въ иномъ положеніи находится философія. Что касается до самаго слова: *философія* (любомудріе) *), то оно даетъ намъ

*) Слова: *φιλοσοφείν* и *φιλοσοφία* въ памятникахъ классической древности въ первый разъ встрѣчаются у Геродота. У него Крезъ говоритъ Солону: „я слышалъ, что ты *φιλοσοφῆσαι* путешествовалъ по многимъ странамъ для изученія ихъ“. (Her. I, 30); въ другомъ мѣстѣ философіею онъ называетъ астрономическія познанія (I, 50). Впрочемъ семь мудрецовъ Греціи у Геродота называются *σοφισταί* (I, 20); тоже названіе у него прилагается и къ Пифагору (IV, 95) Древнее преданіе, сохранившееся у Диогена Лаэртія (I, 12. VIII, 8), Цицерона

только очень неопредѣленное представленіе о мудрости, не говоря точнѣе, въ чемъ состоитъ эта мудрость и отличіе ея отъ познаній, входящихъ въ составъ другихъ наукъ,— познаній, которыя также имѣютъ полное право называться мудростью. Также мало для объясненія содержанія нашей науки дастъ намъ и понятіе любви, присоединяемое къ понятію мудрости въ словѣ: философія. И каждая наука, не обязана ли своимъ происхожденіемъ любви къ знанію и не предполагаетъ ли въ занимающемся ею любви къ своему предмету? Поэтому и каждая наука имѣетъ право въ своемъ родѣ называться любомудріемъ, — философіею. Но можетъ быть то, чего не даетъ намъ буквальное значеніе слова: философія, замѣняется твердымъ, общепризнаннымъ понятіемъ о ея содержаніи? Но и въ этомъ отношеніи наша наука находится далеко не въ столь выгодномъ положеніи какъ другія науки. Каждый, сколько нибудь образованный человѣкъ, довольно ясно понимаетъ, что такое напр.: химія, геометрія, алгебра, хотя филологическій смыслъ этихъ

(Tusc. V 3) и др., происхожденіе слова: философія, въ его специальномъ значеніи относится къ Пифагору. По этому преданію, Пифагоръ пришелъ въ Фліосъ, греческій городъ въ Елиадѣ, и часто бесѣдовалъ здѣсь о разныхъ предметахъ съ тамошнимъ княземъ Леонемъ. Князь дивился разуму и краснорѣчію Самосскаго мудреца и спросилъ его: „въ какой наукѣ или искусствѣ онъ считаетъ себя особенно свѣдущимъ?“ „Ни въ какой“, отвѣчалъ Пифагоръ: „я только философъ“. Это имя владѣтелю Фліоса показалось новымъ и страннымъ „Что за люди,— философы“, спросилъ онъ, „и чѣмъ отличаются они отъ другихъ людей?“. „Человѣческую жизнь“, отвѣчалъ Пифагоръ „можно сравнить съ большимъ торжищемъ и съ Олимпійскими играми. На торжищѣ есть продавцы и покупатели, которые стараются пріобрѣсти прибыль; на играхъ, участники ихъ заботятся о славѣ и извѣстности; но тамъ есть еще третій классъ людей,—это зрители, которые смотрятъ на тѣхъ и другихъ и внимательно наблюдаютъ, что тамъ происходитъ. Такъ и въ жизни людской; большая часть людей заботится только о богатствѣ и славѣ; все здѣсь погоня и движеніе; одинъ гонится за тѣмъ, другой за другимъ. Только не многіе среди этой шумной толкотни не принимаютъ въ ней участія, но созерцаютъ и изслѣдуютъ природу вещей и познаніе истины любить больше всего, это любители мудрости— философы. Называются-же они философами, а не мудрецами (σοφοί) потому, что мудрымъ можетъ быть только одинъ Богъ, чловѣку-же свойственно только стремленіе,—любовь къ мудрости“. Новѣйшіе историки философіи (Мейнерсъ, Гаймъ Целлеръ и др.) сомнѣваются впрочемъ въ истинѣ этого общераспространеннаго въ древности сказанія и видятъ въ немъ позднѣйшую легенду въ Сократовско-Платоновскомъ духѣ. Съ догматизмомъ Пифагорейской философіи и съ твердою увѣренностью ея въ силѣ научнаго знанія, по ихъ мнѣнію, вовсе не согласуется Сократовская скромность и сознаніе недоста-

терминовъ для него непонятенъ; да и на самомъ дѣлѣ не соотвѣтствуетъ точно ихъ дѣйствительному содержанию. Но что такое философія? Съ этимъ словомъ, даже въ умахъ довольно образованныхъ людей не соединяется часто никакого другаго понятія кромѣ представленія о чемъ то темномъ, отвлеченномъ, головоломномъ. Одинъ, инстинктивно предубѣжденный противъ нея скажетъ, что это наука занимающаяся пустыми отвлеченностями, другой, инстинктивно расположенный въ ея пользу, скажетъ, что это очень важная наука, занимающаяся возвышенными предметами. Но что такое каждый изъ нихъ разумѣетъ подъ именемъ отвлеченности-ли то или возвышенности, — на этотъ вопросъ мы едва ли дождемся точнаго и опредѣленнаго отвѣта. — Такой точности и опредѣленности повидимому мы вправѣ были бы ожидать отъ людей науки вообще, — отъ специалистовъ философіи въ особенности; но и здѣсь наши ожиданія остаются далеко неудовлетворенными. Въ области науки вообще, мнѣніе о философіи расходится до противоположности

точности человѣческаго знанія. Съ живою политическою дѣятельностью Пифагора опять далѣе несогласно ясно выраженное въ этомъ сказаніи предпочтеніе созерцательной жизни предъ дѣятельною, теоріи, предъ практикою, — предпочтеніе, которое встрѣчаемъ лишь позже, у Платона и Аристотеля. Замѣчательно и то, что въ древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ пифагорейскихъ фрагментахъ (приписываемыхъ Филолаю) познание господствующей во вселенной гармоніи называется не *φιλοσοφία*, а *σοφία* (Böck, Philolaos. 95, 102). Древніе писатели до Платона и самъ Платонъ обыкновенно называютъ древнѣйшихъ философовъ, не выключая и Пифагора: *σοφοί*, *σοφισταί*, а не *φιλοσόφοι*. На основаніи всего этого думаютъ, что начало слова: философія, въ его спеціальномъ значеніи, не восходитъ далѣе времени Сократа и Платона. Сократъ дѣйствительно первый употребляетъ это слово съ опредѣленнымъ значеніемъ, противопоставляя философію, какъ истинную мудрость, ложной мудрости софистовъ. Своєю философією въ частнѣйшемъ смыслѣ слова Сократъ считаетъ испытаніе самаго себя и другихъ людей (*φιλοσοφοῦντα με δεῖν ξῆν καὶ ἐξετάζοντα ἑμαυτὸν τε καὶ τοὺς ἄλλους*. Plat. Apol. 25. 28), у Платона не разъ встрѣчается мысль приписываемая Пифагору, что мудрость принадлежитъ одному Богу, а человѣку прилично быть только любителемъ мудрости, — философомъ. Хотя Аристотель и употребляетъ иногда безразлично выраженія: *σοφία* и *φιλοσοφία* для обозначенія того, что мы называемъ философією, но вообще послѣднее названіе принимаетъ у него уже болѣе опредѣленное значеніе; въ частности первую философією онъ называетъ метафизику. Со времени Аристотеля слова: философъ, философія становятся общепотребительными въ наукѣ и въ обычномъ словоупотребленіи. (О происхожденіи и значеніи слова: философія, см. у Юбернера, въ его: *Grundriss d. Gesch. d. Philosophie*, 1876. Т. 1^е р. 1—15).

Тогда какъ одни, признавали и признаютъ ея важное значеніе въ области человѣческаго знанія и готовы уступить ей даже предсѣдательство въ сонмѣ спеціальныхъ наукъ въ виду важности ея предмета и того благотворнаго, объединяющаго и идеализующаго вліянія, какое она можетъ имѣть на нихъ, другіе не хотятъ даже допустить ее какъ равноправную подругу въ кругъ другихъ наукъ. Идутъ споры о томъ: возможна ли она, существуетъ ли даже она, не составляетъ ли она давно отжившій свое время дѣтскій способъ познанія существующаго, не нужно ли ее, какъ старый хламъ, выкинуть вовсе изъ богатой сокровищницы современной, положительной науки? Эти разногласія ясно показываютъ, что даже въ области научнаго знанія существуютъ коренныя разногласія въ пониманіи того, что такое философія и чѣмъ она должна заниматься. Еще удивительнѣе для посторонняго наблюдателя нашей науки можетъ показаться то, что даже въ ея собственной области нѣтъ единомыслія въ опредѣленіи задачи и предмета философіи. И среди философовъ были лица, отвергавшія возможность или философіи вообще или важнѣйшихъ частей ея (напр. метафизики); а что касается до опредѣленій нашей науки, то безъ преувеличенія можно сказать, что сколько философскихъ системъ столько и опредѣленій философіи,—и эти опредѣленія не только по словесному выраженію различны, но часто по самому существу дѣла противоположны *).

*) У древнѣйшихъ философовъ мы не находимъ точно формулированныхъ опредѣленій философіи, такъ что понятіе о томъ, что они разумѣли подъ именемъ философіи мы должны извлекать изъ общаго содержанія и характера ихъ изслѣдованій. Пользуясь этимъ приѣмомъ мы не ошибемся, если скажемъ, что назъ архаическихъ школъ философы Іонійской школы (включая сюда и Атомистовъ) подъ именемъ философіи разумѣли ученіе о происхожденіи природы изъ основныхъ ея элементовъ или началъ; Пифагорейцы,—изъясненій сущности, формъ и взаимоотношенія вещей изъ чиселъ и ихъ сочетаній; Елеаты,—ученіе о единомъ вѣчномъ и неизмѣнномъ бытіи, въ противоположность обманчивому познанію измѣчивыхъ вещей (ученію о природѣ). Сократъ философіею называлъ познаніе или изслѣдованіе (ἐξετάζειν) самаго себя и другихъ. По мысли Платона, философія есть ученіе о вѣчно существующемъ и неизмѣнномъ (философы суть тѣ, кои могутъ τὸ ἀεὶ κατὰ ταῦτ' ὡσαύτως ἔχοντος ἐφάπτεσθαι) Rep. VI, 484), иначе,—философія есть наука объ идеяхъ, какъ истинно существующемъ и совершенномъ бытіи. Съ практической стороны Платонъ опредѣляетъ ее какъ искусство освобождать душу отъ узъ чувственности или искусство умишля умирать. По ученію Аристотели

Но если не самый терминъ: *философія*, ни обыденное, ни научное пониманіе ея, ни самыя опредѣленія ея въ средѣ лицъ, именующихъ себя философами, не сообщаютъ намъ непосредственно яснаго и безспорнаго понятія о содержаніи философіи, то не дастъ ли намъ такого искомаго нами понятія самая исторія этой науки? Можетъ быть изъ того, что въ продолжительную эпоху ея существованія разумъ обозначалъ именованъ: *философія*, мы скорѣе поймемъ ея предметъ, чѣмъ изъ филологическаго значенія этого слова, изъ смутныхъ представленій о ней большинства или изъ разнорѣчивыхъ и часто для нецелюназначенныхъ въ тайны этой науки, темныхъ и отвлеченныхъ опредѣленій у ея специалистовъ?

Философія (собственно метафизика, какъ философія по преимуществу) есть наука, которая изслѣдуетъ не какую либо опредѣленную область сущаго, но все сущее, какъ таковое, слѣд. первая начала или причины всего существующаго (*ἐπιστήμη τῶν πρώτων ἀρχῶν καὶ αἰτιῶν* Met. 1, 2, 9). Стоики опредѣляли философію съ теоретической стороны, — какъ знаніе о вещахъ божественныхъ и человѣческихъ, съ практической, — какъ стремленіе къ добродѣтели. Эпикуръ философіею называетъ основанное на рациональныхъ понятіяхъ и размысленіяхъ (*λόγους καὶ διαλογισμούς*) стремленіе къ счастливой жизни. По мысли Схоластиковъ, философія есть основанное на началахъ христіанской вѣры систематическое познаніе разума о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Позднѣйшія опредѣленія философіи, значительно различаясь по словесному выраженію, въ сущности примыкаютъ къ какому либо изъ выше приведенныхъ древнихъ. Вольфъ, систематикъ философіи Лейбница, опредѣляетъ философію, какъ науку о возможномъ, въ какой мѣрѣ оно возможно (*philosophia est scientia possibilium, quatenus esse possunt*); философское познаніе, по его мнѣнію, *est cognitio rationis eorum, quae sunt vel fiunt, unde intelligatur, cur sint vel fiunt*. По ученію Канта философія есть наука объ отношеніи всякаго познанія къ существеннымъ цѣлямъ человѣческаго разума (*teleologia rationis humanae*). Гербартъ опредѣляетъ философію какъ обработку (*Bearbeitung*) понятій; эта обработка состоитъ: въ ихъ выясненіи (Логика), исправленіи (Метафизика) и дополненіи посредствомъ опредѣленія ихъ достоинства (Поэтика и Эстетика). По Гегелю, философія есть наука объ абсолютномъ въ формѣ діалектическаго развитія или наука самаго себя понимающаго разума. У Шеллинга, философія есть наука объ абсолютномъ, какъ безразличіи идеальнаго и реальнаго. Фихте опредѣляетъ философію какъ внауку о знаніи вообще, какъ наукоученіе (*Wissenschaftlehre*). Якоби задачей философіи поставляетъ возведеніе всѣхъ познаній къ непосредственной достовѣрности вѣры (или чувства) и въ обоснованіи ихъ на началахъ этой вѣры. Тренделенбургъ называетъ философію наукою идею; ея задача изслѣдовать и представить идею цѣлаго и всеобщаго, которая лежитъ въ основаніи частой и особеннаго, — въ противоположность наукамъ эмпирическимъ, которыя направлены къ разсмотрѣнію единичнаго въ его особенности. По ученію Кюпта, философія есть обобщеніе и систематическій сводъ результатовъ наукъ положительныхъ.

Но и на этомъ пути разъясненія дѣйствительнаго содержанія нашей науки насъ встрѣчаютъ большія затрудненія и недоумѣнія. Оказывается, что ни одно и тоже въ различныя времена признавалось философіею и носило это имя. Предѣлы ея то расширялись по всей почти области научно-познаваемаго, такъ что всѣ науки сливались въ философію, какъ ея отрасли, то сокращались до такой степени, что ей какъ будто и вовсе не оставалось мѣста и занятія среди другихъ наукъ. Первое имѣло мѣсто въ древности, философія тогда обнимала почти всѣ науки и Цицеронъ совершенно въ духѣ древности могъ опредѣлять ее такъ, что она есть *genus divinarum et humanarum scientia* *). Дѣйствительно, древніе философы были въ тоже время и естествоиспытателями (какъ Іонійскіе фізіологи), и математиками (какъ Пифагоръ), и теологами (какъ жрецъ, и очиститель Емпедоклъ) и ораторами (какъ Софисты), и политиками (какъ Платонъ). Вспомнимъ Аристотеля; его философія представляетъ собою полную энциклопедію знаній того времени, за исключеніемъ исторіи, которая тогда считалась болѣе искусствомъ, чѣмъ наукою.

Но съ теченіемъ времени, съ большею спеціализаціею познаній, изъ философіи начали мало по малу выдѣляться и обособляться въ самостоятельныя науки различныя отрасли знанія. Изъ ея области выдѣлились прежде всего тѣ познанія, которыя, бывъ въ началѣ плодомъ одного теоретическаго умозрѣнія, въ послѣдствіи, по мѣрѣ распространенія наблюденій, получили значеніе истинъ эмпирическихъ, напр. свѣдѣнія о формѣ, величинѣ и движеніи небесныхъ тѣлъ, о фигурѣ земли, о свойствахъ растений, минераловъ, о строеніи человѣческаго организма и т. п.,— свѣдѣнія, которыя въ архаической философіи мы находимъ въ философскихъ системахъ. Далѣе,— всѣ тѣ познанія, которыя возникнувъ первоначально изъ общаго стремленія къ мудрости, потомъ получили практическое примѣненіе къ жизни, таковы напр. грамматика, риторика, положительное ученіе о законодательствѣ. Такимъ образомъ уже къ

*) *Philosophia est, ut a veteribus philosophis definitum est, rerum divinarum, et humanarum, causarumque, quibus hae res continentur, scientia.* -- (De finib. 11—27.)

концу греко-римскаго міра содержаніе философіи было ограничиваемо логикою, иенкою и физикою, понимаемою конечно не въ томъ спеціальному смыслѣ, какой имѣетъ это слово теперь, но въ смыслѣ ученія о природѣ вообще какъ физической, такъ и духовной; ученіе о Богѣ входило въ физику, какъ ученіе о послѣднемъ, высочайшемъ началѣ бытія природы. Съ теченіемъ времени границы философіи суживаются еще больше. Физика, послѣ постоянныхъ и постепенныхъ уступокъ своего содержанія наукамъ эмпирическимъ, совершенно отдѣлилась отъ философіи. Политика и право развѣтвились въ нѣсколько отдѣльныхъ наукъ съ положительнымъ характеромъ. Ученіе о человѣкѣ съ его физической стороны также давно отошло въ область естествознанія. Но уступка философіею очень значительной части своего содержанія другимъ наукамъ не спасла ее отъ смѣлыхъ притязаній и на другія, оставшіяся по видимому за нею, части. За исключеніемъ области природы, отошедшей на долю естествознанія и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, получившихъ положительную постановку, осталось для философіи ученіе о Богѣ и человѣкѣ съ его духовной, теоретической и нравственной сторонъ. Но что касается до философскаго ученія о Богѣ, то состоятельность его подвергается сомнѣнію съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Вѣрующіе не безъ основанія могутъ спросить: если есть богооткровенное ученіе и наука, систематически излагающая это ученіе—богословіе, то какое значеніе можетъ имѣть наука, которая, какъ показываетъ ея исторія, съ большими усиліями и малымъ успѣхомъ старается рѣшить тѣ вопросы, которые точно и вѣрно рѣшаются въ другой? Невѣрующіе не могутъ признать состоятельности философскаго ученія о Богѣ уже потому одному, что не признаютъ истины и реальности самаго предмета этого ученія. Что касается до ученія о духовной сторонѣ человѣка, то въ наше время, какъ извѣстно, существуютъ попытки лишить и это ученіе философскаго характера и отпести его въ область естествознанія. Отвергая самостоятельность психическаго начала, современный матеріализмъ смотритъ на душевныя явленія, какъ на продуктъ организма и поэтому на психологию, какъ на особенную главу фізіологіи. Съ той же точки

зрѣнія онъ разсматриваетъ и законы познанія и законы практической дѣятельности. Логика и иеика изъ наукъ философскихъ, опредѣляющихъ какъ *должно* мыслить и какъ *должно* дѣйствовать, превращаются въ науки эмпирическія, описывающія простые факты явленій, необходимо обуславливаемыхъ известнымъ строемъ нашего организма и неотразимымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій.

Такимъ образомъ, будучи общимъ историческимъ корнемъ почти всѣхъ наукъ, философія въ настоящее время повидимому не удержала за собою безспорно никакого спеціально ей принадлежащаго предмета изслѣдованія. При такомъ положеніи дѣла, представляется одно изъ двухъ: или сама философія, какъ самостоятельная наука теперь уже не существуетъ, раздробившись и исчезнувъ въ другихъ наукахъ, отживъ свое время, какъ необходимое переходное условіе для ихъ появленія на свѣтъ и воспитанія; или, — если она имѣетъ право на существованіе, то отлпчается отъ другихъ наукъ не какими либо особыми предметами познанія, а только особымъ способомъ или методомъ ихъ познаванія.

Но первое предположеніе мы должны признать несостоятельнымъ при самомъ бѣгломъ взглядѣ на историческія судьбы философіи. Не смотря на отпаденіе отъ нея различныхъ наукъ, входившихъ нѣкогда въ ея составъ, не смотря на самыя сильныя нападенія на ея самостоятельность со стороны мыслителей не признававшихъ никакого другаго источника знанія, кромѣ опыта или положительнаго авторитета религіи, не смотря даже на внутреннихъ своихъ враговъ и измѣнниковъ, — философовъ, старавшихся доказать сомнительность или невозможность рѣшенія философскихъ проблеммъ (скептики), философія всегда отстаивала и продолжаетъ отстаивать свое право на самостоятельное существованіе въ ряду другихъ наукъ, а успѣхъ ея борьбы за это право въ предшествующее время ругается и за ея существованіе въ будущемъ. На самомъ дѣлѣ, враждебныя пощты противъ ея самостоятельности въ настоящее время не есть для нея что либо новое и неожиданное. Но какъ противъ древнихъ скептиковъ, такъ и противъ новыхъ своихъ противниковъ, ратующихъ преимущественно подъ зна-

менемъ естественныхъ наукъ, она всегда побѣдоносно можетъ указать на внутреннее противорѣчіе въ ихъ утвержденіи о несостоятельности философіи. Скептикамъ она замѣтитъ, что самый скептицизмъ, отвергающій философію, есть однако-же своего рода философія, („смѣяться надъ философами, значитъ уже философствовать“, — вѣрно замѣчаетъ Паскаль), и что отвергая возможность философскаго познанія, скептики однако же имѣютъ опредѣленный, положительный идеалъ знанія, во имя котораго только и могутъ отрицать существующее знаніе, какъ несостоятельное предъ этимъ идеаломъ; но начертывая въ своемъ умѣ идеалъ совершеннаго знанія, они тѣмъ самымъ уже философствуютъ. Псевдо-эмпирикамъ нашего времени она также можетъ сказать, что отрицая философію на словахъ, они тѣмъ не менѣе философствуютъ, какъ скоро затрогиваютъ и рѣшаютъ вопросы, которые, по ихъ собственному сознанію не могутъ быть рѣшены путемъ опыта и наблюденія. Когда материалистъ разсуждаетъ о недоступной никакому наблюденію самосущей и вѣчной матеріи, объ атомахъ, о происхожденіи вселенной, когда онъ начертываетъ самые смѣлые идеалы общественнаго устройства, никакихъ элементовъ для которыхъ не дано въ наличной дѣйствительности, что онъ дѣлаетъ, какъ не философствуетъ? Онъ создаетъ свою собственную философію и свою собственную метафизику, хотя бы и не называлъ ихъ этимъ именемъ; его вражда противъ философіи, — или чисто ребяческая вражда противъ словъ: „философія, метафизика“, — или вражда не противъ философіи вообще, а противъ извѣстнаго какого-либо философскаго міросозерцанія. Если же имѣть въ виду не ту или другую положительную систему философіи, не тотъ или другой способъ рѣшенія философскихъ проблеммъ, а самое *стремленіе* разума изслѣдовать и рѣшать важнѣйшіе вопросы знанія и жизни, искони называемые философскими вопросами, то должно признаться, что и въ настоящее время, при всемъ кажущемся охлажденіи къ философіи, какъ наукѣ самостоятельной и систематической, человекъ философствуетъ не меньше, какъ и въ эпохи господства и процвѣтанія опредѣленныхъ философскихъ системъ и школъ. Итакъ, даже не заходя преждевременно въ область самой философіи, чтобы на

дѣлѣ показать и возможность и законность ея существованія, мы, на основаніи однихъ фактовъ ея исторической живучести, можемъ сказать, что философія существовала и существуетъ какъ особая и отличная отъ другихъ область познанія.

Если же теперь философія фактически существуетъ, а особыхъ предметовъ знанія, повидимому для нея нѣтъ, такъ какъ вся область познаваемаго подѣлена уже между различными науками, то не должны ли мы остановиться на второмъ нашемъ предположеніи, — именно: если философія существуетъ, какъ особая отрасль познанія, то она отличается отъ другихъ наукъ не предметами, а только особеннымъ способомъ или приемомъ познанія тѣхъ же предметовъ, которыми занимаются и другія науки. Такимъ образомъ право философіи на самостоятельность будетъ заключаться не въ особенности содержанія, но лишь въ особенности метода познанія. На такой именно характеръ философіи, повидимому, даетъ указаніе и то обстоятельство, что обыкновенно она называется наукою умозрительною и противопоставляется наукамъ эмпирическимъ. Но выраженія: умозрѣніе, опытъ, указываютъ не на содержаніе познанія, а на способъ его приобрѣтенія, на методъ изслѣдованія.

На первый взглядъ такое разграниченіе философіи и другихъ наукъ представляется очень опредѣленнымъ и яснымъ. Прежде всего, имъ легко отличается философское познаніе отъ религіознаго. По содержанію, богословіе и философія въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ и задачахъ очевидно совпадаютъ; то и другая одинаково говорятъ намъ о высочайшемъ началѣ бытія, — Богѣ и о другихъ высшихъ вопросахъ знанія и жизни, имѣя въ виду установить правильный взглядъ на міръ, на человека, на послѣднія цѣли человѣческаго бытія и дѣятельности; разграничить ихъ строго и точно по содержанію иногда довольно трудно. Но когда говорятъ намъ, что философія учитъ о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, на основаніи началъ разума, а богословіе на основаніи откровенія, то отличіе ихъ представляется яснымъ. Тотъ же способъ различенія, повидимому, можетъ быть приложенъ и къ опредѣленію характеристическихъ особенностей философіи и наукъ эмпирическихъ, положительныхъ. По-

слѣднія основываются на фактахъ и пользуются методомъ индуктивнымъ; но мы можемъ представить себѣ (и философія дѣйствительно представляетъ такіе опыты) возможность или попытку познанія тѣхъ же предметовъ, которыми занимаются науки эмпирическія, -- природы и человѣка, путемъ чисто умозрительнымъ, философскимъ. Такъ наприм. было въ древности, когда тѣ познанія о природѣ, которыя теперь получаются путемъ индуктивнымъ и потому безспорно входятъ въ область естествознанія, составляли собственность философіи и когда ученіе о природѣ, носило умозрительный характеръ. Такъ и въ новой философіи мы встрѣчаемъ опыты выведенія законовъ природы и духа и объясненія процесса міровой и исторической жизни путемъ чисто раціональнымъ изъ какого либо абстрактнаго понятія или изъ чистаго мышленія, напр. въ системахъ Шеллинга и Гегеля.

Но представленный нами способъ отличенія философіи отъ прочихъ наукъ по методу познанія, не смотря на кажущееся удобство его, при внимательномъ взглядѣ на дѣло оказывается недостаточнымъ и далеко необеспечивающимъ права нашей науки на самостоятельное существованіе. Прежде всего невольно возникаетъ вопросъ: если философія отлична отъ прочихъ наукъ не по содержанію, а только по способу изслѣдованія этого содержанія или методу, то какая будетъ необходимость и цѣль ея, если она станетъ только *иначе* познавать то, что своими способами познаютъ и другія науки? Зачѣмъ два пути, чтобы идти къ одной цѣли? И путь философіи, по общему мнѣнію болѣе отвлеченный и трудный, чѣмъ путь опыта, къ чему будетъ служить, если не приведетъ ни къ чему новому, чего бы не могли открыть и другія, положительныя науки своими способами?

Когда предполагаются два пути, ведущіе къ одной цѣли — познанію истины, то естественно возникаетъ сравненіе, который изъ нихъ удобнѣе, проще и вѣрнѣе ведетъ къ этой цѣли. Но какъ скоро этою цѣлью мы поставили простое, эмпирическое познаніе природы и человѣка, то сравненіе сейчасъ же окажется не въ пользу пути умозрительнаго, философскаго. Безспорно, что тѣми познаніями о природѣ, о человѣкѣ, кото-

рыми такъ гордится наше время, мы обязаны не философіи, а естествознанію и его индуктивному методу. Поэтому, если бы все право философіи на самостоятельность опиралось на одномъ методѣ, то это право оказалось бы очень спорнымъ. Всегда можно бы выставить на видъ (что и дѣлаютъ позитивисты), что ея методъ далеко не столь удовлетворителенъ для познанія реального міра, какъ эмпирической, что поэтому онъ совершенно ненуженъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, что онъ есть только первоначальный, дѣтскій способъ познанія природы, который теперь долженъ уступить свое мѣсто болѣе зрѣлому, научному, позитивному, — что поэтому и философія въ наше время не можетъ имѣть права научнаго бытія. Если отъ познанія природы и человѣка обратимся къ познанію высочайшаго начала той и другаго, — Бога, то и здѣсь возникаютъ тѣ же недоумѣнія относительно права философіи на самостоятельность, если основаніемъ этого права станемъ считать одинъ только методъ или способъ познанія. Если философія отличается отъ богословія только тѣмъ, что изслѣдуетъ тоже содержаніе, но только на основаніи началъ разума, рациональнымъ способомъ, то рождается вопросъ: для чего нужно и къ чему ведетъ такое изслѣдованіе, какъ- скоро есть другой и болѣе вѣрный и надежный путь къ познанію Бога и „вещей божественныхъ“ — путь религіозной вѣры и основаннаго на ней знанія? Въ ученіи вѣры положительно и ясно рѣшены всѣ важнѣйшіе вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ напрасно трудятся лучшіе умы древняго и новаго міра. Зачѣмъ же послѣ этого искать еще истины на скользкихъ и невѣрныхъ путяхъ человѣческаго умозрѣнія, гдѣ заблудилось столько крѣпкихъ умовъ? Зачѣмъ нужна философія?

Но отличеніе философіи отъ другихъ наукъ на основаніи, особенности ея метода, не упрочивая существованія нашей науки и само по себѣ не можетъ быть признано точнымъ и опредѣленнымъ. Дѣло въ томъ, что методы эмпирической и рациональной, индуктивный и дедуктивный въ ихъ дѣйствительномъ приложеніи къ познанію далеко не такъ рѣзко разграничены и независимы одинъ отъ другаго какъ предполагается при представленномъ нами принципѣ отличенія философіи отъ

прочихъ наукъ. Эти методы въ ихъ рѣзкой обособленности и какъ бы противоположности излагаются только въ логикахъ; на самомъ же дѣлѣ, въ живомъ процессѣ познавательной дѣятельности они постоянно переплетаются; одинъ переходитъ въ другой и помогаетъ другому въ дѣлѣ изслѣдованія истины. Дѣйствительно, съ одной стороны исторія философіи показываетъ, что построение философской системы чисто дедуктивнымъ путемъ изъ какого либо основнаго понятія, безъ всякой помощи анализа и опыта, не только оканчивается неудачею, но и на самомъ дѣлѣ невозможно. Философская критика одного изъ наиболѣе послѣдовательныхъ опытовъ чисто дедуктивнаго построения философіи (разумѣемъ систему Гегеля) ясно показала, что это построение есть мнимое, а не дѣйствительное, что оно было бы невозможно безъ предположенія опыта и основанныхъ на немъ понятій, что эти понятія постоянно вторгаются въ діалектическій процессъ чистой мысли и не создаются имъ изъ ничего силою творческой мысли, а только заволакиваются искусственнымъ туманомъ отвлеченности до неузнаваемости ихъ дѣйствительнаго происхожденія. Съ другой стороны, и науки положительныя не представляютъ собою одного набора фактовъ и сведенія ихъ подъ извѣстныя рубрики по ихъ однородности; и онѣ даютъ намъ опыты открытія общихъ законовъ управляющихъ фактами и объединенія этихъ фактовъ не только по ихъ простому сходству, совмѣстности и современности, но и на основаніи высшихъ требованій и идей разума; на самомъ дѣлѣ раціональный методъ столько же необходимъ и также примѣняется въ положительныхъ наукахъ, какъ и эмпирической въ философскихъ. Поэтому при совмѣстномъ употребленіи того и другаго метода въ наукахъ положительныхъ и въ философіи, разграниченіе ихъ по одному методу во многихъ случаяхъ было бы крайне затруднительно. Въ частности, что касается до разграниченія философіи и богословія, гдѣ этотъ принципъ, повидимому, находитъ наиболѣе удачное примѣненіе, то здѣсь заключается нѣкоторое недоразумѣніе. Философія и богословіе дѣйствительно различаются между собою по своимъ источникамъ, который для первой есть разумъ, для послѣдняго—вѣра; но что касается до метода по-

знанія, то онъ одинъ и тотъ же какъ для богословія, такъ и для философіи; это методъ раціональный. Ученіе о Богѣ, какъ скоро дѣлается систематическимъ изложеніемъ истинъ вѣры, наукою, богословіемъ, употребляетъ тѣ же приемы познанія, тѣ же формы систематизаціи и аргументаціи, какъ и философія и не можетъ избѣжать ихъ, если желаетъ быть наукою.

Если теперь одинъ методъ познанія не можетъ обезпечить самостоятельности философіи, но если съ другой стороны не даетъ ей правъ на такую самостоятельность, какъ мы видѣли, и особенность предметнаго содержанія, такъ какъ все мыслимое содержаніе распределено между различными спеціальными науками, то повидимому мы находимся въ большомъ затрудненіи опредѣлить, чѣмъ же именно должна заниматься наша наука и въ чемъ ея отличительный характеръ?

Такъ какъ признакъ метода для этого опредѣленія оказался не пригоднымъ, то остается одно: обратиться снова къ содержанію познаваемого различными науками и внимательное посмотреть, нѣтъ ли въ этомъ содержаніи если не опредѣленныхъ предметовъ, то по крайней мѣрѣ какихъ либо частей или *сторонъ* въ предметахъ, которыхъ или не затрогиваютъ другія науки, или не въ силахъ удовлетворительно познать при своихъ научныхъ средствахъ. Если, теперь, философія должна быть наукою самостоятельною, то самостоятельность ея должна выражаться не въ томъ только, что она будетъ изслѣдовать такое же содержаніе, но иначе, чѣмъ другія науки; но въ томъ, что въ тѣхъ же предметахъ она будетъ открывать и познавать какія либо новыя стороны, — нѣчто такое, о чемъ не могутъ дать точнаго понятія другія науки.

Но есть-ли въ предметахъ научнаго познанія такія стороны? И если есть, то что поваго и особеннаго можетъ открыть философія въ тѣхъ же предметахъ, которыми занимаются и другія науки?

Для отвѣта на этотъ вопросъ, мы должны-бы подвергнуть внимательному изслѣдованію содержаніе отдѣльныхъ наукъ и посмотреть, нѣтъ-ли въ каждой изъ нихъ какихъ либо элементовъ, разъясненія которыхъ однако же не даютъ отдѣльныя науки, каждая въ своей спеціальной области. Такое разъясненіе

показало-бы намъ, что въ каждой изъ нихъ: а) есть понятія, и при томъ основныя, которыя обыкновенно принимаются безъ изслѣдованія, на вѣру, но которыя тѣмъ не менѣе, по ихъ принципиальному значенію въ наукѣ, необходимо требуютъ рациональнаго изслѣдованія и обоснованія, чтобы наука могла быть наукою въ точномъ и строгомъ смыслѣ, то есть совокупностію познаній, основанныхъ на началахъ вполне достовѣрныхъ и доказанныхъ. Таково напр. понятіе матеріи въ химіи, понятіе силы, движенія и закона въ физикѣ и механикѣ, понятіе пространства въ математикѣ, понятіе жизни и органическаго начала въ физиологіи и пр. Таково напр. общее предположеніе всѣхъ наукъ о достовѣрности нашего познанія и о пригодности тѣхъ методовъ его, которыми пользуется каждая наука, въ непосредственной увѣренности, что они приводятъ къ истинѣ. б) Далѣе, есть вопросы, которые невольно вызываются и навязываются каждому мыслящему уму при изученіи каждой почти спеціальной науки, но на которыя однако-же наука или не даетъ отвѣта, или если и пытается дать, не выходя изъ своей спеціальной сферы, то по самой узкости и односторонности этой сферы, можетъ дать только односторонніе и потому невѣрные отвѣты. Такъ напр. физикъ невольно долженъ представиться вопросъ: откуда первоначально произошли тѣ самые механическіе законы природы, изученіемъ которыхъ онъ занимается? Мыслящій историкъ, при взглядѣ на широкій и бурный потокъ исторической жизни, на разнообразіе сталкивающихся и борющихся мотивовъ и цѣлей историческихъ дѣятелей, не можетъ не спросить: гдѣ начало и конецъ этого потока, есть-ли какой-либо разумный законъ историческаго движенія, ведетъ-ли оно къ какой-либо разумной и высшей цѣли, или вся исторія есть не болѣе какъ пустая игра случайно возникающихъ и смѣняющихся событій? Даже такая строго отвлеченная и свободная отъ всѣхъ „высшихъ“ вопросовъ наука, какъ математика, можетъ предложить своему изслѣдователю вопросъ: откуда происходитъ то, что выведенные чисто отвлеченнымъ путемъ и построенные a priori математическіе законы и формулы имѣютъ однако-же приложеніе къ дѣйствительности, ея оправдываются, что и дѣлаетъ возмож-

нымъ примѣненіе этой науки къ познанію природы и ея явленій?

Но подробный анализъ содержанія отдѣльныхъ наукъ съ цѣлью показать, что въ каждой изъ нихъ есть вопросы, вовсе или недостаточно рѣшаемые ими, и что существованіе этихъ вопросовъ предполагаетъ возможность особой науки для ихъ научнаго раскрытія, если-бы и привело насъ къ рѣшенію нашего вопроса о содержаніи философіи, то путемъ слишкомъ продолжительнымъ и утомительнымъ. Мы надѣемся найти путь болѣе короткій и удобный, который приведетъ насъ къ той-же цѣли. Достаточно будетъ, если не анализируя содержанія каждой науки въ частности, мы обратимъ вниманіе на самое общее содержаніе и общую цѣль всѣхъ наукъ безъ исключенія. Мы спросимъ: чего вообще ищутъ въ подлежащихъ ихъ изслѣдованію предметахъ и явленіяхъ всѣ науки, чтобы въ результатѣ ихъ исканій получилось знаніе?

Очевидно, что самое общее искомое въ предметахъ, для всѣхъ наукъ и знаній одно, — истина. Знать истину — цѣль каждой науки и не иная, конечно, должна быть цѣль и философіи. Поэтому, чтобы узнать предметъ философіи мы должны теперь точнѣе разсмотрѣть, что такое искомая истина въ предметахъ, съ какихъ сторонъ она можетъ быть рассматриваема и какія именно стороны ея принадлежать философіи?

Что такое истина? Нѣтъ ничего легче и нѣтъ ничего труднѣе отвѣта на этотъ вопросъ. Нѣтъ ничего легче, когда этотъ вопросъ рѣшаетъ непосредственное чувство человѣка въ тысячахъ случаевъ жизни. Мы какимъ-то внутреннимъ инстинктомъ чувствуемъ истину, хотя въ обыденной жизни и не спрашиваемъ у себя каждый разъ отчета, почему именно признаемъ то или другое за истину. Но тоже самое, внутреннее чувство, которое служитъ главнымъ нашимъ руководителемъ въ жизни, такъ часто обманываетъ насъ, заставляя принимать призраки истины за самую истину, такъ часто вводитъ насъ въ различнаго рода заблужденія, что мыслящему и ищущему истины уму неизбежно долженъ былъ представиться вопросъ: что же такое истина?

Исторія мышленія показываетъ, что нѣтъ ничего труд-

нѣе точнаго рѣшенія этого вопроса. Разнообразіе философскихъ системъ въ ихъ коренныхъ принципахъ показываетъ, что и мнѣнія наиболѣе повидимому компетентныхъ въ рѣшеніи этого вопроса умовъ далеко несогласны, даже діаметрально противоположны. То, что одни признавали абсолютно истиннымъ бытіемъ и единственно достойнымъ предметомъ истиннаго знанія (существо абсолютное и міръ объектовъ сверхчувственныхъ), другіе, напротивъ, совершенно исключали изъ области истиннаго бытія и знанія. При подобныхъ коренныхъ разногласіяхъ, неудивительно возникновеніе сомнѣній въ возможности самаго познанія истины.

Но подобнаго рода разногласія и сомнѣнія могутъ касаться только содержанія тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ понятій, принимаемыхъ или непринимаемыхъ за истинныя, но не самыхъ общихъ признаковъ истины, какъ таковой. Самый отчаянный скептикъ, не только не признающій ничего истиннаго въ представляющихся ему суду мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, но отрицающій самую возможность знать истину, однакоже имѣетъ въ своемъ умѣ нѣкоторую норму или мѣрку, прикладывая которую ко всѣмъ существующимъ въ наличности понятіямъ и мнѣніямъ, считаетъ ихъ неистинными, какъ неподходящія подъ эту норму и мѣрку. Иначе всѣ его скептическія возраженія не имѣли-бы цѣны ни для другихъ, ни для него самаго. Свое сомнѣніе онъ почему либо считаетъ болѣе согласнымъ съ истиною, чѣмъ противоположныя мнѣнія другихъ,—именно онъ считаетъ эти мнѣнія не истинными или сомнительными потому, что они не соотвѣтствуютъ тѣмъ признакамъ знанія, которые онъ признаетъ необходимыми признаками истины. Слѣдовательно, есть какіе нибудь всеобщіе и необходимые *признаки* истины, которыхъ въ сущности не можетъ опровергнуть и самый скептикъ, отрицающій повидимому истину. Если-же есть признаки истины, то по нимъ можно угадать и существо самой истины, не смущаясь трудностью отвѣта на вопросъ нами выставленный: что такое истина? Какіе-же это признаки?

Первый, самый ясный, непосредственно представляющійся признаковъ истины есть *дѣйствительность*. Истинно то, что

дѣйствительно существуетъ. Вымыслы, напр., фантазіи, ложные факты и т. п., — все это не истина, потому что предметы создаваемые нашимъ воображеніемъ, или введеннымъ въ заблужденіе разсудкомъ, только представляются или кажутся намъ сущими, а не реально существуютъ. Не только въ обыкновенной жизни, но и въ сферѣ научнаго познанія нѣкоторые такъ высоко ставятъ опредѣленіе истины, какъ дѣйствительности, что считаютъ послѣднюю самымъ критеріемъ истины. Поэтому и наука должна заниматься только тѣмъ, что дѣйствительно существуетъ, показывая что и какъ существуетъ. Всякая теорія, какъ скоро она выходитъ изъ границъ области реальнаго, какъ скоро занимается понятіями отвлеченными, должна быть отвергнута, какъ нѣчто относящееся къ области мечтаній и пустыхъ умствованій, лишенныхъ характера истины.

Что дѣйствительность есть существенный признакъ истины, это вполне вѣрно. Но что мы должны понимать подъ именемъ дѣйствительности, этотъ вопросъ еще требуетъ разъясненія, потому что, при болѣе внимательномъ взглядѣ на дѣло, оказывается, что общее опредѣленіе истины, какъ дѣйствительности, не такъ удовлетворительно для мышленія, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, благодаря его кажущейся простотѣ и ясности. Такое опредѣленіе на самомъ дѣлѣ и неопредѣленно и односторонне. Оно неопредѣленно, потому что такъ называемыя неистинныя или обманчивыя явленія все-же сами по себѣ составляютъ явленія дѣйствительныя и, какъ таковыми, ими имѣютъ право заниматься наука, которой цѣль изслѣдованіе истины. Напр. ложныя теоріи, произведенія поэзіи, даже простыя созданія воображенія, самыя галлюцинаціи и пр., имѣютъ свои причины, свои законы, которые и изучаются наукою. Эти явленія также дѣйствительны, также въ своемъ родѣ суть, какъ и всякія другія явленія. Значитъ, ихъ неистинность не есть тоже, что недѣйствительность; они неистинны не потому что не дѣйствительны, а потому что къ нимъ иначе отнесется наше сознаніе, чѣмъ къ другимъ явленіямъ; они неистинны потому, что мы, на основаніи законовъ познанія, почитаемъ ихъ неистинными. Всякое явленіе само по себѣ дѣйствительно; не дѣйствительно, въ смыслѣ неистинно, можетъ быть только на-

ше представленіе, или наша мысль о немъ. Это уже показываетъ, что дѣйствительность и истина понятія вовсе не тождественныя. Формула: истина есть дѣйствительность,—равнозначительна формулѣ: все, что ни существуетъ, истинно; но такое понятіе объ истинѣ было-бы очевидно неистиннымъ. Потому признавая дѣйствительность признакомъ истины, мы должны-бы точнѣе опредѣлить,—какого именно рода дѣйствительность прилична истинѣ.

Но опредѣляя безусловно истину дѣйствительностію, мы не только, какъ сказали, даемъ о ней понятіе неопредѣленное, но и одностороннее, потому и невѣрное. Дѣйствительно, не только не все то, что реально существуетъ, потому и истинно, но и наоборотъ, не все истинное реально существуетъ въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимаютъ, что либо дѣйствительно существующимъ. Первое очевидно; въ мірѣ умственномъ реально существуютъ тысячи ложныхъ мнѣній, предразсудковъ, которые хотя и имѣютъ вліяніе на жизнь, но тѣмъ не менѣе неистинны; въ жизни общественной мы встрѣчаемъ много учреждений, обычаевъ, правилъ, о которыхъ говоримъ, что они не истинны. И наоборотъ;—всматриваясь ближе въ то, что мы называемъ истиннымъ, замѣчаемъ, что часто приписываемъ этотъ признакъ предметамъ, фактамъ, понятіямъ, требованіямъ, которые эмпирически, реально не существуютъ. Такъ напримѣръ, въ наукѣ мы встрѣчаемъ цѣлую область познаній, въ истинѣ которыхъ не сомнѣваемся, но которыя не выражаютъ собою никакихъ реальныхъ объектовъ и суть просто созданія мысли,—мы разумѣемъ математику. Что истиннѣе и достовѣрнѣе построеній и вычисленій математическихъ? А между тѣмъ въ природѣ можетъ ничего не соответствовать этимъ построеніямъ и тѣмъ рядамъ цифръ, надъ которыми оперируетъ математика. Тоже и въ жизни; бываютъ вполне истинныя и справедливыя требованія, которыя не выполняются; истинныя мысли и идеи, которыя не находятъ себѣ реального осуществленія; мы часто говоримъ: эта мысль, этотъ планъ, проектъ вѣрны, истинны, но не осуществимы. Еще болѣе,—можетъ быть истина въ совершенно неистинныхъ формахъ и представленіяхъ; таковы, напримѣръ, изящныя и поэтическія

произведенія, гдѣ вымышленные фантазіею образы выражаютъ глубокія идеи, внутреннюю истину.

Все это показываетъ, что дѣйствительность есть одностороннее опредѣленіе истины. Поэтому и наука, занимаясь дѣйствительностью только (принимая это слово въ непосредственномъ эмпирическомъ его значеніи), занималась бы одною лишь стороною истины. Эта сторона и составляетъ содержаніе наукъ эмпирическихъ; но было бы очевидно несправедливо ограничивать область познанія кругомъ только этого рода наукъ, именно по тому самому, что дѣйствительностью не исчерпывается истина; хотя дѣйствительность и можетъ быть признакомъ истины, но не единственнымъ, такъ какъ истина и дѣйствительность не есть вполнѣ одно и то же.

Мы замѣтили, что сами по себѣ предметы могутъ быть названы только дѣйствительными; истинными, или неистинными могутъ быть лишь наши мысли о нихъ. Это повидимому переноситъ царство истины изъ области дѣйствительнаго бытія въ область нашего ума и даетъ ей чисто субъективное значеніе. На такомъ пониманіи истины основывается второе опредѣленіе ея: истина есть согласіе предметовъ съ нашими понятіями о нихъ. Мы говоримъ, напримѣръ, это истинно добрый человѣкъ; это истинно полезное предпріятіе; это истинное событіе. Очевидно мы говоримъ это потому, что дѣйствительныя явленія здѣсь соотвѣтствуютъ тѣмъ понятіямъ, какія мы составили о добрѣ, о пользѣ, объ условіяхъ достовѣрности событія. Здѣсь истина представляется чѣмъ-то исключительно принадлежащимъ нашему только мышленію. О предметахъ самихъ по себѣ можно сказать только то, что они существуютъ; характеръ же истины или не истины они получаютъ отъ насъ; критеріемъ истины является самъ человѣкъ.

Такое понятіе объ истинѣ, конечно шире, чѣмъ предыдущее; подъ него подходятъ и такія истины, напримѣръ, математическія, эстетическія, которымъ мы не найдемъ мѣста въ царствѣ истины, если будемъ опредѣлять ее дѣйствительностью. Но не смотря на это и оно также неопредѣленно и односторонне, какъ и первое. Оно неопредѣленно. У насъ очевидно могутъ

быть понятія истинныя и ложныя; поэтому понятно, что не одно только соотвѣтствіе предмета съ понятіемъ о немъ можетъ быть названо истиною, но только соотвѣтствіе предмета съ истиннымъ понятіемъ о немъ. Но чѣмъ же теперь опредѣляется истина нашего понятія? Почему мы должны признать такое-то понятіе истиннымъ, а другое нѣтъ? Само понятіе, какъ понятіе не даетъ намъ отвѣта на этотъ вопросъ. Для своего оправданія оно требуетъ какого либо внѣшняго ручательства; понятіе, чтобы быть вѣрнымъ судьей истины, само еще требуетъ посторонняго судью, который сказалъ бы, — истинно-ли само оно. Гдѣ-же этотъ судья? Истинное понятіе, обыкновенно говорятъ, есть то, которое соотвѣтствуетъ предмету; и такъ предметъ дѣлается судьей понятія. Но кто не замѣтитъ круга и несообразности въ подобномъ опредѣленіи отношенія понятія къ истинѣ? Истина есть соотвѣтствіе предмета нашему (разумѣется истинному) понятію о немъ, а истинное понятіе есть то, которое соотвѣтствуетъ предмету. Гдѣ же теперь критерій истины: въ предметѣ, или въ понятіи?

Мы уже сказали, что онъ не можетъ заключаться только въ предметѣ (или дѣйствительности); но онъ не можетъ также заключаться и въ одномъ понятіи; поэтому представленное нами сейчасъ второе опредѣленіе истины мы называемъ, какъ и первое, не только неопредѣленнымъ, но и одностороннимъ. Дѣйствительно, внутренняя вѣрность понятія, какъ понятія, самому себѣ, — иначе сказать, вѣрность мышленія своимъ законамъ и формамъ не есть еще ручательство истины его понятій, хотя и составляетъ одно изъ существенныхъ ея условій. Логика говоритъ намъ, что формальная только истина мышленія, внутренняя его законосообразность, не можетъ служить полною гарантіею истины; логически мы можемъ составлять и ложныя понятія, какъ скоро данный матеріалъ для нихъ не истиненъ.

Все это показываетъ, что въ однихъ формальныхъ субъективныхъ законахъ нашего познанія мы не можемъ еще найти полной истины. Поэтому и та область знанія, которая занимается раскрытіемъ этихъ законовъ, хотя изслѣдуетъ одну изъ сторонъ истины, но не обнимаетъ и не исчерпываетъ ее во всей глубинѣ ея содержанія. Къ этой области познанія могутъ быть

отнесены формальная логика и математика. Та и другая занимаются опредѣленіемъ и выводеніемъ независящихъ отъ эмпирической дѣйствительности законовъ и формъ нашего познанія. Различіе между ними лишь въ томъ, что одна изучаетъ данныя а priori формальные законы и нормы природы мыслящей, другая физической; математика есть не что иное, какъ логика природы. Будучи науками чисто раціональными, онѣ ищутъ опредѣленій истины не въ наличной дѣйствительности, какъ науки эмпирическія, но въ самомъ разумѣ, въ его понятіяхъ. Но составляя въ этомъ отношеніи противоположность наукамъ эмпирическимъ, онѣ, тѣмъ не менѣе, по односторонности своего принципа, также какъ и послѣднія, не выражаютъ собою полной идеи истины и заставляютъ поэтому насъ искать новаго, высшаго опредѣленія ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новой, высшей области познанія.

Если, какъ мы сказали, согласіе предмета съ нашимъ понятіемъ о немъ не есть еще безусловный признакъ истины, и потому критерія истины мы должны искать не въ одномъ только понятіи, но и внѣ его, то очевидно мы должны обратиться опять къ самому предмету и посмотрѣть, не можемъ ли въ немъ самомъ найти той реальной истины, которая условливала бы истину какъ его самого, такъ и понятія о немъ. Нѣтъ ли въ немъ самомъ такого признака, который бы дѣлалъ предметъ не только дѣйствительнымъ, но и истиннымъ? Если такой признакъ найдется, то согласіе съ нимъ эмпирической дѣйствительности придастъ ей характеръ истины, которая въ свою очередь можетъ служить и критеріемъ истины понятія. Поэтому, если мы назвали невѣрною формулу: истина есть согласіе предмета съ нашимъ понятіемъ о немъ, то не болѣе ли будетъ вѣрна другая, повидимому, единственно возможная формула: истина есть согласіе предмета съ самимъ собою?

Истина есть согласіе предмета съ самимъ собою; такое положеніе на первый взглядъ можетъ показаться очень страннымъ, парадоксальнымъ. Какъ можетъ что нибудь согласоваться съ самимъ собою? Не предполагаетъ ли каждое согласіе двухъ, различныхъ другъ отъ друга, согласующихся предметовъ?

Конечно вполне вѣрно, что каждое согласіе требуетъ различій. Но нѣтъ никакой необходимости, чтобы эти различія выступали въ видѣ двухъ противуположающихся, другъ другу внѣшнихъ объектовъ. Если мы найдемъ въ какомъ либо предметѣ двѣ различныя стороны, если эти стороны, хотя существенно соединены между собою для образованія полнаго, цѣлаго предмета, но въ то же время представляютъ и характеристическія отличія, то мы будемъ имѣть право спрашивать о согласіи этихъ сторонъ, о согласіи предмета съ самимъ собою и не выходя за границы этого предмета.

Итакъ теперь вопросъ въ томъ: есть ли въ предметахъ эти различныя стороны, согласіе которыхъ могло бы оправдать выставленную нами формулу: истина есть согласіе предмета съ самимъ собою?

Внимательное наблюденіе надъ дѣйствительностію, даетъ намъ на этотъ вопросъ положительный отвѣтъ. Мы обыкновенно различаемъ въ предметахъ то, что должно быть, и то, что есть дѣйствительно, идеальную и феноменальную, или эмпирическую стороны и согласіе, или совпаденіе той и другой стороны; когда предметъ именно таковъ, какимъ онъ долженъ быть называемъ истиною въ высшемъ смыслѣ слова. Такъ когда мы говоримъ: это истинный человѣкъ, то разумѣемъ человѣка какимъ онъ долженъ быть, человѣка, который вполне соответствуетъ своему назначенію. Это истинно доброе дѣло, т. е. дѣло которое вполне выражаетъ идею добра въ его конкретномъ осуществленіи. Ту же самую двойственность сторонъ въ предметахъ, согласіе которыхъ обуславливаетъ ихъ истину мы находимъ и въ области природы внѣшней. Такъ напр., известное растеніе или животное, если оно осуществляетъ собою типъ даннаго растенія или животнаго, есть истинно или дѣйствительно то, а не другое растеніе или животное, есть именно то, чѣмъ быть оно должно. Но если какія нибудь случайныя обстоятельства сдѣлали его несоответствующимъ своей нормѣ или типу, то выходитъ существо неистинное въ своемъ родѣ; оно составляетъ аномалію, уродство.

Итакъ, мы нашли возможность новаго, болѣе полнаго и всесторонняго опредѣленія истины: истина есть согласіе идеаль-

пой и феноменальной сторонѣ предмета, совпаденіе того, чѣмъ долженъ быть предметъ съ тѣмъ, чѣмъ онъ есть или бываетъ. По отношенію къ каждому отдѣльному предмету, первую сторону мы назовемъ вообще *идеєю* его, вторую — *явленіемъ*, а согласіе въ немъ идеи съ явленіемъ, ея объективною истиною, или истиннымъ его бытіемъ. Такое опредѣленіе истины мы вправѣ назвать болѣе полнымъ и всестороннимъ, чѣмъ предыдущія, въ которыхъ истина опредѣлялась то какъ дѣйствительность, то какъ понятіе о дѣйствительности, присущее нашему уму. Дѣйствительность, какъ мы видѣли, говоритъ только о существованіи предмета, а не объ его истинѣ или неистинѣ; наше понятіе, само по себѣ, можетъ говорить только о своей формальной законсообразности, какъ понятія (субъективная истина), но не о реальной истинѣ внѣ нашего мыслящаго духа. Объективная истина, какъ таковая, истинная, а не эмпирическая дѣйствительность, могущая быть содержаніемъ реально, а не субъективно только истиннаго понятія, какъ мы сказали, необходимо предполагаетъ существованіе въ предметѣ двухъ сторонъ: идеальной и феноменальной и согласіе ихъ между собою.

Но если теперь, знаніе, наука должна быть точнымъ отображеніемъ истины бытія въ нашемъ мыслящемъ сознаніи, то она очевидно должна отображать эту истину во всей ея полнотѣ и со всѣхъ сторонъ. Поэтому, какъ скоро мы указали новую сторону въ понятіи истины, — сторону идеальную, то вмѣстѣ съ тѣмъ признали и законность и необходимость новой области познанія, выражающей эту сторону истины. Такое познаніе идеальной стороны предметовъ и отношенія ея къ эмпирической дѣйствительности и къ субъективнымъ законамъ и формамъ нашего познанія, должно составлять естественное, необходимое дополненіе двухъ указанныхъ нами областей познанія. Безъ такого дополненія истина, которая составляетъ предметъ науки вообще, лишилась бы одного изъ существенныхъ и самыхъ важныхъ своихъ опредѣленій; потому что хотя и есть истина въ явленіяхъ эмпирической дѣйствительности и въ формальныхъ понятіяхъ нашего разсудка, но въ томъ и другомъ случаѣ мы не находимъ еще полной истины. Вотъ почему и тѣ знанія, которыя занимаютъ изученіемъ дѣйствительности,

только какъ дѣйствительности (науки опытныя и эмпирическія), также не могутъ окончательно удовлетворить ума, стремящагося къ истинѣ, какъ и тѣ знанія, которыя, отрѣшаясь отъ дѣйствительности, занимаются формами познанія и понятіями, данными въ разсудкѣ (формальная логика и математика). Эти знанія предполагаютъ новое, высшее познаніе, которое обняло бы истину въ большей широтѣ и глубинѣ, чѣмъ сколько могутъ сдѣлать указанныя науки. Такого рода познаніе и есть познаніе философское и науку, въ которой оно выражается, мы называемъ философіею. Такъ какъ высшее опредѣленіе истины мы формулировали какъ согласіе идеи съ дѣйствительностію, то и философію, научно выражающую этотъ моментъ истины, мы въ самомъ общемъ смыслѣ можемъ опредѣлить, какъ науку объ идеяхъ.

В. Нудрявцевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОБЫЧНЫХЪ ВЗГЛЯДОВЪ И СУЖДЕНІЙ О РАЗЛИЧНЫХЪ ВИДАХЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И НАЧАЛАХЪ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА.

Каждому приходится встрѣчаться постоянно съ различными взглядами, сужденіями и мнѣніями о предметахъ общеизвѣстныхъ и всѣмъ близкихъ, каковы напр. наука, искусство, религія, общественная дѣятельность въ различныхъ ея видахъ, само общество, и жизнь общественная и т. д. При этомъ болшею частію почти всегда, къ мнѣніямъ, взглядамъ и сужденіямъ, обращающимся въ обществѣ, относимся мы *субъективно*, т. е. соглашаемся или несоглашаемся съ ними, сочувствуемъ имъ или не сочувствуемъ. Но возможно, даже необходимо, и другое отношеніе къ нимъ, — *отношеніе объективное*, т. е. обращеніе ихъ въ предметъ изученія и изслѣдованія. Выгода такого отношенія (объективнаго) къ общепринятымъ мнѣніямъ та, что наше сочувствіе или несочувствіе имъ, признаніе или непризнаніе ихъ будутъ не безотчетны, но твердо обоснованы, и тѣмъ тверже, чѣмъ яснѣе мы будемъ видѣть тотъ источникъ, откуда беретъ свое начало самый строй мысли, выразившійся въ извѣстномъ мнѣніи, въ томъ или другомъ представленіи, взглядѣ. Конечно не каждому досугъ заниматься такимъ дѣломъ; нуженъ притомъ же и нѣкоторый навыкъ для подобнаго, какъ и для всякаго, занятія. Человѣкъ, не избравшій своею нарочитою цѣлью работу мысли, когда встрѣчается съ новымъ для него взглядомъ на предметъ, не безразличный, но имѣющій большую для него важность, то прежде всего живѣйшимъ образомъ чувствуетъ одно: либо согласіе либо несогласіе этого взгляда со всѣмъ строемъ его мыслей, привычекъ, стремленій, и достаточно уже этого одного, — т. е. чувства согласія или несогласія,

чтобы такой человекъ могъ сразу рѣшить какъ ему относиться къ новому для него взгляду, признавать ли его, или же отвергать. Тѣ же взгляды, которые мы преимущественно имѣемъ теперь въ виду, большею частію таковы, что прежде даже, чѣмъ въ состояніи дать себѣ отчетъ въ истинѣ ихъ и значеніи, мы уже съ ними сживаемся,—и дѣлаются они для насъ, такъ сказать, привычною формою мышленія; а все привычное для насъ, именно въ силу привычки, кажется понятнымъ и не требующимъ объясненія. Конечно, если это мысли, идеи испытанныя вѣками; если истинность идей, сдѣлавшихся для насъ привычными, общепризнана, а въ особенности если признана такими мужами, по слѣдамъ которыхъ идти составляетъ высшее достоинство и заслугу, то нѣтъ большой бѣды въ томъ,—можемъ ли мы, или не можемъ, дать себѣ отчетъ, по возможности полный, относительно истинности и вообще значенія таковыхъ идей. Но подобно тому какъ на рынкѣ, наряду съ доброкачественнымъ товаромъ, свободно обращается и находитъ сбытъ и товаръ нигуда негодный, также точно въ средѣ общественной жизни, въ различныхъ ея сферахъ, обращаются всякаго рода мнѣнія и воззрѣнія по вопросамъ, всѣхъ интересующимъ,—и достойныя уваженія и признанія, и недостойныя, и имѣющія цѣнность дѣйствительную, и имѣющія цѣнность мнимую. Товаръ обращающійся на рынкѣ можно распредѣлить по категоріямъ, и для каждой категоріи найдутся особые эксперты-оцѣнщики, которые приблизительно вѣрно могутъ оцѣнить предложенный для покупки товаръ; можно также и умственный грузъ которымъ каждый запасается въ жизни, распредѣлить въ нѣкоторой мѣрѣ по категоріямъ, и также найдутся эксперты по каждой категоріи, но есть такіе продукты мысли, и можетъ быть наиболѣе цѣнные, по крайней мѣрѣ заслуживающіе наибольшаго вниманія, которые не могутъ быть отнесены ни къ одной принятой категоріи,—потому именно, что относятся не къ одной, а ко всѣмъ, или по крайней мѣрѣ ко многимъ. И благодаря тому, что есть продукты умственного труда, которыхъ нельзя приурочить къ одной какой либо изъ установленныхъ категорій, каждый готовъ, въ отношеніи къ этого рода продуктамъ, выступать въ роли оцѣнщика и знатока, не замѣчая того

что, привыкнуши имѣть дѣло лишь съ предметами одной категоріи, по необходимости онъ будетъ пользоваться непримѣнимою къ такимъ продуктамъ, но для него привычною, мѣркой этой именно категоріи.

Выше сказано, что большею частію не даютъ себѣ труда слишкомъ вдаваться въ разборъ представляющихся мнѣній, а вмѣсто того ограничиваются просто признаніемъ ихъ, либо отрицаніемъ, по субъективному сочувствію или несочувствію. Теперь же выходитъ, повидимому, что каждый готовъ заняться разборомъ на свой ладъ любого мнѣнія, коль скоро разумѣется находить для себя въ томъ какой либо интересъ. Но и прежде, говоря, что большинство довольствуются заявленіемъ своего сочувствія или несочувствія, когда дѣло идетъ о какомъ либо взглядѣ, сужденіи, предположеніи по предмету ни для кого не чуждому, мы не то имѣли въ виду выразить, что недостаточно люди разсуждаютъ, или что мало имѣютъ склонности къ такому занятію, а лишь то, что обычныя разсужденія, которыя и распложаютъ ходячія мнѣнія и сужденія, обыкновенно отличаются случайнымъ характеромъ, выражающимъ лишь субъективную игру впечатлѣній, склонностей, пристрастій, или даже прямо страстей. Дѣло въ томъ, что какъ и всякое занятіе высшаго порядка, — работа мысли, или то, что на философскомъ языкѣ называются *мысленіемъ*, есть особаго рода искусство, овладѣть которымъ невозможно безъ нарочитаго и продолжительнаго труда и безъ усвоенія относящейся къ этому искусству теоріи. Задача и сущность этого искусства заключается въ томъ, чтобы обсуждать данный вопросъ или извѣстное явленіе въ жизни не какъ нибудь, не произвольно, а систематически, т. е. по извѣстному плану, причемъ и самый этотъ планъ долженъ быть не измысленъ произвольно, иначе это было бы доктринерствомъ, а извлеченъ, разумѣется, при посредствѣ мысли, такъ сказать, изъ природы самаго предмета, подлежащаго разсмотрѣнію. Къ сожалѣнію всегда существовало и теперь существуетъ, — даже больше теперь чѣмъ когда либо, — недоувѣріе къ искусству мысли, о которомъ говоримъ. И почему? Потому что искусство это требуетъ всегда нѣкотораго отдаленія мысли отъ предмета, о которомъ мы хотимъ знать во что-

бы то ни стало и какъ можно скорѣе, какъ и что объ немъ слѣдуетъ думать. Долго думать некогда и, при томъ же, утомительно, а между тѣмъ, для составленія вѣрнаго взгляда на предметъ, насъ приглашаютъ начать дѣло издалека, вводятъ насъ въ заоблачныя, говоря ходячимъ языкомъ, сферы и отсюда принуждаютъ насъ подвигаться къ цѣли медленно, шагъ за шагомъ. Отсюда обычные возгласы противъ отвлеченностей, абстракцій; и до того они запугиваютъ мысль, что въ самомъ дѣлѣ является боязнь сколько нибудь отрѣшиться отъ почвы обычныхъ случайныхъ разсужденій и размыслить о принципахъ, о различныхъ сторонахъ дѣйствительности, такъ или иначе отражающихся въ этой пестрой игрѣ мнѣній, которая всѣмъ мечется въ глаза. Поражающая на первый взглядъ пестрота и разноголосица мнѣній есть именно послѣдствіе случайнаго ихъ характера. А въ чемъ состоитъ этотъ случайный характеръ мнѣній? Въ томъ, что мы пользуемся усвоенными, такъ или иначе, понятіями отрывочно, т. е. лишь въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ и указаніямъ нашего ограниченнаго жизненнаго опыта, и въ такомъ употребленіи усвоенныхъ понятій заключается для насъ весь ихъ смыслъ и значеніе. Усвоенныя нами понятія и взгляды, благодаря именно привычкѣ къ нимъ, получаютъ для насъ значеніе какъ бы категорій, подъ которыя мы и подводимъ обсуждаемые нами факты и явленія жизненнаго опыта; но притомъ и самыя эти понятія, сдѣлавшіяся для насъ какъ бы прирожденными формами мысли, получаютъ различный характеръ, измѣняютъ свой смыслъ и значеніе смотря по тому, къ чему мы ихъ прилагаемъ. Для каждаго смыслъ общеупотребительныхъ понятій опредѣляется особеннымъ образомъ, въ зависимости отъ болѣе или менѣе случайнаго личнаго опыта. Что надр. одинъ считаетъ жестокостію, въ томъ другой видитъ лишь справедливость; что для одного есть свобода, то самое другой признаетъ распущенностію и своеволіемъ; одни считаютъ гуманностію то, въ чемъ другіе видятъ лишь безнаказанность; справедливое и самое цѣлесообразное требованіе иному кажется невыносимымъ формализмомъ. Что одни прославляютъ какъ великое благо, то самое другіе порицаютъ и охуждаютъ какъ зло, какъ величайшее бѣдствіе; такъ твер-

дая, непреклонная и послѣдовательная власть кажется инымъ деспотизмомъ, угнетеніемъ и даже подавленіемъ свободы, другіе же видятъ въ ней спасительное обезпеченіе свободы. Говорятъ о просвѣщеніи люди самыхъ противоположныхъ, рѣшительно расходящихся воззрѣній, а потому въ чемъ одни видятъ и привѣтствуютъ успѣхъ просвѣщенія, его торжество, то самое другіе готовы обозвать обскурантизмомъ; прогрессъ и регрессъ, застой и неподвижность, мракъ и свѣтъ, свобода и рабство, деспотизмъ и гуманность—все это знакомые всякому термины, но употребляются они въ столь различномъ значеніи, и примѣняются такъ неодинаково, что одно и то же на взглядъ однихъ означаетъ напр. прогрессъ, для другихъ же застой или даже регрессъ,—попятное движеніе; для иныхъ мыслителей и реакція, сама по себѣ, не зависимо отъ качественного ея опредѣленія, есть уже зло. Поэтому нерѣдко употребляется въ связи съ словомъ *реакція* эпитетъ *эпійшая*, такъ какъ-бы движеніе назадъ было безусловно пагубнымъ, въ чемъ бы оно ни состояло, и какую бы цѣль ни имѣло. Такъ какъ личный опытъ каждаго имѣетъ болѣе или менѣе случайный характеръ, то не мало есть такихъ представленій, присловій, взглядовъ, происхожденіе которыхъ случайно. Но мы имѣемъ въ виду понятія и взгляды не случайныя, а необходимыя; пусть будутъ даже эти понятія тѣ же самыя, которыя названы сейчасъ случайными,—но только освобожденные отъ случайнаго ихъ характера, т. е. возведенныя къ первоначальному, основному и существенному ихъ смыслу. Понятія, имѣющія случайное происхожденіе, могутъ быть разъяснены и оцѣнены по достоинству просто чрезъ указаніе случайныхъ поводовъ, при которыхъ такія понятія возникли. Истинное же значеніе понятій необходимыхъ откроется, когда будетъ извѣстно, т. е. сдѣлается яснымъ, что, означаетъ каждое изъ нихъ само по себѣ, *независимо отъ разнообразнаго примѣненія его въ отдѣльныхъ случаяхъ*. Это однако не значить, что можно разсматривать какое бы то ни было понятіе совершенно отдѣльно. Можно и даже необходимо согласиться не только съ тѣмъ, что всѣ понятія, какія только мы мыслимъ, имѣютъ, и могутъ имѣть значеніе только относительное;—но слѣдуетъ еще различать *необходи-*

мыя отношенія даннаго понятія къ другимъ отъ случайныхъ отношеній къ отдѣльнымъ обстоятельствамъ, частнымъ явленіямъ, къ которымъ оно прилагается. и получаетъ при этомъ такое или иное случайное значеніе. Такимъ образомъ, сверхъ случайнаго значенія общеупотребительныхъ понятій, зависящаго отъ ихъ употребленія, слѣдуетъ различать еще значеніе необходимое, которое получается при систематическомъ разсмотрѣніи ихъ, когда они поставляются въ связь съ другими, имѣющими къ нимъ отношеніе понятіями. Если напр. захочетъ кто опредѣлить состояніе просвѣщенія въ Россіи, то можно взять за основаніе сужденій по этому предмету сравненіе существующаго у насъ состоянія просвѣщенія либо съ одновременнымъ ему состояніемъ просвѣщенія у другихъ народовъ европейскихъ, либо сравненіе его съ состояніемъ просвѣщенія въ самой же Россіи, но въ прежнія времена. При этомъ получаются конечно далеко не одинаковыя сужденія о томъ же предметѣ. Можно предположить, что какъ вообще просвѣщеніе у западныхъ народовъ стоитъ выше чѣмъ у насъ, то при сравненіи отечественнаго просвѣщенія съ иностраннымъ въ результатѣ долженъ оказаться пессимистическій взглядъ на первое; когда же сравнивается теперешнее состояніе просвѣщенія съ состояніемъ его въ прежнія времена у насъ, а не у другихъ народовъ, то, какъ успѣхи при этомъ становятся очевидными, таже самая картина отечественнаго просвѣщенія должна представиться утѣшительною. Такъ казалось бы должно быть. Однако-же мы знаемъ, что напр. славянофилы и западники, одинаково пользуясь сравненіемъ нашего отечества съ западными государствами, по состоянію просвѣщенія тамъ и здѣсь, особенно же при сравненіи настоящаго состоянія просвѣщенія съ состояніемъ его у насъ въ прежнія времена, приходили къ заключеніямъ далеко несходнымъ. Очевидно какъ важно самое понятіе о просвѣщеніи, которое при этомъ принимается въ руководство, т. е. полагается въ основу самаго сравненія. Если-же, при употребленіи тѣхъ-же способовъ рѣшенія вопроса,—самое рѣшеніе можетъ быть различно лишь въ зависимости отъ понятія, которое при этомъ принимается въ руководство, то ясно что тоже повидимому понятіе, хотя

относится къ тому-же предмету, можетъ имѣть различный смыслъ. Но отъ чего-же и происходитъ это какъ не отъ того, что тоже самое понятіе берется въ различныхъ отношеніяхъ, а потому важно для насъ знать, — каковы эти отношенія: случайныя ли это отношенія, или необходимыя? Важны конечно въ опредѣленіи смысла понятія только необходимыя, а не случайныя его отношенія. Такъ просвѣщеніе, какъ-бы ни было оно понимаемо, означаетъ вообще желательное состояніе отдѣльнаго лица, либо всего общества и цѣлаго народа, — въ различныхъ отношеніяхъ: въ умственномъ, нравственномъ, религіозномъ, бытовомъ. Но чтобы избѣгнуть произвола въ желаніяхъ, при начертаніи идеальнаго состоянія просвѣщенія, и слѣдоват., чтобы наши представленія о просвѣщеніи не имѣли случайнаго характера, должно быть опредѣлено на основаніяхъ необходимыхъ, — что именно желательно и нежелательно. Основанія же эти, какъ само собою понятно, заключаются прежде всего въ необходимыхъ свойствахъ, законахъ и отношеніяхъ человѣческой природы, а затѣмъ также въ условіяхъ историческаго существованія народовъ.

Но въ самомъ опредѣленіи этихъ свойствъ, законовъ и отношеній человѣческой природы развѣ не можетъ быть произвола? Ни въ какой иной сферѣ, какъ именно въ области вопросовъ антропологическихъ и психологическихъ нѣтъ такого широкаго простора для всякихъ произвольныхъ догадокъ, предположеній и цѣлыхъ теорій построенныхъ на пескѣ. Произвола тѣмъ болѣе трудно избѣжать здѣсь, что различныя теоріи, относящіяся къ означеннымъ вопросамъ, имѣютъ ближайшую связь съ важнѣйшими жизненными интересами, и слѣдоват. едва ли возможно здѣсь уберечься отъ вліянія личныхъ симпатій и антипатій, придающихъ нашимъ мнѣніямъ и взглядамъ характеръ болѣе или менѣе случайный. Но къ чему гадательныя теоріи, гипотезы, коль скоро мы можемъ опереться въ критическомъ обсужденіи мнѣній, на разсмотрѣніи такихъ отношеній, свойствъ и проявленій жизни, которыя у всѣхъ на глазахъ, — и при этомъ съ такою неизмѣнною правильностію какъ прежде повторялись, такъ и теперь всюду воспроизводятся; что относительно ихъ всеобщаго и необходимаго значенія сомнѣніе не-

возможно. А кромѣ того слѣдуетъ постоянно принимать вниманіе такія необходимыя опредѣленія мысли человѣческой, которыя присущи сознанію каждаго и только лишь требуютъ разъясненія, чтобы во всей силѣ обнаружилась свойственная имъ убѣдительность.

Все живое растетъ. И человѣкъ возрастаетъ какъ по тѣлу, такъ и по душѣ. Но возрастаніе духовной жизни, въ отличіе отъ физическаго, не ограничивается индивидуальными силами человѣка, а простирается на цѣлое общество, и переходитъ при томъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ одного народа передается другимъ, такъ что не только одновременно, но и преемственно простирается на множество индивидовъ и обнимаетъ собою неограниченное число родовъ, вслѣдствіе чего устанавливается мало по малу единство общей жизни въ цѣломъ народѣ и даже, можно сказать, въ цѣломъ человѣчествѣ. Весь циклъ физическаго развитія проходитъ каждый индивидумъ въ отдѣльности, хотя бы и одновременно съ другими; духовное же развитіе совершается въ цѣлой огромной совокупности лицъ, изъ которыхъ каждое живетъ болѣе или менѣе общою съ другими жизнію, и находится, такимъ образомъ, въ извѣстной, общей для всѣхъ, не по случайному совпаденію во времени, а по единству жизни,—стадіи развитія; иначе выраженія: *духъ времени*, *духъ народа* не имѣли бы никакого значенія. И при этомъ еще, какъ сказано, одинъ и тотъ же процессъ возрастанія простирается на множество преемственно слѣдующихъ поколѣній, такъ что ростъ духовной жизни должно считать вѣками, а не годами: если только развитіе совершается правильно, безъ перерывовъ и потрясеній, при условіяхъ благопріятныхъ, то каждое послѣдующее поколѣніе, по крайней мѣрѣ, до извѣстной поры, является продолжателемъ того, что достигнуто въ прежнее время, а не просто повторяетъ и воспроизводитъ одинъ и тотъ же процессъ; въ исторіи, какъ извѣстно, ничто не повторяется съ совершенною точностію. Въ природѣ физической, напротивъ, съ періодическою правильностію повторяются однѣ и тѣ же перемѣны, и потому природа физическая не имѣетъ исторіи въ собственномъ смыслѣ. Если на пространствѣ огромныхъ геологическихъ періодовъ времени,

предполагаемыхъ по нѣкоторымъ даннымъ въ пластахъ земли, а равно и на основаніи образованія самыхъ этихъ пластовъ, и можно находить послѣдовательный рядъ переменъ, представляющихъ какъ бы исторію земли, то переменны эти связываются внѣшнимъ образомъ; дѣйствительная же исторія имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ переменны, послѣдовательно происходящія, состоятъ въ органической связи между собою, т.-е. связываются внутреннимъ образомъ единствомъ проявляемой ими жизни. При такой широтѣ духовнаго роста, обнимающаго собою самыя отдаленныя времена и все болѣе расширяющагося по объему, — натурально, что различныя проявленія и формы этого возрастанія отличаются сложностію и разнообразіемъ, трудно поддающимся анализу; а усложненіе формъ и расширеніе объема духовныхъ проявленій ведетъ къ тому, что различные пути и сферы дѣятельности все болѣе обособляются и разрастаются до того, что едва не теряется всякая между ними связь. Отъ того великую неопредѣленную важность имѣетъ все способствующее къ установленію и укрѣпленію жизненнаго единства, духа общенія, при увеличивающейся склонности во всѣхъ сферахъ къ наибольшему обособленію и раздѣленію. Потребность единства, общенія, впрочемъ чувствуется болѣе или менѣе всѣми, — и тѣмъ съ большею силою, чѣмъ далѣе идетъ раздѣленіе. Это фактъ неоспоримый, — но чѣмъ его объяснить? Ничѣмъ инымъ какъ только тѣмъ, что, какія бы переменны и сколько бы ихъ ни происходило въ исторіи, основныя черты, — важнѣйшія свойства и проявленія духа человѣческаго всегда остаются неизмѣнными, а потому и должны быть необходимо присущи во всѣхъ перипетіяхъ историческаго развитія. И самое развитіе есть вѣдь ничто иное какъ постепенное обнаруженіе *разнообразныхъ* проявленій въ *единствѣ* существа, остающагося при этомъ, по основнымъ свойствамъ своимъ, — неизмѣннымъ. Итакъ, хотя въ частности ничто въ исторіи не повторяется, но при томъ чрезъ всю исторію проходятъ, не измѣняясь, однѣ и тѣ же общія черты, характеризующія самое существо духа человѣческаго. Потому и не удивительно, что есть въ самомъ дѣлѣ такія отношенія, свойства и необходимыя проявленія духа человѣческаго, всегда остаю-

ціяся неизмѣнными, въ которыхъ вполне основательно можно усматривать благонадежный критерій для обсужденія и оцѣнки разнаго рода ходячихъ взглядовъ и мнѣній, тѣмъ болѣе, что такъ или иначе отображаются они въ самыхъ этихъ мнѣніяхъ и взглядахъ.

Попробуемъ-же теперь, заручившись этими предварительными замѣчаніями, сдѣлать общій обзоръ различныхъ видовъ общественной дѣятельности въ связи съ различными наиболѣе употребительными мнѣніями и представленіями какъ объ этихъ видахъ дѣятельности, такъ равно и объ основныхъ началахъ общественнаго благоустройства.

I.

О дѣятельности практической и теоретической. — Обзорѣніе различныхъ видовъ практической дѣятельности, именно: промышленной и правительственной, въ связи съ нѣкоторыми замѣчаніями о профессиональномъ образованіи, созданномъ тою и другою дѣятельностію.

Человѣку свойственно быть дѣятельнымъ; трудъ во всѣхъ его видахъ и направленіяхъ составляетъ ближайшее его назначеніе, указываемое самою его природою. Потому-то во всѣ времена дѣятельность признавалась основою и человѣческаго достоинства и вмѣстѣ возможнаго для человѣка счастья, блаженства, слѣд. какъ моральнаго, такъ и матеріальнаго благосостоянія. Если въ древности, у народовъ классическихъ физическій, промышленный трудъ, мало уважался, за то высоко цѣнили всѣ роды дѣятельности духовной, умственной. Простой здравый смыслъ признаетъ яснѣйшимъ выраженіемъ умственнаго превосходства и вообще человѣческаго достоинства—дѣловитость, всякое умѣнье. Человѣкъ разумный, это по общему смыслу прежде всего человѣкъ *дѣльный*, т. е. обладающій искусствомъ наилучшимъ образомъ выполнить известное дѣло, а также способный приспособиться легко къ тому или иному занятію. Вполнѣ согласуется въ этомъ пунктѣ съ указаніями здраваго смысла и философія. Философы признавали всегда дѣятельность столь существенною принадлежностію бытія, что самое бытіе опредѣляли чрезъ дѣятельность, наприм. по опредѣленію *Платона*, которое затѣмъ сдѣлалось общеупо-

требительнымъ въ древней философіи, сущее есть „то что обладаетъ силою дѣйствовать на другое, или-же испытывать дѣйствіе отъ другаго, т. е. необходимый признакъ существованія есть дѣйствіе, либо входящее въ то что существуетъ, либо исходящее изъ него, а *Фихте* старшій даже отождествлялъ бытіе съ дѣятельностію. Существовать въ собств. смыслѣ значитъ быть дѣятельнымъ, ибо существованіе лишенное всякой энергии, т. е. силы проявляемой въ соотвѣтственныхъ дѣйствіяхъ, совершенно ничтожно и равно небытію.

Но слѣдуетъ различать дѣятельность человѣческую двухъ родовъ: *практическую и теоретическую*. Первая по преимуществу есть внѣшняя, ибо направлена къ произведенію извѣстныхъ перемѣнъ въ вещахъ (собственно *культура*) и лицахъ (различныя виды общественнаго управленія—*цивилизациія*); дѣятельность же теоретическая есть по преимуществу внутренняя, ибо состоитъ въ произведеніи перемѣнъ въ состояніи самаго дѣятеля,—главнымъ образомъ умственномъ, а въ зависимости отъ умственнаго и въ нравственномъ, (что называется *просвѣщеніемъ*). Оба эти вида дѣятельности специализируются и далеко расходятся одна отъ другой, а потому и слѣдуетъ разсматривать ихъ раздѣльно; но какъ въ живомъ, цѣльномъ существѣ человѣка необходимо являются связанными между собою обѣ стороны, проявляемыя въ названныхъ видахъ дѣятельности, то потому мы и видимъ какъ въ дѣятельности практической теоретическую сторону, такъ равно и въ дѣятельности теоретической сторону практическую.

И такъ разсмотримъ ту и другую дѣятельность какъ въ отдѣльности, такъ и въ связи ихъ между собою.

Всякое дѣло съ одной стороны предполагаетъ извѣстную цѣль, а съ другой нуждается для осуществленія цѣли въ соотвѣтственныхъ средствахъ. Во всѣхъ видахъ практической дѣятельности цѣлью, которую требуется осуществить, является вообще *польза* или такъ назыв. *благо*, какъ общественное такъ и частное. А какъ предметомъ практической дѣятельности служатъ или вещи, или-же лица, ибо она состоитъ въ томъ, что производитъ рядъ перемѣнъ въ мірѣ вещественномъ, либо въ мірѣ духовныхъ, моральныхъ отношеній, то и благо, составляю-

ицею цѣль практической дѣятельности, есть либо матеріальное, или же нравственное, духовное, принимая это послѣднее не въ тѣсномъ и въ собственномъ, а въ самомъ широкомъ смыслѣ. Начнемъ разсмотрѣніе практической дѣятельности съ тѣхъ разнообразныхъ занятій, ближайшая цѣль которыхъ заключается въ матеріальномъ благосостояніи.

Извѣстно, что для достиженія матеріальнаго благосостоянія, хотя-бы самаго ограниченнаго, т. е. того довольства, какое достигается обладаніемъ средствъ для удовлетворенія важнѣйшихъ нуждъ жизни,—необходимо раздѣленіе труда между многими лицами; одинъ человѣкъ не можетъ добыть самъ и выработать все потребное для его жизни, а необходимо нуждается въ содѣйствіи другихъ, и такимъ образомъ сами по себѣ матеріальные интересы дѣлаютъ неизбѣжнымъ общежитіе; потому и не удивительно, что общежитіе мы видимъ даже у многихъ животныхъ, хотя конечно ни какихъ иныхъ потребностей кромѣ матеріальныхъ для нихъ не существуетъ.

Въ тѣ далекія отъ насъ времена, когда жизнь была не столь сложною, когда потребности были ограничены, а средства къ ихъ удовлетворенію легко сравнительно добывались, раздѣленіе труда состояло въ томъ, что каждый зпалъ одно какое либо дѣло, но за то и былъ полнымъ хозяиномъ, господиномъ въ своемъ дѣлѣ; далѣе люди, занимавшіеся однимъ и тѣмъ-же дѣломъ, пришли къ мысли соединить свои частныя силы, трудиться вмѣстѣ и дѣлить между собою всѣ выгоды своего труда, причемъ очевидно должны были въ каждомъ изъ такихъ отдѣльныхъ союзовъ или общинъ возникнуть отношенія подчиненности и господства, такъ какъ отношенія эти составляютъ необходимую принадлежность всякаго общежитія, хотя-бы самаго ограниченнаго. И такъ явились корпораціи торговыя, промышленныя, общины строителей, ремесленниковъ, художниковъ и т. д., получившія впослѣдствіи названіе *цеховъ*. Изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, передавались по наслѣдству въ этихъ общинахъ издавна выработанныя и прочно утвердившіеся приемы и формы труда, такъ что общины эти воспитывались и работали въ духѣ преданія, а потому болѣе или менѣе враждебно относились ко всякимъ нововведеніямъ, ко вся-

кимъ попыткамъ нарушить установившіеся обычаи, способы и формы труда. При этомъ чтобы обезпечить и свое существованіе и выгоды своей дѣятельности, общины конечно не щадили усилій къ пріобрѣтенію особыхъ правъ и привилегій, и вполнѣ въ этомъ успѣвали, а чрезъ то все болѣе и болѣе стѣснялась и ограничивалась свобода личнаго труда, такъ что отдѣльному лицу невозможно уже было самостоятельно вести какое либо дѣло съ успѣхомъ, избрать опредѣленный родъ жизни и занятій иначе, какъ только вступивъ въ общину, отказавшись отъ личной самодѣятельности, и добровольно подчинившись всѣмъ установленіямъ и требованіямъ общины. Когда начало проявляться, возникшее вслѣдствіе многихъ историческихъ причинъ, стремленіе къ личной свободѣ и самостоятельности, то въ области труда механическаго или промышленнаго это стремленіе выразилось въ томъ, что стали нападать на всякаго рода привилегіи отдѣльныхъ общинъ, стѣснявшія личную предпріимчивость; требовали уничтоженія всякихъ цеховыхъ перегородокъ и предоставленія всѣмъ одинаковаго права трудиться и пользоваться плодами своего труда. Казалось при этомъ, что ничѣмъ не ограниченная свобода труда должна породить соревнованіе между отдѣльными лицами и тѣмъ способствовать успѣшному развитію и процвѣтанію всѣхъ родовъ дѣятельности. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ достигнута была болѣе или менѣе свобода промышленнаго труда, развитіе промысловъ сдѣлалось быстрымъ и рѣшительнымъ, далеко противъ прежняго расширивъ свои предѣлы; возрастаніе торговли и промышленности быстрыми шагами стало подвигаться впередъ. Но съ измѣненіемъ условій труда, конечно должны были измѣниться и самыя формы труда. Измѣненіе главнымъ образомъ выразилось въ томъ, что самое раздѣленіе труда между хозяевами и рабочими сдѣлалось инымъ, получило иной характеръ. Усовершенствованіе прежнихъ и изобрѣтеніе новыхъ орудій труда расширило производство въ такой степени, что дѣло, которое прежде исполнялось немногими лицами, (напр. изготовленіе тканей, орудій, утвари, необходимой въ домашнемъ обиходѣ, предметовъ роскоши) теперь стали производить посредствомъ огромнаго множе-

ства рабочихъ людей, а такъ какъ техника труда сдѣлалась болѣе дѣломъ машинъ, чѣмъ искусства рабочаго, и потому теперь легче стало приспособляться къ какому либо дѣлу, то вотъ почему рабочіе теперь менѣе прикрѣплены къ своему дѣлу, чѣмъ это было прежде, за то и положеніе ихъ сдѣлалось менѣе обеспеченнымъ противъ случайностей всякаго рода. Общность интересовъ связывавшая прежде хозяевъ съ рабочими теперь рушилась. Явилось не существовавшее прежде, при болѣе ограниченныхъ размѣрахъ производства, — раздѣленіе между интересами предпринимателей, которымъ принадлежитъ самое учрежденіе производства со всѣми его орудіями, т.-е., собственниковъ и распорядителей промышленнаго предпріятія (капиталистовъ) и интересами рабочаго класса, которому принадлежитъ только трудъ. Раздѣленіе это доходитъ до того, что по общему мнѣнію, распространенному преимущественно въ рабочемъ классѣ, предприниматели обогащаются на счетъ труда рабочихъ, и при томъ въ такой мѣрѣ, въ какой сами рабочіе все болѣе и болѣе бѣднѣютъ. Въ уничтоженіи этого раздѣленія, этой несоразмѣрности между интересами капитала и интересами труда, многіе видятъ важнѣйшій вопросъ нашего времени, а чтобы рѣшительнѣе выразить важность этого вопроса называютъ его обыкновенно вопросомъ социальнымъ, давая тѣмъ знать, что онъ касается благосостоянія и будущности всего общества.

Какими бы, впрочемъ, послѣдствіями ни сопровождалось расширение и усовершенствованіе различныхъ видовъ промышленной и торговой дѣятельности для непосредственныхъ участниковъ этой дѣятельности, несомнѣнно однакожь, что въ отношеніи къ благосостоянію всего общества или народа оно не можетъ не быть благопріятнымъ, а потому желательнымъ. Но общее возвышеніе и распространеніе производительнаго матеріальнаго труда во всей странѣ въ значительной степени зависитъ отъ мѣръ съ этою цѣлью принимаемыхъ государственною властію, каковы напр. мѣры покровительства, оказываемаго туземному производству противъ инземнаго соперничества относительно сбыта продуктовъ; мѣры имѣющія въ виду регулированіе денежнаго обращенія, особенно же мѣры принимаемыя

въ видахъ распространенія и возвышенія профессиональнаго образованія. Съ тѣхъ поръ, какъ въ дѣлѣ усовершенствованія и расширенія промышленнаго труда важное значеніе приобрѣла наука своими открытіями и изобрѣтеніями, сдѣлалось уже недостаточнымъ практическое изученіе различныхъ видовъ промышленнаго труда чрезъ непосредственное въ немъ участіе; необходимо и *теоретическое* изученіе, а потому возникло новое раздѣленіе промышленнаго труда, прежде не существовавшее: раздѣленіе теоретическаго изученія отъ практическаго веденія и исполненія дѣла; явились такимъ образомъ теоретически разнаго рода практическихъ занятій; при этомъ само собою разумѣется, задача изученія, долженствующаго служить подготовкою къ разнаго рода практическимъ занятіямъ, неограничивается усвоеніемъ техническихъ свѣдѣній по части того или иного производства, но главнымъ образомъ состоитъ въ усвоеніи разнаго рода научныхъ знаній преимущественно тѣхъ, которыя болѣе всего практикуются въ области техническаго труда; а вслѣдствіе того сложился особый типъ образованія *реальнаго*, практическаго по преимуществу. Но насколько важно и плодотворно должно быть реально-практическое образованіе, когда оно не выступаетъ изъ сферы своихъ собственныхъ специальныхъ задачъ и не обнаруживаетъ притязанія сдѣлаться всеобщимъ и единственнымъ, т. е. обязательнымъ для всѣхъ, настолько же слѣдуетъ признать вреднымъ всякое стремленіе, порожаемое духомъ этого образованія, къ исключительному господству въ жизни практическихъ реальныхъ интересовъ и взглядовъ ограничиваемыхъ этими интересами. А такое стремленіе неизбѣжно является, — когда теряется изъ виду самая цѣль реальнаго образованія, если т. е. оно не служитъ на дѣлѣ необходимымъ подспорьемъ практическаго реальнаго труда, не находитъ себѣ достаточно примѣненія въ жизни; — тогда у представителей и приверженцовъ его является ложная идея, что цѣль реальнаго образованія не частная, ограниченная известною областію интересовъ, а общая, совпадающая съ общими жизненными цѣлями существованія человѣка; реальное образованіе объявляется единственно правильнымъ и истиннымъ образованіемъ, обязательнымъ для всѣхъ; возрѣнія, имѣю-

щія мѣсто только въ сферѣ практическихъ реальныхъ отношеній и интересовъ, расширяются на всю область жизненныхъ отношеній и преобразуются въ общее міровоззрѣніе (матеріализмъ): жизнь человѣка разсматривается такъ какъ бы въ ней нѣтъ и недолжно быть никакихъ иныхъ интересовъ и задачъ кромѣ реально-практическихъ.

Но уже въ области экономическихъ отношеній, какъ выше замѣчено, проявляется другаго рода дѣятельность, отличная вполнѣ отъ дѣятельности, имѣющей цѣлью техническое производство продуктовъ вещественныхъ. Разумѣемъ дѣятельность правительственную, или государственную. Такъ какъ дѣятельность эта проявляется и въ области экономическихъ отношеній, то вотъ почему наука, изучающая эти отношенія, называется *политическою экономіею*. Между тѣмъ есть основаніе дѣятельность экономическую, какъ частную, преслѣдующую лишь интересы матеріальные, (ибо *накопленіе богатства*—вотъ ея цѣль) противопоставлять дѣятельности государственной; послѣдняя всегда должна имѣть въ виду общіе государственные интересы, а не частные; она покровительствуетъ частнымъ интересамъ и даже содѣйствуетъ имъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой чрезъ нихъ осуществляется общее благо. Основной принципъ государственной дѣятельности заключается въ *идеѣ права*, или, что тоже, есть *справедливость*; все несправедливое должно быть чуждо государственной идеѣ. Государство не только основывающее свое бытіе и свое благополучіе на несправедливости, но и возводящее несправедливость, именно какъ несправедливость, въ законъ,--такое государство недостойно своего имени. Конечно и всякое частное общество, существующее по закону, а не противозаконно, хотя бы и съ корыстною цѣлью, считаетъ для себя обязательнымъ соблюденіе справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ ченовъ его составляющихъ; даже общество съ противозаконною преступною цѣлью не могло бы не только существовать, но и образоваться, если бы не признавало справедливость обязательною въ своей средѣ. Но тогда какъ въ обществахъ частныхъ, если только такія общества имѣютъ цѣль корыстную,—справедливость служитъ не болѣе какъ только необходимымъ средствомъ къ цѣли и настолько лишь уважается,

насколько это требуется самою цѣлью, которая впрочемъ можетъ быть далеко несправедливою, государство должно имѣть въ виду справедливость какъ цѣль, а не какъ средство; слѣдовательно государство должно стремиться къ осуществленію справедливости внутри себя и по крайней мѣрѣ не нарушать оной внѣ себя, а не только подчиняться ей по необходимости.

Въ чемъ же состоитъ справедливость какъ цѣль государственной жизни?— Она состоитъ въ обезпеченіи всей совокупности интересовъ, имѣющихъ право на существованіе, каковы интересы матеріальные, нравственные, религіозные и т. д. и повято, само собою, что чѣмъ выше и достойнѣе какой либо изъ интересовъ существующихъ въ государствѣ, тѣмъ больше заботъ государство должно прилагать къ наилучшему его обезпеченію. Такимъ образомъ и матеріальные интересы также входятъ въ область государственнаго управленія, но не сами по себѣ, а въ виду осуществляемаго чрезъ нихъ моральнаго интереса справедливости. Между тѣмъ, если не разграничивать строго интересовъ экономическихъ, матеріальныхъ отъ интересовъ государственныхъ, то не трудно придти,—и тѣ, которые смѣшиваютъ отношенія экономическія съ политическими, дѣйствительно приходятъ къ тому взгляду на государство, по которому оно представляется какъ бы въ видѣ обширной торговой или промышленной компаніи, ставящей главною своею цѣлью интересы приобрѣтенія-накопленія богатствъ; правда, можно сказать, что такой взглядъ на государство никогда никѣмъ не былъ формулированъ и высказанъ,—а если бы и былъ выраженъ, никто конечно не сталъ бы его защищать,—но не смотря на то, присутствіе его въ умахъ чувствуется; ибо чѣмъ иначе объяснить, какъ не вліяніемъ подобнаго взгляда, хотя бы и не ясно сознаваемаго, тѣ странныя понятія о службѣ государственной, которыя приходится встрѣчать на каждомъ шагѣ; давно уже вошло въ обычай оцѣнивать служеніе государству на основаніи тѣхъ выгодъ, какія доставляетъ та или иная должность. И что иное показываетъ взглядъ на обезпеченіе, даваемое государствомъ тѣмъ, которые ему служатъ,—какъ на *плату* за трудъ, если не то, что государство дѣйствительно многимъ представляется въ видѣ хозяина, отъ рабочихъ получаю-

щаго по договору, за извѣстную плату, нѣкоторыя услуги, нѣкоторое точно размѣренное и опредѣленное количество труда? Если *отечество* не пустое слово, то какая возможна плата, какое вознагражденіе мыслимо за служеніе ему? Государство должно конечно обеспечивать жизнь своихъ служащихъ и притомъ въ такой мѣрѣ, чтобы безъ всякой растраты силъ въ заботахъ о существованіи,—возможна была всецѣлая преданность задачамъ и интересамъ избраннаго служенія государству. Но ни въ какомъ случаѣ это не есть плата или вознагражденіе за трудъ, такъ какъ служеніе государству можетъ безконечно превосходить, по своей цѣнности, обеспеченіе опредѣленное государствомъ служащему. Иначе какое значеніе имѣли бы почести, воздаваемые самимъ государствомъ людямъ, ознаменовавшимъ себя особенно важными заслугами на службѣ государственной? Но почему общее благо, которое есть цѣль государства, не можетъ заключаться именно въ матеріальномъ благосостояніи, коль скоро оно, благодаря мудрой политикѣ, распространяется болѣе или менѣе на всѣхъ? Пусть цѣль государства заключается въ справедливости. А развѣ справедливость не состоитъ въ такомъ именно распредѣленіи благъ, при которомъ каждый получалъ бы сколько заслуживаетъ, по мѣрѣ своего участія въ общемъ трудѣ? Но въ томъ то и дѣло, что матеріальные интересы никогда не бываютъ и не могутъ быть общими, а только частными, ибо имѣютъ всегда характеръ корыстный, эгоистическій; только чрезъ подчиненіе иному высшему интересу они освобождаются отъ этого свойственнаго имъ характера. Но тогда цѣль и слѣд. благо будетъ заключаться уже не въ матеріальномъ обеспеченіи, какъ таковомъ, а въ чемъ то иномъ. О выгодномъ, полезномъ для всѣхъ,—коль скоро рѣчь идетъ о государственныхъ интересахъ,—можно говорить лишь въ несобственномъ смыслѣ. Всѣ требуютъ справедливости, а потому дѣйствительно, справедливость, можно сказать и есть выгодное для всѣхъ, но точно-ли справедливость выгодна для всѣхъ? Она никогда не совпадаетъ и не можетъ совпадать съ матеріальными интересами всѣхъ. Справедливость требуетъ, чтобы преступники наказывались, и это выгодно для общества, но нельзя же это признать выгоднымъ и для самихъ

преступниковъ. Справедливость требуетъ, чтобы каждому воздавалось по заслугамъ; но это далеко невыгодно для тѣхъ, которые мало заслуживаютъ; для нихъ было-бы выгодноѣ имѣть больше хотя бы и незаслуженно. И такъ очевидно, — справедливость далеко не совпадаетъ съ выгоднымъ. Коль скоро дѣло идетъ о выгодномъ, то при этомъ интересы отдѣльныхъ лицъ неизбежно должны разойтись. Справедливость именно требуетъ не искать своей выгоды, коль скоро она не можетъ быть достигнута безъ ущерба для другаго; она требуетъ подчиненія эгоистическихъ корыстныхъ интересовъ интересу общему. Но чрезъ подчиненіе своихъ личныхъ интересовъ общему, не долженъ-ли каждый выигрывать въ матеріальномъ же отношеніи больше чѣмъ сколько теряетъ? Никто однако никогда на практикѣ не руководится подобнымъ соображеніемъ. Кто дѣйствительно ищетъ матеріальныхъ выгодъ, тотъ серьезно никогда не станетъ жертвовать личными интересами въ пользу интересовъ общихъ, и наоборотъ, — кто дѣйствительно предпочитаетъ общее благо своему частному, никогда этого не дѣлаетъ изъ побужденій корыстныхъ, а только изъ побужденія моральнаго, именно по любви къ справедливости.

Такъ какъ государство должно имѣть въ виду только общее благо, опредѣляемое моральнымъ интересомъ справедливости; частныя же лица и общества преслѣдуютъ прежде всего свои частныя интересы, то соглашеніе общихъ интересовъ съ частными, понятное дѣло, достижимо вполне только при совокупномъ дѣйствіи правительства и общества. Общество, руководясь своими частными потребностями и видами, основываетъ необходимыя для него учрежденія (напр. школы). Правительственная же власть согласуетъ ихъ съ общими интересами всего государства, подчиняетъ ихъ общимъ началамъ государственнаго управленія. Поэтому развитіе національной жизни въ государствѣ не можетъ совершаться правильно и успѣшно въ томъ случаѣ, когда частныя интересы пріобрѣтаютъ господство надъ общими, и государственныя интересы пренебрегаются, — а это неизбежно должно быть коль скоро граждане привыкаютъ экономическіе матеріальные интересы ставить впереди всѣхъ; — равно и въ томъ случаѣ правильное развитіе государ-

ственной жизни невозможно, если частные интересы недостаточно обезпечиваются, а это бываетъ когда одни изъ интересовъ частныхъ, въ ущербъ другимъ, возводятся на степень государственныхъ. Государственный интересъ въ собственномъ смыслѣ можетъ быть только одинъ: это именно развитіе въ гражданахъ—гражданской доблести, добродѣтели гражданской, состоящей въ безграничной приверженности къ своему государству, которая рождаетъ готовность на всякія жертвы и труды ради его безопасности и процвѣтанія. Цѣль же эта—развитіе гражданской доблести достигается по мѣрѣ осуществленія въ государствѣ справедливости въ объясненномъ выше смыслѣ, именно въ смыслѣ соглашенія всѣхъ существующихъ въ государствѣ интересовъ, при чемъ конечно интересы высшіе по достоинству должны господствовать надъ низшими.

Во всякомъ практическомъ дѣлѣ, какъ сказано, есть сторона собственно практическая, или техническая и сторона теоретическая; и чѣмъ шире самое дѣло, чѣмъ большее количество интересовъ и отношеній оно захватываетъ, тѣмъ яснѣе выступаетъ различіе означенныхъ сторонъ, тѣмъ болѣе специализируются эти стороны. Поэтому и относительно государственнаго управленія слѣдуетъ различать практическую сторону, состоящую *въ самомъ служеніи государству*, отъ стороны теоретической, состоящей лишь *въ изученіи этого дѣла* и всего, что къ нему относится. Теоретическая сторона, служащая частію подготовительною школою для служенія государству, частію же имѣющая цѣлью дальнѣйшее усовершеніе этого служенія,—заключается въ изученіи и разработкѣ наукъ юридическихъ. Такъ какъ задача юридическаго образованія заключается въ приобрѣтеніи знаній, необходимыхъ для того чтобы съ пользою участвовать въ дѣлѣ государственнаго управленія, то высшимъ критеріемъ и основаніемъ оцѣнки всякаго рода юридическихъ теорій и доктринъ, когда дѣло идетъ о примѣненіи ихъ на практикѣ, должны служить тѣ начала, на которыхъ утверждается существующій строй государственной жизни. Стремленіе же къ рѣшенію вопросовъ, касающихся устройства государственной жизни и государственнаго управленія, не на основаніи началъ, сдѣлавшихся неотъемлемымъ достояніемъ на-

родной жизни въ теченіе многовѣковой исторіи его, а на основаніи общихъ соображеній, на основаніи началъ абстрактныхъ, имѣющихъ характеръ общечеловѣческихъ, или же выработанныхъ жизнью другихъ народовъ и потому только для нихъ пригодныхъ,—такое стремленіе пораждаеть *доктринерство*, т. е. такое увлеченіе теоріями, которое происходитъ отъ привычки обращаться лишь въ области теоретическихъ ' построений, не справляясь съ указаніями опыта, хотя въ данномъ случаѣ самое назначеніе теорій заключается не въ нихъ самихъ, а внѣ ихъ, именно въ практическомъ осуществленіи ихъ или примѣненіи къ данной дѣйствительности. Спасительнымъ предостереженіемъ и избавленіемъ отъ дурной склонности къ доктринерству можетъ служить только внимательное и чуждое всякихъ предразсудковъ изученіе исторіи своего народа, т. е. такое изученіе, которое предпринимается не съ цѣлью найти въ ней подтвержденіе какой либо напередъ построенной или усвоенной доктрины, а единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы познать образованіе и развитіе народнаго духа, основныя его свойства и стремленія; важно также при этомъ и опытное знакомство съ разнообразными проявленіями народной жизни и ея потребностями.

Выше показано въ чемъ заключается основной принципъ государственнаго управленія. Принципъ этотъ заключается въ идеѣ справедливости. Справедливость же, какъ принципъ государственнаго управленія, состоитъ въ соглашеніи существующихъ въ государствѣ интересовъ. Теперь очевидно, что какъ пониманіе интересовъ, такъ и ихъ соотношеніе въ каждомъ государствѣ есть дѣло исторіи этого государства, и слѣд., ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно быть одинаковымъ повсюду. То и другое, особенно же соотношеніе интересовъ, всего болѣе зависитъ отъ условій историческаго существованія и самаго характера народа, опредѣляющихъ въ общихъ чертахъ и ходъ его исторіи. Напр. афинскій народъ въ древности призывалъ высшимъ для себя благомъ свободу общественной жизни, такъ какъ въ высшей степени былъ одаренъ стремленіемъ къ познанію, къ дѣятельности умственной, и оттого не только высшею добродѣтелью, но и источникомъ всѣхъ другихъ

добродѣтелей признавалась мудрость (*σοφία*). Римскій народъ; напротивъ, стремился къ господству надъ другими народами. Поэтому важнѣйшимъ интересомъ для этого народа было распространеніе владычества, а отличительною чертою въ характерѣ римлянъ слѣдуетъ признать властолюбіе, какъ это видно изъ того, что добродѣтель вообще у римлянъ была понимаема преимущественно въ смыслѣ мужества, доблести (*virtus*). У англичанъ, по самому характеру этого народа, практически дѣятельнаго и предприимчиваго, притомъ же и вслѣдствіе условій его положенія, — экономическіе, промышленно-торговые интересы имѣютъ первостепенное значеніе; и дѣйствительно промышленность и торговля англичанъ пріобрѣли всемірное значеніе, а потому и неудивительно, что политика англичанъ опредѣляется главнымъ образомъ этими интересами; съ другой стороны они создали и науку о богатствѣ, — о накопленіи, распределеніи и потребленіи богатствъ, — политическую экономію, и такимъ образомъ преобладающимъ у нихъ экономическимъ интересамъ они дали научно теоретическое выраженіе, возвели на степень истинъ общегодныхъ, приложимыхъ ко всѣмъ родамъ дѣятельности, — законы и условія промышленнаго труда. У французовъ выдающимся качествомъ ихъ національнаго характера всегда была общественность. Отсюда возникло и развилось у французовъ стремленіе устранить по возможности всѣ преграды къ развитію общественности; руководящимъ принципомъ служила при этомъ и служить идея *равенства*, сліяніе всѣхъ классовъ общества въ одну безразличную массу, въ одно общество. Англичане всего болѣе добивались свободы промышленной и торговой; во Франціи же наиболѣе стремились къ свободѣ общественной.

Но при всемъ различіи господствующихъ интересовъ у различныхъ народовъ, слѣдствіемъ котораго является необходимость взаимнаго ограниченія и соглашенія свойственныхъ имъ интересовъ — въ этомъ задача международнаго права, — слѣдуетъ однако замѣтить, что и аѳиняне въ древности стремились къ свободѣ закономѣрной, *справедливой*, и римляне искали власти надъ другими народами *справедливой*, и англичане всего болѣе дорожатъ своимъ торговымъ и промышленнымъ могущест-

вошь, лишь потому, что видятъ въ немъ средство къ *справедливому преобладанію* надъ другими народами. И французы конечно потому выше всего ставятъ свободу общественную, что видятъ въ ней выраженіе *справедливости*, и требованіе свободы считаютъ самымъ справедливымъ и законнымъ требованіемъ. Итакъ мы видимъ, что идея справедливости, въ которой заключается принципъ государственной жизни, ближайшимъ образомъ опредѣляется иначе у одного народа и иначе у другаго. Конечно справедливость вообще понимается какъ совокупность всѣхъ существующихъ въ государствѣ интересовъ, но при этомъ то одинъ, то другой изъ этихъ интересовъ выдвигается на первый планъ, что зависитъ уже и отъ характера народа и отъ условій историческаго его положенія и развитія. Ясно, что относительно пониманія государственныхъ интересовъ одинъ народъ не можетъ и не долженъ служить примѣромъ для другихъ народовъ. Поэтому совершенно ложная и нелѣпая мысль подразумевается и внушается всякій разъ, когда говорятъ напр. о французахъ, какъ „о передовыхъ бойцахъ за свободу въ Европѣ“. Конечно не одни французы, а также и другіе народы дорожатъ свободою и желаютъ ея, но при этомъ пониманіе свободы у разныхъ народовъ можетъ быть далеко различное, хотя во многихъ странахъ люди, считающіе себя свободномыслящими стараются навязать своимъ народамъ именно французское пониманіе свободы. Равнымъ образомъ, если у англичанъ считается догматомъ торговой политики свобода торговли, если тамъ много занимаются разработкою вопроса о социальномъ положеніи рабочихъ и измѣненіи этого положенія, то многимъ кажется, что и у насъ тѣ-же идеи слѣдуетъ проводить и тѣ же самые вопросы должно считать первостепенными, насущными.

Сказанное доселѣ приводитъ насъ къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ:

Несомнѣнно прежде всего, что во всѣхъ сферахъ практической дѣятельности ясно выступаетъ необходимость предварительнаго соотвѣтственнаго ей теоретическаго образованія. Ясно само собою, что теоретическое образованіе, служащее приготовленіемъ къ извѣстному роду практической дѣятельности, никогда не должно терять изъ виду собственныхъ задачъ и

интересовъ этой дѣятельности, и ни въ какомъ случаѣ не выступать изъ сферы, ограничиваемой этими интересами и задачами. Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается обыкновенно противное. Какъ теоретическое изученіе, служащее подготовкою къ дѣятельности въ сферѣ матеріальныхъ экономическихъ интересовъ, такъ равно и то образованіе, цѣль котораго заключается въ приготовленіи къ дѣятельности общественной на поприщѣ государственнаго управленія, — одинаково стремятся выступить далеко за предѣлы подлежащихъ имъ задачъ. Въ первомъ случаѣ послѣдствіемъ этого расширенія теоретическихъ возрѣвій и понятій далѣе сферы, ограничиваемой примѣненіемъ ихъ къ соотвѣтственной практической дѣятельности, является склонность принимать принципы механическаго изъясненія вещей за общегодные, всюду приложимые и, слѣд., имѣющіе истинность безотносительную; во второмъ же случаѣ таже причина производитъ доктринерство, стремящееся подчинить себѣ жизнь даже тамъ, гдѣ слѣдуетъ лишь сообразоваться съ нею.

II.

Характеристика теоретической дѣятельности. Раздѣленіе труда въ этой области. Специализація наукъ. Взглядъ на философію. О связи школы съ жизнью. Общее и специальное образованіе. Характеръ современнаго просвѣщенія. Сравнительная характеристика пракческаго дѣятеля и теоретика.

Объясненіе того, почему именно теоретическое образованіе, служащее, по своимъ цѣлямъ, приготовленіемъ къ различнымъ видамъ дѣятельности практической, не довольствуется своимъ подчиненнымъ положеніемъ, но стремится стать въ положеніе господствующее, — мы находимъ въ свойствахъ теоретической дѣятельности.

Принципъ практической дѣятельности заключается въ идеѣ пользы. Основнымъ же началомъ дѣятельности теоретической служить идея *истины*. Что такое польза, полезное, это для всякаго понятно: полезнымъ мы называемъ обыкновенно все, что служитъ къ удовлетворенію потребностей нашихъ, — частныхъ или же общественныхъ. Не такъ легко отвѣтить на вопросъ—что такое истина. Что полезное болѣе или менѣе необходимо, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть излиш-

нимъ,—это ясно само по себѣ, ибо признать полезное излишнимъ значитъ допустить *contradictio in adjecto*; но необходима-ли истина? На это пожалуй далеко не всякій съ такою же рѣшительностію дастъ утвердительный отвѣтъ, какъ на вопросъ о необходимости полезнаго. Извѣстно, напр., что въ древности были скептики которые утверждали, что для насъ невозможно познание истины и при этомъ находили, что сознаніе этой невозможности не мало способствуетъ достиженію счастья, такъ какъ избавляетъ насъ отъ напрасныхъ усилій, направленныхъ въ изысканію истины. Были скептики, отрицавшіе возможность познанія истины и въ новое время. Такъ назыв. позитивизмъ есть въ сущности скептицизмъ только умѣренный. Позитивисты утверждаютъ, что тѣ вопросы, которыми всегда занималась философія, каковы: о сущности вещей, о первой причинѣ бытія, о началѣ и концѣ всего, — неразрѣшими для насъ, и потому должны быть оставлены, исключены изъ области научныхъ изысканій. Что область доступнаго человѣку знанія ограничена, что мы не можемъ знать всего, по ограниченности нашихъ познавательныхъ силъ, это всегда признавалось мудрейшими людьми, но опытъ историческій, а въ особенности примѣръ самыхъ позитивистовъ, показываетъ, что когда отвергаются всякія попытки къ возможному для насъ разрѣшенію, или по крайней мѣрѣ уясненію важнѣйшихъ вопросовъ философіи, какъ ненужныя, бесполезныя, не ведущія къ цѣли, — то послѣдствіемъ этого является равнодушіе къ вопросамъ, а затѣмъ это равнодушіе къ вопросамъ переходитъ въ равнодушіе къ самой истинѣ, составляющей объектъ этихъ вопросовъ, а равнодушіе къ истинѣ неминуемо переходитъ въ отрицаніе ея. Но сколько бы ни отрицали истину, она даетъ себя чувствовать, такъ или иначе. Конечно о томъ, что хотя бы и было полезно, но невозможно, т. е. не осуществимо, никто не станетъ заботиться, коль скоро невозможность эту можно доказать, какъ напр. можно доказать невозможность машины, которая бы вѣчно производила движеніе (*perpetuum mobile*). Но совершенно иначе мы относимся къ истинѣ: сколько бы истина не была отрицаема, сколько бы ни доказывали, что всякія заботы объ истинѣ безплодны, однако же потребность обладанія истиною не можетъ

быть подавлена и заглушена, и она дѣйствительно проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Чѣмъ объяснить, напр., указанное выше стремленіе подчиненныхъ сферъ теоретическаго образованія и изученія стать въ положеніе господствующее, какъ не тѣмъ, что теоретическій интересъ познанія истины не допускаетъ замкнуться въ ограниченной сферѣ практическихъ интересовъ и влечетъ къ отысканію истины, помощію тѣхъ способовъ изслѣдованія, и на основаніи тѣхъ данныхъ, какія представляются подлежащею областью изученія. Если же столь важна и существенна потребность познанія истины, то не меньшую важность имѣетъ и вопросъ о томъ, что же такое истина, какъ должно вообще разумѣть истину.

Истина прежде всего есть то, что познается болѣе или меньше; поэтому она лишь въ отношеніи къ познанію и только для познающаго, т. е. для разумнаго существа, какъ способнаго познавать, существуетъ. Но съ другой стороны нельзя же признать истинною то, что мы *только представляемъ* какъ существующее. Напротивъ мы постоянно стремимся къ тому, чтобы поставить свой умъ, свои мысли, свое сознаніе въ согласіе съ истинною; истина, слѣдов., независима отъ нашего сознанія. Такимъ образомъ, съ одной стороны истина есть объектъ существующій независимо отъ нашего сознанія; съ другой-же стороны она можетъ быть данною для насъ только въ формѣ представленія, идеи, понятія, а это значитъ, что истина для насъ есть и объектъ и вмѣстѣ представленіе, при чемъ не объектъ, очевидно, согласуется съ представленіями, когда познается истина, а наоборотъ; ибо только согласное со своимъ предметомъ представленіе есть истинное. Повидимому отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ съ большею точностію мы представляемъ предметъ со всѣми его подробностями, и чѣмъ ближе наши представленія къ дѣйствительности, тѣмъ больше мы можемъ быть увѣрены въ истинности нашего познанія. Въ такомъ случаѣ истинное познаніе достигалось-бы простымъ описаніемъ предмета. Но даже описаніе, для того чтобы оно было вѣрнымъ изображеніемъ предмета, должно быть не беспорядочнымъ собраніемъ подробностей, а такимъ воспроизведеніемъ своего предмета, въ которомъ сообщалось-бы цѣлостное и связ-

ное представленіе объ немъ, т. е. чтобы предметъ разсматривался въ цѣлости его свойствъ и отношеній. Представленіе мелочныхъ и случайныхъ подробностей не имѣетъ для насъ никакой цѣны. Это видно уже изъ того, что грубо реальное представленіе предмета, точное воспроизведеніе всякихъ подробностей, важныхъ и неважныхъ, въ беспорядочномъ смѣшеніи ихъ, не доставляетъ намъ никакого удовольствія, и даже незнаніе бываетъ иногда предпочтительнѣе такого знанія; — а между тѣмъ, говоря вообще, познаніе истины должно сообщать намъ глубокое внутреннее удовлетвореніе, такъ какъ въ постиженіи истины заключается величайшее торжество духа. И такъ очевидно, что истина дается испытующему только тогда, если предметъ разсматривается неотрывочно, а во всей цѣлости его важнѣйшихъ свойствъ и отношеній, слѣдовательно, когда берется положеніе его среди множества другихъ предметовъ. Отсюда, кромѣ означеннаго, есть еще другое опредѣленіе истины, служащее дополненіемъ перваго, именно, что истина состоитъ въ согласіи нашихъ представленій не просто съ предметомъ представляемымъ, а съ идеею или существомъ представляемаго предмета. Идея или сущность предмета для насъ выясняется, когда мы разсматриваемъ его въ цѣлости и въ связи съ предметами соприкасающимися съ нимъ: при такомъ разсмотрѣніи предмета и относительное значеніе подробностей дѣлается яснѣе, а чрезъ то становится невозможнымъ, въ *ущербъ истинѣ*, преувеличить значеніе одной подробности или стороны на счетъ другой. Сказанныя опредѣленія истины встрѣчаются въ формѣ самыхъ обычныхъ и общепотребительныхъ сужденій. Такъ говорятъ напр., что это истинное (а не вымышленное) событіе; но говорятъ также: вотъ истинный ученый, истинный гражданинъ, истинный пастырь; истинный отецъ и т. д. Иногда *истинное* понимается просто, какъ *дѣйствительное* (въ противоположность вымышленному), иногда же *истинное* означаетъ то же что *совершенное* (въ противоположность мнимому, т. е. хотя дѣйствительному, но несообразному съ тѣмъ значеніемъ, какое усвоится ему). А потому полное понятіе объ истинѣ будетъ таково: истинное есть *дѣйствительное, но понятое и представленное сообразно съ подлиннымъ своимъ значеніемъ.*

Какимъ же образомъ мы можемъ увѣриться, что не только знаемъ дѣйствительное, но представляемъ это дѣйствительное въ подлежащемъ свѣтѣ? Мы имѣемъ два способа изысканія истины: съ одной стороны опытное изученіе предмета, а съ другой размышленіе. Если умственные построенія вполне согласуются съ указаніями опыта и изъясняютъ ихъ, то слѣдовательно тѣ построенія истинны; если также, наоборотъ, свидѣтельства опыта ничего не представляютъ несогласнаго ни съ законами мысли человеческой, ни со всѣми умственными построеніями, истинность которыхъ вполне оправдана, то нельзя считать такіа свидѣтельства обманчивыми. Словомъ, опытъ и умозрѣніе, въ дѣлѣ познанія, постоянно пополняютъ и взаимно исправляютъ другъ друга. Отсюда видно, что въ истинѣ мы убѣждаемся на основаніи согласія нашихъ представленій съ субъективными условіями и требованіями, которыя заключаются въ указанныхъ способахъ познанія. Но какъ эти способы по своему примѣненію ограничены, а по дѣйствию несовершенны, то мы и не имѣемъ права отвергать бытіе такихъ предметовъ, которые не познаваемы вполне ни чрезъ опытъ, ни посредствомъ умозрительныхъ построеній. И не только мы не можемъ отрицать бытіе предметовъ, о которыхъ познаніе недоступно намъ (это признаютъ даже позитивисты), но даже *необходимо* разумъ нашъ приходитъ къ признанію таковыхъ предметовъ. Дѣло только въ томъ, что для разнообразныхъ представленій, чувствованій и стремленій, поражаемыхъ въ насъ сознаніемъ необходимости бытія таковыхъ предметовъ, тѣ средства удостовѣренія, которыми мы обладаемъ, недостаточны. Впрочемъ, недостаточность обычныхъ для насъ способовъ познанія, которыми обладаемъ мы, въ значительной мѣрѣ восполняется, относительно предметовъ не вполне доступныхъ нашему познанію, — тѣмъ, что для представленій о таковыхъ предметахъ мы можемъ находить, и дѣйствительно находимъ, оправданіе въ согласіи ихъ не съ условіями и требованіями присущими свойственнымъ намъ способомъ познанія, но съ иными, не менѣе важными, субъективными условіями и потребностями. Разумѣемъ условія и потребности собственно нравственной жизни и дѣятельности; сюда же можно присоединить и эстетическія требованія. Со-

гласіе представленій о предметахъ, о которыхъ полное познание невозможно, съ потребностями и стремленіями нравственными и эстетическими, для насъ служить не малымъ ручательствомъ истинности таковыхъ представленій, ибо и въ истинности представленій о предметахъ, болѣе совершеннымъ образомъ познаваемыхъ, мы удостоверяемся преимущественно также въ силу субъективныхъ условій и требованій, заключающихся въ познавательной нашей дѣятельности, хотя бы и не давали себѣ въ томъ яснаго отчета.

Теперь ясно почему познание истины сопряжено для насъ съ величайшимъ внутреннимъ удовлетвореніемъ; удовлетвореніе это имѣетъ своимъ источникомъ живѣйшимъ образомъ чувствуемую нами гармонію нашихъ представленій, мыслей, съ потребностями, условіями и законами нашей внутренней жизни и дѣятельности. Вполнѣ также оправдывается теперь и указанная выше характерная черта дѣятельности теоретической, именно что дѣятельность эта производитъ рядъ перемѣнъ въ самомъ дѣйствующемъ. Ибо не въ томъ ли именно состоитъ дѣятельность теоретическая, что мы постоянно измѣняемъ свои представленія, при чемъ измѣняются также и сопровождающія ихъ внутреннія состоянія, пока наконецъ не установимъ полного согласія нашихъ представленій съ требованіями и условіями дѣятельности познавательной. Такимъ образомъ въ двойномъ отношеніи требуется согласіе или гармонія въ нашихъ представленіяхъ. Необходимо, во первыхъ, соглашеніе представленій съ объективною дѣйствительностію. А такъ какъ, слѣдя за отношеніями и связью вещей, какъ онѣ представляются въ дѣйствительности, мы приходимъ къ мысли, что связь эта простирается на все существующее, что разнообразныя отношенія вещей образуютъ изъ нихъ одну систему, единый міръ, то является, вслѣдствіе этого сознанія, потребность установить такую общую точку зрѣнія, съ которой возможно было бы связанное міросозерцаніе. Въ угоду этой потребности создаются разныя системы. Необходимо также, во вторыхъ, соглашеніе представленій съ субъективными потребностями и условіями, сообщающими такое или иное направленіе нашей познавательной дѣятельности. Необходимость эта такъ велика, и имѣетъ столь

важное значеніе, что нерѣдко мы со всею рѣшительностію отвергаемъ иную теорію, повидимому, прочно обоснованную въ объективномъ отношеціи, только потому что представляется она намъ неудовлетворительною въ отношеніи субъективномъ.

Соотвѣтственно этимъ требованіямъ, заключающимся въ идеѣ истиннаго знанія,—каковы: съ одной стороны необходимость гармоніи нашихъ представленій съ условіями субъективными, а съ другой необходимость соглашенія ихъ съ объективною дѣйствительностію,—главное раздѣленіе въ области наукъ состоитъ въ томъ, что въ однихъ знаніяхъ преобладающее значеніе имѣетъ, почему и принимается преимущественно во вниманіе, *объективная дѣйствительность*. Таковъ характеръ наукъ опытныхъ, въ особенности естественныхъ. Въ другихъ-же наукахъ важнѣйшее значеніе имѣютъ идеальныя, т. е. субъективныя требованія, съ которыми и приводятся въ соглашеніе представленія, составляющія содержаніе этихъ наукъ; таковы науки филологическія, вообще словесныя, философскія и отчасти историческія. Но этимъ раздѣленіе въ области научныхъ знаній не ограничивается.

Принципъ раздѣленія труда имѣетъ мѣсто не только въ практической, но также и въ теоретической дѣятельности. Чѣмъ далѣе идетъ разработка научныхъ знаній, чѣмъ болѣе усложняется содержаніе наукъ, тѣмъ болѣе увеличивается развѣтвленіе отраслей научнаго вѣдѣнія: различныя части одной науки, съ теченіемъ времени, получаютъ самостоятельность и превращаются въ отдѣльныя науки. Конечно чѣмъ далѣе идетъ раздѣленіе труда въ области научныхъ изысканій, тѣмъ болѣе совершенствуются и самыя знанія, но съ другой стороны все болѣе и болѣе утрачивается живая связь между различными отраслями науки. Сознаніе единства науки болѣе и болѣе ослабляется. Раздѣленіе доходитъ до того, что не остается почти никакихъ точекъ соприкосновенія между различными отдѣлами наукъ; представители разныхъ областей знанія говорятъ на разныхъ языкахъ и перестаютъ понимать другъ друга. Есть-ли, напр., что-либо общее между естествоиспытателями, съ одной стороны, и историками, а также филологами съ

другой? Не говоримъ уже о богословскихъ наукахъ. Общаго между ними такъ мало, что многіе изъ тѣхъ, которые воспитались на естествознаніи, не хотятъ знать исторіи, не признаютъ ее наукою, а думаютъ, что она должна быть замѣнена соціологіею и антропологіею, какъ науками естественными объ обществѣ и человѣкѣ. Характернымъ явленіемъ въ этомъ отношеніи должно признать извѣстный взглядъ позитивистовъ на историческое развитіе человѣчества въ умственномъ отношеніи. Извѣстно, что позитивисты различаютъ три періода этого развитія: *теологическій*, въ которомъ господствовали теологико-религіозныя воззрѣнія; *метафизическій*, когда теологическія созерцанія смѣнились метафизическими абстракціями, и наконецъ частію наступившій уже для нѣкоторыхъ наукъ, а частію только еще наступающій *положительный* періодъ, въ которомъ начинается господство научныхъ воззрѣній, основанныхъ на опытѣ и добытыхъ при посредствѣ разсудка. Этотъ взглядъ очевидно указываетъ, подъ видомъ изъясненія умственнаго развитія человѣчества, — на тотъ фактъ, что вначалѣ объединяющимъ началомъ въ области научной служило богословіе, — и дѣйствительно богословіе въ средніе вѣка было основаніемъ и вмѣстѣ связующимъ элементомъ для всѣхъ знаній; далѣе такимъ объединяющимъ началомъ въ наукѣ является философія; теперь же не только ничего нѣтъ связующаго отдѣльныя отрасли научныхъ знаній, но полагаютъ даже, что ничего объединяющаго и не можетъ и не должно быть. Неудивительно поэтому, если мы встрѣчаемъ попытки и самую философію, которая имѣла нѣкогда значеніе объединяющаго начала, — обратить въ спеціальную науку, ограниченную особою, только ей принадлежащею, сферою изслѣдованія. Полагаютъ этимъ путемъ придать философіи научное значеніе, котораго она будто бы не имѣетъ, при чемъ, говоря о научномъ значеніи философіи, разумѣютъ именно спеціальныя характеры изслѣдованія. Такой взглядъ на науку, усвояющій научное значеніе лишь спеціальнымъ изслѣдованіямъ, имѣетъ связь съ господствомъ эмпирическаго направленія въ современномъ состояніи наукъ, ибо сущность эмпиризма въ томъ состоитъ, что въ нашемъ познаніи онъ придаетъ преувеличенное значеніе

частному, спеціальному на счетъ общаго, забывая что успѣхи наукъ всегда условливались не столько разработкою частныхъ вопросовъ, сколько движеніемъ въ области общихъ идей и воззрѣній. Поэтому напрасны хлопоты о томъ, чтобы философію сдѣлать научною; нѣтъ сомнѣнія, что она всегда имѣла значеніе научное, а если такого значенія она не имѣла, то какъ же она можетъ имѣть его теперь, — во время несомнѣннаго упадка философіи? Не философія нуждается въ томъ, чтобы стать научною, а наоборотъ для спеціальныхъ наукъ необходимо нужно, чтобы онѣ прониклись философскимъ духомъ, ибо наука, лишняя философскаго духа, занятая исключительно спеціальными, мелочными изысканіями, неизбѣжно нисходитъ на степень ремесла, распадаясь на отдѣльныя части, не имѣющія между собою никакой живой, органической связи. Выше показано какъ должно понимать истину, которая есть предметъ и цѣль научнаго изслѣдованія. Истина состоитъ въ такомъ представленіи предмета, которое обнимало бы его во всей цѣлости его отношеній и свойствъ. Между тѣмъ отдѣльная наука, лишняя живой связи съ другими отраслями знаній, до послѣдней степени спеціализованная, не въ состояніи дать полного, по возможности исчерпывающаго, познанія даже подлежащаго ей предмета. Такъ какъ однако-же потребность философіи не искоренима, то вотъ почему мы и видимъ, что въ различныхъ областяхъ знанія пытаются своими спеціальными средствами, не прибѣгая къ помощи другихъ, построить общее, по возможности, широко захватывающее міровоззрѣніе, но, какъ само собою понятно, на дѣлѣ обыкновенно освѣщающее вещи фальшивымъ свѣтомъ слишкомъ узкихъ и, по своему спеціальному значенію, одностороннихъ понятій.

Непосредственный органъ теоретической дѣятельности, чрезъ который дѣятельность эта, переходя въ общество, вступаетъ въ связь съ практическою жизнію и получаетъ такимъ образомъ практическое значеніе, — есть школа. Поэтому самому значенію школы неизбѣжно долженъ былъ возникнуть вопросъ о значеніи школы по отношенію къ жизни и о связи ея съ жизнію. Еще Сенека, въ виду укора современному состоянію школьнаго образованія, выразился такъ: „мы учимся для школы, а

не для жизни“ *). Особенно же настойчиво и въ разнообразныхъ видахъ въ новое время, когда явилось недовольство схоластическимъ образованіемъ, стали повѣряться требованія чтобы школьное образованіе имѣло ближайшую связь съ жизнью. Въ чемъ должна состоять желательная связь школы съ жизнью, объ этомъ далеко нѣтъ ясныхъ понятій. Самый распространенный способъ пониманія этой связи школьной науки съ жизнью въ то же время и самый простой. Полагаютъ, что школа должна снабдить учащихся тѣми именно свѣдѣніями и познаніями, какія могутъ понадобиться въ жизни. Требованію этому удовлетворяютъ профессиональныя школы, назначеніе которыхъ именно заключается въ приготовленіи къ извѣстному роду практической дѣятельности; когда же, какъ это обыкновенно бываетъ, означенное требованіе высказывается въ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ критерія для оцѣнки всякаго, слѣдоват. и общаго образованія, то нельзя не замѣтить, что невозможно предвидѣть какія именно свѣдѣнія окажутся нужными въ жизни, тѣмъ болѣе что науки измѣняются, и свѣдѣнія имѣющія значеніе теперь, могутъ оказаться впоследствии непригодными. Не лучше ли будетъ выполнено назначеніе школы въ томъ случаѣ если она сдѣлаетъ своихъ питомцевъ способными приобрѣтать, впоследствии самостоятельнымъ трудомъ, всякія познанія какія только окажутся необходимыми въ жизни, и вообще если разовьетъ въ нихъ умѣнье освоиться со всякимъ положеніемъ въ жизни и овладѣть имъ такъ, чтобы наилучшимъ образомъ соответствовать всѣмъ вытекающимъ изъ него требованіямъ. Повнимаемая такимъ образомъ задача школьнаго образованія осуществима только однимъ способомъ: посредствомъ развитія умственныхъ и нравственныхъ силъ въ учащихся, чрезъ надлежащее возбужденіе и постепенное укрѣпленіе и усовершеніе въ нихъ лучшихъ качествъ ума и характера, но это въ свою очередь достижимо не чрезъ сообщеніе какихъ либо полезныхъ свѣдѣній, долженствующихъ послужить руководствомъ въ будущей практической дѣятельности, а посредствомъ обща-

*) Non vitae, sed scholae discimus. Ep. 106. Sic effectum est, ut diligentius scrirent (philosophi) loqui, quam vivere.—De liberalibus studiis loquor; philosophi quantum, habent supervacui quantum ab usu recedentis! Ep. 88.

го образованія. Въ чемъ же именно состоитъ это общее образованіе? Вопросъ о связи школы съ жизнью въ сущности сводится къ тому каково должно быть отношеніе между теоретическою дѣятельностію и практическою? Для различныхъ видовъ практической дѣятельности существуетъ соотвѣтственное подготовительное образованіе. Отсюда толки о томъ, что и вообще образованіе должно готовить къ жизни посредствомъ сообщенія полезныхъ свѣдѣній. Казалось бы, что это и должно быть такъ, уже по причинѣ самаго раздѣленія наукъ по спеціальностямъ. Но дѣло въ томъ, что есть науки, которыя хотя и могутъ быть предметомъ спеціальнаго изученія, однако, по содержанію своему, какъ имѣющія значеніе общее, а не спеціальное, не могутъ быть признаны спеціальными. Выше было указано на то что, кромѣ отношенія нашихъ представленій къ самимъ вещамъ представляемымъ, при чемъ конечно отношеніе это должно быть различнымъ по различію предметовъ представляемыхъ, существуетъ еще особое отношеніе тѣхъ же представленій къ субъективнымъ условіямъ и потребностямъ познанія; слѣдуетъ строго различать то какъ относятся представленія наши къ вещамъ представляемымъ отъ того отношенія ихъ, какое они имѣютъ къ субъективнымъ условіямъ и потребностямъ, даннымъ въ самой природѣ нашей; при оцѣнкѣ однихъ представленій важнѣе одно изъ названныхъ отношеній; при разсмотрѣніи же другихъ представленій слѣдуетъ имѣть въ виду преимущественно другое отношеніе. Само собою понятнo, что субъективныя условія познанія должны имѣть общее значеніе для всѣхъ предметовъ познаваемыхъ, какъ бы ни были различны эти предметы; это потому, что природа человека *одна*, а какъ предметовъ познанія можетъ быть *много*, то слѣд. познавательная дѣятельность, въ приложеніи ея къ разнообразнымъ предметамъ познанія, должна появляться какъ единое во многомъ. Какія же это условія? Съ одной стороны, каковъ бы ни былъ предметъ познанія, —необходимою формою выраженія познавательной дѣятельности служить языкъ, и слѣд. въ этомъ отношеніи познаніе необходимо подлежитъ условіямъ, заключающимся въ строеніи языка, въ разнообразныхъ его формахъ и законахъ сочетанія и примѣненія этихъ формъ. Какъ

во всякомъ производствѣ сначала необходимо ознакомиться съ орудіями производства и научиться владѣть ими, надлежащимъ образомъ употреблять ихъ, такъ равно и правильное развитіе познавательной дѣятельности требуетъ предварительнаго изученія необходимаго орудія этой дѣятельности. Съ другой стороны, всѣ познаваемые предметы могутъ быть разсматриваемы какъ опредѣленные величины (пространственныя или количественныя); такая формальная точка зрѣнія одинаково приложима ко всѣмъ познаваемымъ предметамъ; при этомъ разнообразныя отношенія величинъ могутъ быть разсматриваемы сами по себѣ, абстрактно; это потому, что таковыя отношенія опредѣляются и познаются по необходимымъ законамъ нашего мышленія, и слѣдовательно познанія этого рода прежде всего представляютъ для насъ построенія человѣческой мысли, въ которыхъ отображаются основныя свойства и законы умственной дѣятельности человѣка. Такимъ образомъ изученіе математики и языковъ,—разумѣется классическихъ, какъ наиболѣе совершенныхъ по ихъ строенію, въ связи съ изученіемъ понятій и представленій, для которыхъ выраженіемъ и почвою служили эти языки, по своему элементарному характеру, имѣющихъ значеніе общечеловѣческое, а не спеціальное,—то и другое необходимо должно входить въ составъ общаго образованія и даже должно быть основою этого образованія; не говоримъ о религіозномъ образованіи, общее значеніе котораго не подлежитъ сомнѣнію.

Общее образованіе тѣмъ отличается отъ профессиональнаго, что послѣднее имѣетъ въ виду практическіе интересы и служить только приготовленіемъ къ дѣятельности практической, слѣд. цѣль свою имѣетъ не въ себѣ, а внѣ себя, — тогда какъ цѣль общаго образованія заключается въ томъ, что составляетъ сущность дѣятельности теоретической, слѣд. ближайшая цѣль общаго образованія, будучи теоретическою, заключается въ немъ самомъ, а не внѣ его. Значитъ ли это, что общее образованіе пракческаго значенія не имѣетъ? Оно несомнѣнно имѣетъ и практическое значеніе, но только общее, а не спеціальное, слѣд. не ограниченное извѣстнымъ кругомъ практическихъ интересовъ. Многіе изъ тѣхъ, которые разсуждаютъ о связи шко-

лы съ жизнію, не разумѣютъ того, что само по себѣ упражненіе умственныхъ силъ посредствомъ изученія и усвоенія науки, непривязаннаго ни къ какимъ постороннимъ цѣлямъ, наилучшимъ образомъ готовится къ жизни. Выше сказано, что теоретическая дѣятельность производитъ измѣненія во внутреннемъ состояніи дѣйствующаго. Это значитъ, что умственные процессы, состоящіе въ изученіи и усвоеніи произведеній человеческого духа, побуждаютъ изучающаго *работать надъ самими собою*. Самые эти умственные процессы ничто иное какъ трудъ, который мы сами надъ собою совершаемъ. А какое же иное приготовленіе къ жизни можетъ быть лучше и важнѣе этого? Прежде чѣмъ мы въ состояніи будемъ дѣйствовать на другихъ и производить перемѣны въ надлежащемъ направленіи внѣ себя, мы должны потрудиться, при содѣйствіи и руководствѣ другихъ надъ обработкою своей собственной личности; намъ необходимо сначала разработать свои силы, дабы во всеоружіи явиться потомъ на жизненную борьбу. Нужно научиться въ себѣ побѣждать все дурное, дабы мы оказались въ состояніи искоренять злое и содѣйствовать торжеству добра въ жизни. А что же другое, сверхъ религіознаго образованія, можетъ наиболѣе содѣйствовать этому, какъ не изученіе тѣхъ древнихъ языковъ и тѣхъ произведеній человеческого духа, въ которыхъ совершеннѣйшимъ образомъ отпечатлѣлись всѣ лучшія свойства человеческой природы? И специальное образованіе, имѣющее цѣлью приготовленіе къ извѣстному роду практической дѣятельности, только тогда можетъ быть плодотворнымъ, если опирается на предварительномъ общемъ образованіи, такъ какъ общеобразовательные элементы сообщаютъ свою образовательную силу и тѣмъ спеціальнымъ знаніямъ, которыя затѣмъ приобрѣтаются уже не ради себя, а ради иной цѣли, въ видѣ употребленія ихъ впоследствии для общепользныхъ цѣлей.

Сообщеніе и распространеніе образованія не ограничивается предѣлами школы. При средствѣхъ разнаго рода повременныхъ изданій, популярныхъ сочиненій, публичныхъ лекцій, оно распространяется въ обществѣ, смѣшиваясь съ остатками слишкомъ недостаточнаго у многихъ образованія, вынесеннаго изъ

школы. И вся эта беспорядочная масса идей, свѣдѣній, мыслей, разными путями расходящаяся въ обществѣ, величается громкимъ именемъ *просвѣщенія*. Какъ дѣятельность промышленная создаетъ *культуру*, какъ дѣятельность правительственная производитъ *цивилизацию*, такъ научно-теоретическая дѣятельность является главнымъ источникомъ такъ называемаго просвѣщенія. Названіе это имѣетъ свою исторію. Едва ли есть другое выраженіе, которымъ бы такъ злоупотребляли, благодаря его неопредѣленности. Новое образованіе, возникшее на развалинахъ схоластики, получило названіе просвѣщенія, при чемъ имѣлось въ виду такимъ названіемъ какъ можно рѣшительнѣе обозначить противоположность новаго образованія въ отношеніи къ прежнему средневѣковому образованію. Въ чемъ же состоитъ эта противоположность между однимъ образованіемъ и другимъ? Какъ показываетъ это самое наименованіе новаго образованія просвѣщеніемъ, особенность и превосходство его заключается, по общепринятымъ мнѣніямъ, въ томъ, что оно дѣлаетъ все *яснымъ и понятнымъ*, между тѣмъ какъ прежнее образованіе оставляло все во мракѣ и даже усиливало этотъ мракъ, а слѣдовательно было собственно омраченіемъ ума (обскурантизмъ).

Прежде всего самый языкъ средневѣковаго образованія, будучи мертвымъ, кромѣ того слишкомъ искусственнымъ, по причинѣ внесенія въ него множества изобрѣтенныхъ схоластиками терминовъ, затруднялъ усвоеніе и безъ того тяжелой и сухой учености схоластической. Заботились не о томъ, чтобы *разяснить* предметъ, а только чтобы *доказать* извѣстное положеніе посредствомъ длиннаго ряда аргументовъ, которые впрочемъ имѣли силу не сами по себѣ, а въ зависимости отъ признанія авторитета (главн. образ. Аристотеля), на котораго при этомъ ссылались; нельзя однако не признать важнымъ и неоспоримымъ достоинствомъ схоластики то, что она всегда требовала самаго строгаго систематическаго изложенія положеній и доказательствъ; въ этомъ, главнымъ образомъ, заключалось ея образовательное значеніе; она дисциплинировала умъ, пріучала мыслить въ порядкѣ, съ неуклонною, строго выдержанною послѣдовательностію. Когда стали отвергать схоластику, то съ тѣмъ

мѣстѣ было отвергнуто, какъ излишній педантизмъ, какъ напрасное стѣсненіе мысли, и то, что было ея преимуществомъ—систематичность, строгій порядокъ въ изложеніи. Отрывочность и безсвязность изложенія соблазняла своею легкостію, общедоступностію. Систему необходимо изучать; между тѣмъ какъ изложенное въ безпорядочной, отрывочной формѣ достаточно бѣгло прочитати и даже прослушать. Вотъ почему средневѣковое образованіе сосредоточивалось въ школахъ и далѣе школы не заходило; новое же просвѣщеніе нашло для себя пріютъ въ гостинныхъ (во Франціи XVIII в.), а въ противоположность обширнымъ схоластическимъ системамъ создало соотвѣтственную себѣ легкую форму въ видѣ сборниковъ, писемъ, энциклопедическихъ словарей. Схоластикъ подавлялъ умъ своего собесѣдника, или лучше сказать, оппонента ученостію и хитро построенными силлогизмами, и отъ него требовалъ столь же тяжелаго вооруженія. Просвѣщенный человѣкъ новаго времени, напротивъ, такъ сказать, слегка прикасается къ уму своего собесѣдника и лишь возбуждаетъ самодѣятельность его. Посему весьма важное рѣшительное значеніе придается теперь умственной самостоятельности. Это обнаруживается въ томъ, что просвѣщенный человѣкъ новаго времени всего больше боится предразсудковъ, т. е. принятія такихъ мнѣній и взглядовъ, до которыхъ онъ своимъ умомъ не дошелъ, а съ предразсудками тѣсно граничатъ суевѣрія; вотъ почему человѣкъ, считающій себя просвѣщеннымъ, согласится скорѣе быть уличеннымъ въ невѣріи, чѣмъ въ суевѣріи: невѣріе показываетъ умственную самостоятельность, независимость, а быть суевѣрнымъ значитъ быть такимъ же какъ и всѣ. Но умственная самостоятельность, которою такъ дорожитъ человѣкъ просвѣщенный, невозможна безъ систематическаго изученія, чѣмъ онъ такъ пренебрегаетъ. Такъ какъ гармонія нашихъ представленій, идей и съ объективными основаніями и съ субъективными условіями познанія составляетъ настоящую потребность нашего разума, то стоитъ лишь въ установившемся порядкѣ нашихъ идей, въ такъ называемомъ міросозерцаніи исторгнуть одно какое либо возрѣніе, оставивъ мѣсто пустымъ, незанятымъ, или же втиснувъ въ это мѣсто не сродное съ другими представленіе,—неизбѣжнымъ послѣдованіемъ

этаго явится хаосъ, беспорядокъ въ нашихъ мысляхъ. Но собирая отовсюду, изъ разныхъ сомнительныхъ иногда источниковъ, отрывочныя мнѣнія и представленія,—современный просвѣщенный человѣкъ надъ чѣмъ трудится, какъ не надъ тѣмъ, чтобы произвести беспорядокъ въ своихъ идеяхъ и такимъ образомъ, вмѣсто просвѣщенія, онъ на самомъ дѣлѣ погружаетъ свой умъ въ непроглядную тьму. Желая разогнать мракъ и просвѣтить умы своихъ слушателей или читателей, многіе на самомъ дѣлѣ, намѣренно или ненамѣренно, достигаютъ противоположнаго: они только омрачаютъ тотъ свѣтъ, который „просвѣщаетъ всякаго человѣка“, похищаютъ сокровище, не давая ничего въ замѣнъ.

Для тѣхъ, которые, по выходѣ изъ школы, избираютъ тотъ или иной родъ практической дѣятельности, внутренняя работа надъ собою, можно сказать, прекращается; по крайней мѣрѣ она уже не можетъ продолжаться съ такою интенсивностію, съ какою происходитъ или должна происходить въ періодъ школьнаго образованія. Накопленныя учебнымъ опытомъ силы теперь они должны приложить къ дѣлу, между тѣмъ какъ люди, избравшіе цѣлью своей жизни занятія наукою, продолжаютъ и далѣе накапливать капиталъ научныхъ знаній и духовной опытности, но уже не для себя только, а главнымъ образомъ для другихъ. Характеръ практической дѣятельности таковъ, что, забывая о себѣ, необходимо быть постоянно и неослабно внимательнымъ къ существующимъ отношеніямъ, къ положенію вещей и лицъ, дабы во время и рѣшиться и воздерживаться отъ рѣшенія, а въ случаѣ опредѣленнаго рѣшенія вѣрно рассчитать средства къ достиженію предположенной цѣли;—необходимы, словомъ, постоянная бдительность и предусмотрительность. Опытность практическая должна быть соединеніемъ мудрости и мужества; мудрость состоитъ въ основанной на предвѣдѣніи заботливости о томъ, какъ-бы не случилось того, что не желательно; мужество-же состоитъ въ терпѣливомъ перенесеніи невзгодъ, которыхъ невозможно было предотвратить *). Но это отрицательныя качества; положительное-же

*) *Συνοπτικὸν ἀνδρῶν, πρὶν γενέσθαι τὰ δυσχερῆ, προνοῆσαι, ὅπως μὴ γένηται, ἀνδρείων δὲ, γενόμενα εὖ θέσθαι* (Питтакъ Diog. laer. 1,75). Т. е. признакъ мужей мудрыхъ, прежде нежели случилось неприятое, промыслить какъ бы оно не случилось, а признакъ мужественныхъ—случившееся хорошо устроить.

достоинство практическаго дѣателя заключается въ основанномъ на наблюдательности умѣннѣи вѣрно намѣчать цѣли для своихъ дѣйствій и избирать соотвѣтственные средства. При этомъ успѣхъ, удача предпріятія свидѣтельствуютъ о вѣрности нашихъ расчетовъ; а такъ какъ это и есть главное въ практическомъ дѣятелѣ, предполагая, что цѣли избираются всегда достойныя, долженствующія осуществить какое-либо благо,— то вотъ почему успѣхъ въ глазахъ людей практическихъ всегда имѣетъ рѣшающее значеніе въ опредѣленіи достоинства и заслугъ дѣателя. Устремляя же постоянно взоръ на конецъ, на ожидаемый результатъ своихъ дѣйствій, человѣкъ практической чѣмъ болѣе желаетъ этого результата, тѣмъ рѣшительнѣе и настойчивѣе усиливается достичь его. Отсюда энергія, настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, постоянство намѣреній,—качества также высоко цѣнимыя въ практическомъ дѣятелѣ. Совершенно инымъ характеромъ отличается дѣятельность теоретическая. Кто ищетъ знанія, тотъ постоянно занятъ внутренними отношеніями своихъ мыслей и представленій и приспособленіемъ ихъ къ предметамъ познаваемымъ, много разъ обзрѣваетъ изучаемые предметы, во всѣхъ ихъ подробностяхъ пересматриваетъ, и найденное сопоставляетъ съ тѣмъ, что прежде сдѣлалось ему извѣстнымъ, старается привести добытое въ связь съ другими познаніями, установить между ними правильный порядокъ, сообразуясь съ порядкомъ вещей. Все равно, обращается-ли преимущественное вниманіе на отношенія и связь вещей познаваемыхъ, или на отношенія и связь мыслей, къ которымъ приводитъ насъ познаніе вещей,— въ томъ и другомъ случаѣ цѣль одна—познать истину, и дѣятельность познавательная есть по преимуществу внутренняя, направленная не къ тому, чтобы произвести перемѣну во внѣшнихъ реальныхъ отношеніяхъ вещей и лицъ, подѣйствовать извѣстнымъ образомъ на эти отношенія, а только чтобы познать и изъяснить дѣйствительность, какъ она есть, т. е. отобразить оную въ своемъ сознаніи; такимъ образомъ дѣятельность эта всегда вращается во внутреннемъ мірѣ нашихъ представленій, идей, миѣннѣи, а не во внѣшнемъ мірѣ реальныхъ, вещныхъ и личныхъ отношеній. Но внутренний міръ нашего

сознанія находится въ нашей власти: мы можемъ перестраивать его и такъ и иначе; можемъ совершенно измѣнить порядокъ и связь нашихъ идей, ихъ направленіе и характеръ. Поэтому-то люди, занятые постоянно умственнымъ трудомъ, обыкновенно не отличаются твердостью и рѣшительностью характера. Ихъ уму постоянно представляются различныя возможности, разныя комбинаціи идей, и отъ того мысль у нихъ постоянно колеблется: она у нихъ больше бываетъ *испытующею*, чѣмъ *рѣшающею*. Между тѣмъ какъ практическій дѣятель, остановившись на извѣстномъ рѣшеніи, по мѣрѣ исполненія разъ принятаго намѣренія, все болѣе и болѣе укрѣпляется въ немъ и тѣмъ больше, чѣмъ болѣе приближается къ цѣли, человекъ занятый теоретическимъ изысканіемъ имѣетъ несравненно менѣе дѣла съ рѣшеніями, чѣмъ съ изысканіемъ рѣшенія; практическій умъ всего болѣе занятъ не тѣмъ какъ рѣшить вопросъ, но тѣмъ какъ привести въ исполненіе принятое имъ рѣшеніе. Конечно и практическіе вопросы требуютъ предварительнаго рѣшенія; но рѣшеніе такихъ вопросовъ отыскивается въ интересѣ *исполненія* его, а не въ интересѣ самого рѣшенія. Поэтому слишкомъ продолжительное изысканіе (но не исполненіе) рѣшенія поставленнаго вопроса, — это дѣло теоретиковъ, а не практиковъ. Коль скоро теоретикъ рѣшаетъ вопросъ, то затѣмъ ему ничего не остается какъ переходить къ новому вопросу; главное его дѣло заключается вѣдь въ *отысканіи* опредѣленныхъ рѣшеній, почему и сущность науки полагали всегда не столько въ обладаніи уже готовымъ знаніемъ, сколько въ исканіи его, въ стремленіи къ нему. Напротивъ для практика, когда вопросъ рѣшенъ, то здѣсь именно и начинается настоящее дѣло, — именно осуществленіе принятаго рѣшенія, и тутъ-то потребны указанная выше качества, отличающія практическихъ людей. Поэтому слишкомъ продолжительныя разслѣдованія вопросовъ болѣе успѣшны въ академіяхъ, чѣмъ въ административныхъ учрежденіяхъ. Правда, — и поспѣшность въ принятіи рѣшеній справедливо иногда осуждается. Но поспѣшность только тогда и бываетъ пагубна, когда источникъ ея заключается въ томъ же, откуда истекаетъ не менѣе пагубная медлительность, именно когда она происходитъ

отъ незнанія существующихъ отношеній и условій данной дѣйствительности, среди которой приходится дѣйствовать, отъ недостатка опредѣленнаго, основаннаго на твердыхъ началахъ, и послѣдовательнаго плана для дѣятельности, когда вмѣсто того господствуетъ случай. Съ другой стороны, не отличаясь рѣшительностію и устойчивостію, когда дѣло идетъ о принятіи рѣшенія, теоретики въ нѣкоторомъ смыслѣ являются болѣе смѣлыми, идущими несравненно далѣе, чѣмъ люди практическіе. Съ реальными отношеніями людей и вещей невозможно обращаться съ такою же свободою, съ какою мы обращаемся съ нашими представленіями. Отъ этого происходитъ, что люди практическіе, которые постоянно возвращаются въ средѣ реальныхъ отношеній, всегда имѣютъ въ виду и наиболѣе цѣнятъ лишь осуществимое при данныхъ условіяхъ и сообразное съ ними; между тѣмъ какъ теоретики, рѣшая вопросы практическіе, мало бывають склонны обращать вниманіе на условія самаго осуществленія предположеннаго рѣшенія. Ихъ вниманіе обращено не столько на самое осуществленіе, сколько на содержаніе извѣстнаго рѣшенія; для нихъ важнѣе всего оцѣнка этого рѣшенія по внутреннимъ отношеніямъ входящихъ въ него понятій и на основаніи общихъ началъ. Потому-то постоянно мы видимъ примѣры того, что теоретически стройно и всесторонне разработанныя рѣшенія на практикѣ оказываются мало пригодными и вовсе не приводятъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, какихъ ожидали.

На основаніи предыдущаго мы вправѣ кажется утверждать, что слѣдуетъ строго разграничивать дѣятельность теоретическую и практическую, и слѣдовательно не всегда умѣстно въ рѣшеніи практическихъ вопросовъ ссылаться на науку и скрѣплять ея авторитетомъ не рѣдко фантастическіе планы и рѣшенія; не дѣло практическихъ людей заниматься обширными изслѣдованіями вопросовъ, ибо жизнь не стоитъ, и то, съ чѣмъ вначалѣ бываетъ легко сладить, потомъ оказывается трудно исправимымъ. Съ другой стороны очевидно теперь, можно ли признать сообразными съ дѣятельностію теоретическою людей занятыхъ наукою,—занятія практическія, и слѣдуетъ ли поэтому привлекать къ практическимъ занятіямъ тѣхъ, для

которыхъ прямымъ призваніемъ должно быть изученіе и разработка науки. Возможны конечно случаи успѣшнаго веденія дѣлъ практическихъ и представителями дѣятельности научной, но только такой успѣхъ достижимъ не иначе какъ съ ущербомъ для послѣдней. Дѣятельность практическая и дѣятельность теоретическая требуютъ условій далеко не одинаковыхъ къ успѣшному ихъ развитію. Практическій дѣятель обязанъ всегда имѣть въ виду *полезное*, а потому первый вопросъ, представляющійся его уму, когда дѣло идетъ о принятіи какой либо мѣры, есть тотъ,—какая можетъ быть отъ этого польза, разумѣется обществу и народу, которому онъ призванъ служить. Но если бы теоретикъ, занятый изслѣдованіемъ научныхъ вопросовъ, при этомъ постоянно допрашивалъ себя, будетъ ли отъ его занятій кому какая польза, то несомнѣнно что его рвеніе много охладѣло бы отъ такого спрашиванія себя, и дѣло науки мало отъ того выиграло бы. Первостепенную важность для него имѣетъ лишь вопросъ не о полезности, а объ истинности тѣхъ выводовъ, къ какимъ онъ приходитъ. Равнымъ образомъ и наоборотъ, трудно ожидать много пользы отъ тѣхъ дѣятелей на поприщѣ практическомъ, которые всего болѣе беспокоятся на счетъ того, согласно ли съ послѣдними выводами науки то,— что они обязаны дѣлать.

П. Липицкій.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

Классическіе народы древности, греки и римляне, по справедливости могутъ быть названы великими учителями современнаго человѣчества. Они одни указали человѣческой мысли путь къ великимъ открытіямъ, развитіе которыхъ составляетъ сущность цивилизаціи нашего времени, — и рѣшительно можно сказать, что, нѣтъ такой стороны жизни, которая не была бы затронута и значительно развита этими народами. Науки, искусства, политическія учрежденія, взумляющія своею строгостію, законы, справедливо названные писаннымъ разумомъ, даже правила нравственности, иногда весьма близко граничащія съ высокими нравственными истинами христіанства, зародились и выработались у нихъ и готовыми переданы въ наслѣдіе народамъ Европы. Десятки вѣковъ прошли съ того времени, какъ умерли греки и римляне, а между тѣмъ доселѣ плоды ихъ развитія интересуютъ умы просвѣщенныхъ людей, и каждый въ оставленномъ ими наслѣдствѣ находитъ нужное по интересующему его вопросу. Къ сожалѣнію наше общество мало знакомо съ высокими произведеніями классическаго міра и, должно сознаться, мало заинтересовано ими, что намъ кажется весьма естественнымъ при недостаткѣ или, вѣрнѣе, отсутствіи твореній классическихъ писателей на русскомъ языкѣ. Въ виду этого недостатка съ одной стороны и высокаго интереса, какой имѣютъ въ себѣ эти произведенія — съ другой — мы намѣрены познакомить читателей съ нѣкоторыми произведеніями одного изъ популярнѣйшихъ въ свое и въ послѣдующія времена римскихъ писателей, философа Сенеки. Про-

изведенія эти представляют собою кодекс нравственныхъ правилъ, которыя выработалъ умъ древнихъ въ руководство къ достиженію на землѣ высшаго блага или счастья и служатъ нагляднымъ доказательствомъ того, что умъ естественнаго человѣка весьма могучъ и высокъ, но въ своихъ стремленіяхъ къ указаннымъ человѣку высокимъ цѣлямъ онъ безсиленъ самъ по себѣ безъ Божественнаго свѣта и помощи; только при этомъ условіи человѣкъ можетъ достигнуть счастья или блаженства, къ которому Богъ предназначилъ человѣка, и которое уготовано для него въ иномъ мірѣ. Кромѣ того упомянутыя произведенія имѣютъ еще и другое значеніе: они могутъ и въ настоящее время при свѣтѣ христіанскаго ученія служить во многихъ частныхъ случаяхъ руководствомъ къ жизни и указать тотъ путь, который ведетъ къ истинному благу или счастью.

Вопросъ о счастьѣ или высшемъ благѣ и условіяхъ, при которыхъ оно можетъ быть достигнуто, — самый близкій сердцу человѣка и всегда занималъ умъ его. У классическихъ народовъ онъ выступилъ впрочемъ довольно поздно и именно, когда началось разложеніе государства, утеряна была политическая свобода и національная независимость, когда не стало, слѣдовательно, опоры ни въ общественной жизни, ни въ семейныхъ нравахъ, ни въ религіи, осмѣянной ихъ же собственными поэтами. Рѣшить задачу, какъ доставить человѣку внутреннее счастье, взяла на себя философія, которая спизошла теперь съ высоты идеализма на практическую почву и образовала въ рѣшеніи заняшаго ее вопроса три различныя направленія, извѣстныя въ исторіи подъ именемъ школъ: стоической, эпикурейской и скептической. Конечно, ни одна изъ этихъ школъ и даже всѣ вмѣстѣ (эkleктизмъ) *) не дали вѣрнаго и рѣшительнаго отвѣта на данный вопросъ, тѣмъ не менѣе значительно освѣтили искомый путь и особенно стояки, которые были даже близки къ истинѣ. Вотъ въ общихъ чертахъ ихъ ученіе. Человѣкъ, чтобы быть счастливымъ, долженъ стремиться къ нравственному совершенству. Мудрость есть единственный путь къ этому совершенству, а философія —

*) Редакція не замедлитъ познакомить читателей съ каждымъ изъ упомянутыхъ направленій.

единственный путь къ мудрости. Слѣдовательно, чтобы быть счастливымъ, человѣкъ долженъ заниматься философіей или усовершенствовать свой разумъ. Разумъ, который, какъ законъ природы, обнимаетъ собою весь міръ и имъ управляетъ, является въ человѣкѣ тѣмъ принципомъ, который руководитъ при выборѣ того, что должно дѣлать и чего не дѣлать; онъ есть воля тожественнаго, по понятіямъ стоиковъ, съ міромъ Бога и источникъ того нравственнаго закона, который обязываетъ человѣка стремиться къ совершенству. Поэтому согласная съ высочайшимъ разумомъ и божественною волею (или съ природою) жизнь есть добродѣтельная или, что тоже, счастливая жизнь. Отсюда добродѣтельная (согласная съ природою) жизнь есть высшая цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій и добродѣтель единственное дѣйствительное благо человѣка и въ ней заключается блаженство. Если добродѣтель единственное благо, то, естественно, порокъ—единственное зло. Для того, чтобы сдѣлаться добродѣтельнымъ, необходимо прежде всего умѣть правильно различить и оцѣнить добро и зло, благодаря чему въ душѣ, естественно, должно явиться стремленіе къ одному и отвращеніе отъ другаго. Господство духа надъ всѣми неправильными или противорѣчащими разуму движеніями души или надъ всѣми *аффектами* и страстями, которые рождаются изъ ложнаго и извращеннаго представленія о добрѣ и злѣ,—второе необходимое условіе въ дѣлѣ нравственнаго совершенства человѣка. Такія душевныя движенія, — какъ печаль, радость, страхъ и т. п.,—должны быть признаны болѣзнями души и истинный мудрецъ долженъ подавлять ихъ въ себѣ; его вѣсгдашнее состояніе—совершенный покой; какъ добродѣтельный—онъ совершенно счастливъ, и его счастье не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться, онъ стоитъ выше всякихъ внѣшнихъ случайностей. Поэтому мудрецъ только и можетъ быть хорошимъ правителемъ, добрымъ и благороднымъ гражданиномъ, вѣрнымъ другомъ и т. п., короче,—одинъ онъ способенъ выполнить въ совершенствѣ все то, что потребуетъ отъ него жизнь.—Сенеку считаютъ, обыкновенно, стоикомъ, хотя, должно сказать, что ко времени его стоицизмъ значительно видоизмѣнился, и Сенеку должно назвать *электикомъ*. Не

ограничиваясь ученіемъ стоиковъ, онъ свободно бралъ изъ ученія другихъ школъ все то, что считалъ согласнымъ съ тѣмъ идеаломъ нравственнаго человѣка, который предносился предъ его мысленнымъ взоромъ.

Луцій Анней Сенека былъ сынъ ритора Марка Аннея Сенеки и родился въ испанскомъ городѣ Кордубѣ (нынѣ Кордова) около 751 года отъ основанія Рима или за три года до Рождества Христова. Отецъ его принадлежалъ къ богатому сословію всадниковъ и кромѣ Аннея Сенеки имѣлъ еще двухъ сыновей, старшій изъ которыхъ, Новакъ Сенека, усыновленный Галліономъ, былъ проконсуломъ въ Ахаіи и извѣстенъ христіанамъ своимъ благороднымъ отвѣтомъ евреямъ, приведшимъ къ нему на судъ въ Коринѣ Апостола Павла (Дѣян. XVIII гл. 12—17 ст.). Въ ранней молодости Анней Сенека переселился съ отцомъ въ Римъ, — гдѣ получилъ блестящее по тому времени образованіе. Учителями его были знаменитые въ то время въ Римѣ наставники философіи: стоикъ Атталъ, пифагореецъ Сотіонъ изъ Александріи и эклектикъ Папірій Фабіанъ. На сколько сильно было вліяніе учителей этихъ на Сенеку, можно судить по собственнымъ словамъ его. Вотъ какъ говоритъ онъ объ этомъ: „Побуждаемый доводами Сотіона, я сталъ воздерживаться отъ мясной пищи, и по прошествіи года мнѣ это было не только легко, но и пріятно. Мнѣ казалось, что духъ мой пріобрѣлъ чрезъ то больше живости, да и теперь бы я не сталъ утверждать, что это было такъ *). Когда я не слушалъ Аттала, говоритъ онъ далѣе, громящаго пороки, заблужденія, дурныя стороны жизни, я сожалѣлъ тогда о родѣ человѣческомъ.... А когда онъ начиналъ восхвалять бѣдность и доказывать, какъ все то, что выходитъ изъ границъ необходимаго, составляетъ лишнюю и тяжелую для несущаго тяжесть, то мнѣ часто хотѣлось выдти изъ школы нищимъ. Когда онъ начиналъ порицать наши удовольствія, похвалять цѣломудріе, трезвость, чувство, чистое не только отъ непозволительныхъ, но просто и отъ излишнихъ удовольствій, то хотѣлось отказать въ удовлетвореніи и горлу и желудку“. **) По окончаніи образованія Сенека, несмотря на

*] Ep. 108. **) Ibid.

свое расположеніе къ философіи, усиленное вліяніемъ столь знаменитыхъ учителей, по желанію своего отца, выступилъ на общественную дѣятельность въ качествѣ адвоката и скоро, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, приобрѣлъ себѣ на этомъ поприще громадную извѣстность. Скоро однако онъ, къ своему удовольствію, бросилъ адвокатуру. Причиною, побудившею его между прочимъ оставить адвокатскую карьеру послужило кромѣ личнаго желанія слѣдующее еще обстоятельство. Однажды онъ сказалъ прекрасную блестящую рѣчь въ присутствіи сумасброднаго императора Калигулы и возбудилъ въ немъ зависть. Опасаясь развитія этого чувства къ себѣ въ своемъ соперникѣ, который имѣлъ несчастную привычку завидовать даже мертвецамъ, какъ Гомеру, Виргилію и Т. Ливію, -- счелъ за лучшее на всегда оставить ораторскую трибуну и тѣмъ спасти себя *). Послѣ этого, снова уступая просьбамъ родныхъ, онъ поступилъ на государственную службу и сдѣлался квесторомъ. Судьба однако не благопріятствовала Сенекаѣ на государственной службѣ и тѣмъ спасла его отъ опасности увлечься и погрузиться въ мелочи и суету общественной жизни. По интригамъ коварной Мессалины онъ впалъ въ немилость у императора Клавдія и долженъ былъ удалиться въ 41 году по Рож. Хр. въ изгнаніе на дикій и пустынный островъ Корсику. Эта ссылка, продолжавшаяся восемь лѣтъ, имѣла рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу и дѣятельность Сенеки. Вдали отъ всѣхъ жизненныхъ тревоженій, свободный отъ многостороннихъ вліяній, препятствовавшихъ ему глубже вникнуть въ самага себя и во все его окружавшее и отнестись къ этому критически, онъ всецѣло теперь посвятилъ себя заинтересовавшимъ его еще на школьной скамьѣ вопросамъ о цѣли жизни и ея истинномъ достоинствѣ, короче -- онъ всецѣло посвятилъ себя философіи, къ которой онъ чувствовалъ склонность съ юныхъ лѣтъ и которая одна, по его мнѣнію, могла доставить человѣку истинное счастье. Съ этого времени начинается рядъ его произведеній, которыя доставили ему славу не только у современниковъ, но и у дальнѣйшихъ потомковъ и новыхъ народовъ.

Между тѣмъ въ теченіи восьмилѣтней ссылки Сенеки поло-

*) Suet. calig. 34.

женіе дѣлъ въ Римѣ существенно измѣнилось. Низкая Мессалина была низвержена и умерщвлена, а ея мѣсто заступила Юлія Агриппина, которая привела Клавдію отъ своего перваго брака сына Клавдія Нерона. Въ 49 году по Р. Хр. по настоянію Юліи Сенека возвращенъ былъ изъ своего изгнанія, — и императрица поручила ему воспитаніе своего сына Нерона, котораго Клавдій усыновилъ и объявилъ наслѣдникомъ императорскаго престола. Со всѣмъ усердіемъ взялся философъ за возложенное на него великое дѣло воспитанія будущаго правителя міра и успѣлъ приобрѣсти такую любовь со стороны своего воспитанника, что въ первые пять лѣтъ, по вступленіи на престолъ, Неронъ считалъ своего учителя единственнымъ другомъ и совѣтникомъ и награждалъ его съ удивительною щедростію. Но воспитаніе не могло переродить Нерона и дикія, необузданныя страсти взяли перевѣсъ надъ благотворнымъ вліяніемъ Сенеки. Лишь юный императоръ почувствовалъ себя самостоятельнымъ и неограниченнымъ въ своей власти человѣкомъ, — дурныя стороны его природы рѣзко выступили наружу и строгій и просвѣщенный совѣтникъ сдѣлался ему въ тягость. Впрочемъ онъ старался долгое время скрывать свои истинныя чувства къ своему учителю подъ маскою любви и преданности, но въ глубинѣ души искалъ благовиднаго предлога избавиться отъ его совѣтовъ и наставленій. Лъстецы императора и недоброжелатели философа скоро нашли желанный ему и видимо благовидный предлогъ. Противъ Нерона образовался заговоръ, во главѣ котораго стоялъ хорошо знакомый съ Сенекою Кальпурній Пизонъ, и Сенеку обвинили въ участіи въ заговорѣ. Это тѣмъ легче можно было сдѣлать, что Сенека, порвавшій всякія уже сношенія съ Пизономъ, сказалъ въ присутствіи одного изъ посланныхъ отъ императора, что онъ употребитъ всѣ успія, чтобы спасти этого человѣка. Слова свои философъ подтвердилъ предъ лицомъ Нерона и послѣдній, не принимая отъ него никакихъ разъясненій и оправданій, объявилъ ему чрезъ трибуна смертный приговоръ. Впрочемъ въ знакъ особаго расположенія онъ предоставилъ ему право избрать себѣ родъ смерти и умереть самому. Въ 65 году по Рож. Хр. Сенека открылъ себѣ, во время приема ванны, артерію и умеръ

съ стоической твердостью и спокойствіемъ. Вѣрная жена его Паулина не хотѣла пережить своего мужа и добровольно избрала было себѣ тотъ же родъ смерти, но узнавшій объ этомъ Неронъ приказалъ остановить кровь и излѣчить рану, такъ что она по необходимости прожила еще нѣсколько лѣтъ.

Аполлонъ Майковъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній влагаетъ въ уста Сенеки слѣдующія предсмертныя слова, обращенныя къ друзьямъ:

Творецъ мнѣ разумъ строгій далъ,
 Чтобъ я вселенную извѣдалъ,
 И что въ себѣ и въ ней позналъ,—
 Въ науку бѣ познимъ внукамъ предалъ.
 Послалъ оны въ встрѣчу злобу мнѣ,
 Развратъ чудовищный и гнусный,
 Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
 Средь бурь окрѣпъ въ борьбѣ искусной,
 Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
 Я образъ свой напечатлѣлъ. —
 Я все свершилъ. Мой образъ выдать.
 Еще рѣзца послѣдній взмахъ
 И гордо встанеть оны въ вѣкахъ.

И дѣйствительно, Сенека пользовался самымъ высокимъ уваженіемъ какъ у своихъ современниковъ, такъ и во всѣ послѣдующіе вѣка. Квинтиліанъ говоритъ, что оны почти одинъ изъ всѣхъ ораторовъ читался современною ему молодежи. Отцы церкви, начиная съ Тертуліана, относились также къ нему съ глубокимъ почтеніемъ за его нравственныя сентенціи, въ которыхъ видѣли много христіанскаго. Сложилось даже мнѣніе, теперь уже признанное положительно несостоятельнымъ, но важнее для характеристики взгляда на личность философа,—что оны находился въ перепискѣ съ Апостоломъ Павломъ *). Въ средніе вѣка Сенека читался съ увлеченіемъ и въ числѣ своихъ почитателей имѣлъ извѣстныхъ ученыхъ людей того времени. Въ XVIII вѣкѣ имъ увлекались французы и особенно Дидро, такъ какъ въ тогдашнемъ состояніи и литературномъ направленіи Франціи было много сходнаго съ состояніемъ Рима во время Сенеки.

*) Желающій познакомиться съ эгой перениской могутъ обратиться въ „Православное Обозрѣніе“ за 1883 г. январь стр. 115—160.

Сенека одинъ изъ самыхъ плодovitыхъ писателей своего времени. До насъ дошли слѣдующія его сочиненія: „О гнѣвѣ“ (De ira), „Утѣшительныя посланія къ матери Гельвіи, къ Полибію и къ Марціѣ“, „О провидѣніи“ (De providentia), „О спокойствіи духа“, (De animi tranquillitate), „О постоянствѣ мудреца“, „О кратковременности жизни“, „О счастливой жизни“, 124 письма къ Луцилію философскаго содержанія и многія другія. Изъ этого множества произведеній мы намѣрены познакомить читателей съ нѣкоторыми избранными его письмами, къ нѣкоему Луцилію, которыя, кромѣ того, что могутъ служить прекрасною иллюстраціей къ характеристикѣ стоической философіи вообще и Сенеки, въ частности, представляютъ интересное и назидательное чтеніе, побуждая къ добродѣтели, предостерегая отъ пороковъ, утѣшая въ скорбяхъ и придавая вообще нравственную силу и мужество.

ПИСЬМО I *)

О НЕОБХОДИМОСТИ ДЛЯ ЖИЗНИ ИСТИННОЙ ФИЛОСОФИИ.

Ты ясно видишь, Луцилій, **) что безъ мудрости никто не можетъ жить счастливо, и даже сносно, что счастливою становится жизнь при совершенной мудрости, а пріятною при первомъ успѣхѣ въ занятіяхъ ея. Но эту очевидную истину нужно укрѣплять въ себѣ и глубже напечатлѣвать ежедневнымъ размышленіемъ. Прекрасное представить себѣ гораздо легче, чѣмъ удержать въ себѣ то, что представилъ. Настойчиво и со всѣмъ усердіемъ должно стремиться къ тому, чтобы доброе желаніе стало въ тебѣ твердою рѣшимостью. Нѣтъ нужды говорить объ этомъ много и доказывать; я вижу, что ты много преуспѣлъ. Я знаю, откуда исходитъ то, что ты мнѣ пишешь: тутъ нѣтъ притвор-

*) Въ порядкѣ расположенія писемъ мы не слѣдуемъ ни одному изъ изданій на латинскомъ языкѣ, такъ какъ намѣрены знакомить читателей только съ тѣми изъ нихъ, которыя представляютъ сравнительно большій интересъ и назидательность. Для интересующихся мы будемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указывать №№ подлинника по изданію: Amstelodami, apud Danielelem Elsevirium, 1672 г. Означенное письмо значится въ этомъ изданіи подъ № XVI.

**) Луцилій былъ другъ Сенеки. Онъ занималъ должность правителя Сициліи и извѣстенъ былъ своимъ образованіемъ и поэтическимъ талантомъ.

ства, нѣтъ покраски. Все-таки я выскажу тебѣ свое мнѣніе: я уже надѣюсь на тебя, но еще не увѣренъ въ тебѣ. Желая, чтобы и ты поступалъ также. Не будь легкомысленъ и скоро не довѣрай самому себѣ, но испытывай себя, размышляй, осматривайся со всѣхъ сторонъ. Прежде всего посмотри, сдѣлалъ ли ты шагъ впередъ только въ философіи, или провелъ это и въ жизнь. Философія не для народа и не на показъ придуманное искусство и заключается не въ словахъ, а въ дѣлахъ. Ею занимаются не для того, чтобы доставить себѣ въ теченіи дня какое-нибудь удовольствіе или избавиться отъ тоски при досугѣ: она формируетъ и образуетъ духъ, упорядочиваетъ жизнь, управляетъ нашими дѣйствіями, указываетъ намъ, что мы должны и чего не должны дѣлать, стоять, *такъ сказать*, у руля и управляетъ ходомъ корабля въ опасныхъ мѣстахъ. Безъ нея никто не безопасенъ. Ежечасно является безчисленное множество случайностей, требующихъ обдуманности и опредѣленнаго въ отношеніи къ нимъ рѣшенія, за которымъ должно обращаться къ философіи. Намъ скажутъ: „какая мнѣ польза отъ философіи, если существуетъ фатумъ? *) Что въ ней пользы, если управляетъ всѣмъ Богъ? На что она нужна, если всѣмъ распоряжается случай? **) Вѣдь нельзя измѣнить рѣшеннаго и нельзя принять никакихъ мѣръ противъ неизвѣстнаго: или Богъ предупредилъ мое намѣреніе и опредѣлилъ, что мнѣ дѣлать, или фортуна не сдѣлаетъ никакой уступки въ пользу моего рѣшенія“. Что-бы изъ всего этого ни существовало, мой Луцилій, хотя-бы все вмѣстѣ, должно заниматься философіей. Связалъ ли насъ своими неумолимыми законами фатумъ, располагаетъ ли всѣмъ Управитель всего Богъ, или всѣми человѣческими дѣлами распоряжается безъ всякаго порядка случай,—философія должна насъ защищать. Она будетъ убѣждать насъ съ покорностію повинно-

*) Стоики признавали, что міромъ управляетъ фатумъ, или рокъ. Подъ фатумомъ древніе разумѣли божество, олицетворявшее собою ту идею, что будто, въ силу какой то неизбежной необходимости судьба, людей и событія міра заранѣе опредѣлены. Самы боги подчинены были неодолимымъ опредѣленіямъ фатума—судьбы и потому фатумъ считался въ представленіи древнихъ—верховной, неумолимой рѣшительницей. Это какъ-бы высшій міровой порядокъ. Греки называли это божество *Ананке*.

**) Мнѣніе эпикурейцевъ.

ваться Богу и твердо противостоятъ случаю; она научить насъ слѣдовать Богу и переносить удары судьбы. Я не буду теперь вдаваться въ разсужденія о томъ, что же остается намъ, если управляетъ провидѣніе, если мы скованы фатумомъ, или если господствуетъ надъ всѣмъ случайность и неожиданность,—обращусь въ увѣщанію тебя не охлаждать своего рвенія и не допускать ослабленія духа. Укрѣпляй его и старайся, чтобы настоящіе порывы его обратились въ его собственность.

Ты уже сначала посматриваешь: „какой же подарочекъ принесло мнѣ это письмо“. Поищи и найдешь. Моего собственного нѣтъ: я до сихъ поръ еще щедръ на чужое. Впрочемъ зачѣмъ я сказалъ чужое? Кѣмъ бы ни было сказано хорошее,—оно мое, какъ и слѣдующія слова Эпикура: „если ты будешь жить согласно съ природою, никогда не будешь бѣденъ; если же будешь жить увлекаясь пустою мечтою, никогда не будешь богатъ“. Природа требуетъ немногаго, мечта безконечно многого. Пусть соберется къ тебѣ все, что имѣютъ многіе богачи; пусть фортуна дастъ тебѣ денегъ болѣе того, что можетъ быть у частнаго человѣка, пусть покроетъ тебя золотомъ, одѣнетъ въ пурпуръ; доставятъ тебѣ такое обиліе роскоши и богатства, что ты покроешь землю мраморомъ, и не только будешь владѣть богатствами, но и попирать ихъ ногами, пусть будутъ у тебя статуи, картины и все, что готовитъ трудъ художника для роскоши:—ты сверхъ этого пожелаешь еще большаго. Потребности, согласныя съ природою, имѣютъ границы, а рождающіяся изъ ложной мечты, не имѣютъ себѣ предѣловъ. Ложному нѣтъ границы. Для идущаго по дорогѣ есть конецъ ея, а заблужденіе безпредѣльно. Избѣгай суетваго, и, когда хочешь знать, согласно ли съ природою то, къ чему ты стремишься, или это слѣпое влеченіе,—подумай о томъ, можетъ-ли это *пожеланіе* гдѣ либо остановиться. Если послѣ того, какъ оно далеко уже зашло, остается еще что нибудь дальше, то знай,—оно несогласно съ природою.

ПИСЬМО II

ЗАБОТЫ О ЗЕМНЫХЪ БЛАГАХЪ НЕ ДОЛЖНЫ СЛУЖИТЬ ПРЕПЯТСТВИЕМЪ ВЪ
СТРЕМЛЕНИИ КЪ МУДРОСТИ.'

Если ты мудръ, даже если хочешь быть мудрымъ, оставь все, и полнымъ ходомъ, всѣми силами стремись къ тому, чтобы образоваться въ себѣ добрый навыкъ. Если есть что задерживающее тебя, освободись отъ этого, отсѣки это. „Мнѣ, говоришь ты,—препятствуютъ хозяйственныя дѣла. Я хочу такъ устроить ихъ, чтобы у меня было довольство; чтобы, когда начну заниматься философіей, ни меня не тяготила бѣдность, ни я никому не былъ бы въ тягость“. Если ты такъ говоришь, то, кажется, не знаешь важности и значенія того блага, о которомъ думаешь. Хотя ты понимаешь главное, т.-е. сколь много пользы приносятъ философія, но еще не разсмотрѣлъ достаточно основательно подробностей. Ты еще не знаешь, какъ много она оказываетъ намъ помощи повсюду; не знаешь—скажу словами Цицерона, „какъ она является помощницей въ дѣлахъ самыхъ важныхъ и снисходить до самыхъ ничтожныхъ“. Вѣрь мнѣ и призови ее на совѣтъ. Она посоветуетъ тебѣ не сидѣть за счетами. Не того ли ты ищешь и не того ли желаешь достигнуть этой отсрочкой, чтобы тебѣ не бояться бѣдности? А не слѣдуетъ ли ея желать? Многимъ богатство служило препятствіемъ къ занятію философіей, — а бѣдность ничѣмъ не связана и безопасна. Если бьетъ барабанъ, она знаетъ, что не ее требуютъ; если происходитъ какая либо суматоха, она старается о томъ, какъ выдти, а не о томъ, что вынести. Если нужно бѣдняку плыть по морю, то не бываетъ шума въ гавани, не суетятся провожающіе его на берегу, не окружаетъ его толпа рабовъ, для прокормленія которыхъ нужно желать особаго плодородія въ заморскихъ странахъ. Прокормить нѣсколько здоровыхъ желудковъ легко; они ничего большаго не желаютъ, какъ только быть наполненными. Голодь требуетъ немногаго, многого требуетъ тщеславіе. Бѣдность довольствуется удовлетвореніемъ настоящимъ нуждамъ. Зачѣмъ же тебѣ отказываться отъ такого сожителя,

нравамъ котораго подражаетъ здравомыслящій богачъ? Если хочешь быть свободенъ духомъ, то долженъ быть или бѣднякомъ или подобнымъ бѣднику. Безъ заботы объ умѣренности не можетъ быть плодотворно занятіе, а умѣренность есть добровольная бѣдность. Итакъ, оставь извиненія такого рода: „у меня нѣтъ еще столько, сколько нужно; если я наберу до такой-то суммы, тогда всецѣло предамся философіи“. Ничего не должно прежде готовить, — а начинать съ того, что ты откладываешь и ставишь послѣ остальнаго. Ты скажешь: „я готовлю то, чѣмъ жить“. Учись вмѣстѣ и готовить. Если есть препятствіе къ тому, чтобы хорошо жить, то нѣтъ препятствій къ тому, чтобы хорошо умереть. Бѣдность, даже немѣняе, не должно отвлекать насъ отъ философіи. Стремящійся къ ней долженъ переносить даже такой недостатокъ, какой терпѣли нѣкоторые во время осады. А какая награда бываетъ тамъ за это терпѣніе, какъ не та, чтобы не впасть въ руки побѣдителя? На сколько же важнѣе то, когда обѣщается постоянная свобода и отсутствіе страха и предъ человекомъ и предъ Богомъ? *) Къ этому долженъ стремиться даже мучимый голодомъ. Войска терпятъ лишеніе во всемъ, питаются корнями травъ и переносятъ невыразимый голодь за царство, даже — удивительно — иногда чужое, — усумнится ли кто перенести бѣдность для того, чтобы доставить духу свободу отъ необузданныхъ страстей? Итакъ, не нужно прежде всего заниматься приобрѣтеніемъ; къ философіи можно дойти безъ расходовъ по пути. Дѣло, слѣдовательно, въ томъ: ты желаешь имѣть мудрость тогда, когда будешь имѣть все, — а это все должно быть вспомогательнымъ средствомъ въ жизни я, такъ сказать, придачею къ ней. Нѣтъ, если ты что либо имѣешь, философствуй уже; отсюда ты узнаешь, не много ли ты уже имѣешь? Если у тебя ничего нѣтъ, ищи прежде философію, чѣмъ что либо другое. „У меня нѣтъ необходимаго“, — скажешь ты. Во первыхъ въ необходимомъ не можетъ быть не-

*) Подъ страхомъ здѣсь должно разумѣть болѣзненное тяжелое, гнетущее чувство, котораго не должно смѣшивать съ тѣмъ страхомъ, какой бываетъ въ отношеніи къ Богу у людей богобоязливыхъ и добродѣтельныхъ. Тотъ страхъ, какъ растворимый любовью, долженъ быть названъ благоговѣніемъ.

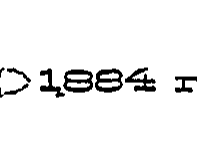
достатка, такъ какъ природа требуетъ немногаго; а мудрецъ согласуется съ природою... Я могъ бы этимъ закончить свое письмо, если бы не потворствовалъ тебѣ. Царей парфянскихъ никто не могъ привѣтствовать безъ подарка, и съ тобою нельзя проститься даромъ. Заимствую для тебя изреченіе Эпикура: „Для многихъ пріобрѣтеніе богатства было не концомъ несчастія, а замѣною одного другимъ“. Я не удивляюсь этому. Бѣда лежитъ не въ вещахъ, а въ самомъ духѣ. То, что сдѣлало тяжкою бѣдность, сдѣлаетъ и богатства тяжелыми. Какъ все равно, положишь ли ты больного на золотую или на деревянную кровать, куда угодно перенесешь его,—онъ перенесетъ болѣзнь съ собою: такъ все равно, будетъ ли больной духъ находится въ богатствѣ, или бѣдности, несчастіе его послѣдуетъ за нимъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Января № 1. 1884 года.

Содержаніе: Опреждленія Святѣйшаго Синода. — Свѣдѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи за вторую половину 1883 г. — Списокъ лицъ Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству преподано благословеніе Св. Синода. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки.

Опреждленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 7 декабря 1883 года за № 10, о преподааніи священнослужителямъ наставленій относительно проповѣдей по поводу общественныхъ событій, или кончины общественныхъ дѣятелей.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли разсужденіе о томъ, что нѣкоторые священники, въ особенности изъ городскаго и столичнаго духовенства, а также изъ состоящаго при учебныхъ заведеніяхъ, при произнесеніи проповѣдей по случаю разныхъ общественныхъ событій, особливо же по случаю смерти лицъ извѣстныхъ общественною или литературною дѣятельностію, не всегда съ должною сдержанностію и разборчивостію касаются сей дѣятельности и соблюдаютъ достоинство подобающее служителю Церкви, говорящему отъ ея имени. Приказали: Святѣйшій Синодъ, обсудивъ съ должнымъ тщаніемъ способы къ предупрежденію погрѣшительнаго дѣйствія священниковъ при исполненіи пастырскаго долга проповѣданія, признавъ благовременнымъ и благопотребнымъ поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ: 1) преподать подвѣдомымъ имъ священно-служителямъ слѣдующія наставленія: а) Духовнымъ пастырямъ надлежитъ твердо памятовать, что они поставлены быть учителями Св. Вѣры Христовой, сокровищницею коей служатъ слово Божіе и Св. Православная Церковь: изъ сего чистаго и живот-

ворнаго источника пастырь долженъ почерпать и основанія и руководительныя начала для своихъ поученій, послѣдуя Св. Апостолу Павлу, *яко отъ чистоты, яко отъ Бога, предъ Богомъ, во Христѣ* проповѣдававшему (2 Кор. 2, 17), и полагая цѣлю проповѣди назиданіе, духовное усовершеніе и спасеніе пасомыхъ. б) Тѣ же требованія обязательны для пастыря, когда ему, по званію духовнаго руководителя словеснаго стада Христова, належитъ нужда поучать по поводу какихъ либо общественныхъ событій, или кончины общественныхъ дѣятелей. Въ сихъ случаяхъ служитель Православной Церкви долженъ касаться явленій общественной жизни не иначе, какъ съ православно-христіанской точки зрѣнія и съ единственною цѣлю назиданія по слову Божію и церковному преданію. При ихъ свѣтѣ проповѣдникъ можетъ и долженъ указывать въ совершившихся событіяхъ пути Всеблагаго Промысла, знаменія милости и правды Божіей, и направлять умы и сердца своихъ слушателей къ благодарной молитвѣ, упованію и терпѣнію въ скорбяхъ, покаянію и нравственному исправленію. Изъ жизни скончавшихся согражданъ онъ долженъ заимствовать для своей проповѣди только такіи черты душевныя и дѣянія на пользу общую, кои сообразны съ требованіями Закона Божія и могутъ служить примѣромъ для подражанія, уроками для *каждаго достойно ходити званія* (Еф. 4, 1) своего, поучительными опытами преслѣванія въ вѣрѣ и благочестіи, честнаго и самоотверженнаго труда во благо ближнихъ и отечества. Образцы для сихъ поученій проповѣдникъ найдетъ въ достоподражаемыхъ твореніяхъ великихъ вселенскихъ учителей Св. Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Амвросія Медиоланскаго, а также въ писаніяхъ отечественныхъ церковныхъ витій: Св. Димитрія Ростовскаго, Митрополита Филарета, Архіепископа Димитрія Херсонскаго, Епископа Иннокентія Пензенскаго и другихъ. в) Но пастырь церкви нарушитъ свой долгъ, если въ своей проповѣди выступитъ судіею общественныхъ дѣлъ и явленій не по разуму Богопреданнаго ученія, хранимаго Церковію, а по мудрованію человѣческому, по духу своего вѣка, явится непризваннымъ истолкователемъ полезнаго значенія ихъ не для внутренняго духовнаго человѣка, а для внѣшняго, плотянаго, или для временныхъ, житейскихъ цѣлей, если при оцѣнкѣ умершихъ общественныхъ дѣятелей не воздержится отъ *льстивыхъ словесъ* (2 Петр. 2 3), отъ потворства господствующимъ въ обществѣ направленіямъ, вкузамъ и мнѣніямъ, суетнымъ и чуждымъ духа христіанскаго, уничижалъ чрезъ сіе, въ своемъ

лицѣ, достоинство церковной проповѣди и дѣлая ее предметомъ пререканій, къ смущенію, а иногда и къ соблазну благочестивыхъ слушателей, 2) Внушать сіи наставленія священно-служителямъ, особливо въ столицахъ и городахъ, гдѣ чаще представляются къ сему случаи и гдѣ молодые священники, а иногда и законоучители учебныхъ заведеній, бываютъ склонны увлекаться переходящими и случайными мнѣніями и впечатлѣніями, воспринимаемыми въ средѣ волнующагося общества. 3) Въ тѣхъ случаяхъ, когда усмотрѣно будетъ въ проповѣдникахъ нарушеніе должной мѣры, недостатокъ сдержанности и благоразумія, обязывать ихъ представлять свои проповѣди на просмотръ прежде ихъ произнесенія. Для надлежащаго по сему исполненія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: о вышеизложенномъ дать знать всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ печатными указами.

II. Отъ 30 Ноября 1883 года за № 8, о мѣрахъ къ возвышенію религіозно-нравственнаго воспитанія въ Православныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о мѣрахъ къ возвышенію религіозно-нравственнаго воспитанія въ Православныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Приказали: Изъ отчетовъ о ревизіяхъ духовно-учебныхъ заведеній усматривается, что какъ въ семинаріяхъ, такъ и въ духовныхъ училищахъ замѣчается во многихъ случаяхъ слабое знакомство учащихъ съ церковнымъ уставомъ, съ молитвами и пѣнопѣніями, и даже съ церковно-славянскимъ языкомъ, выражающееся въ неумѣліи правильно, по титламъ и удареніямъ, читать по славянски; встрѣчаются и случаи уклоненія учащихъ отъ богослуженія или неблагоговѣйнаго стоянія при ономъ. Посему, признавая необходимымъ обратитъ на сіи существенные недостатки въ воспитаніи духовнаго юношества вниманіе епархіальныхъ Архіереевъ, какъ высшихъ блюстителей порядка въ дѣлахъ церковныхъ и попечителей духовно-учебныхъ въ епархіи заведеній, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поручить епархіальнымъ Преосвященнымъ: 1) разъяснять родителямъ воспитывающихся въ духовныхъ школахъ дѣтей, что дѣти, воспитанныя въ христіанскомъ благочестіи, приносятъ родителямъ чистыя радости и святое утѣшеніе, а дѣти нравственно неблагоустроенныя — скорби и огорченія, и внушать имъ, чтобы они воспитывали дѣтей своихъ въ наказаніи и ученіи Господнемъ, строго наблюдая,

чтобы во дни праздниковъ они неопустительно присутствовали при богослуженіи церковномъ, помогали отцамъ своимъ въ исполненіи обязанностей церковно-служенія чрезъ прислуживаніе въ алтарѣ и клиросное чтеніе и пѣніе. 2) Вмѣнить благочиннымъ приходскихъ церквей въ обязанность обращать, при полугодичныхъ обзорѣніяхъ церквей, особое вниманіе и на дѣло воспитанія дѣтей членами причтовъ, равно и на поведеніе воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній во время ихъ домовыхъ отпусковъ, особенно по отношенію ихъ къ церкви, и замѣчанія свои по этому предмету представлять епархіальному Преосвященному. 3) Подтвердить какъ начальствующимъ лицамъ, такъ и всеѣмъ воспитателямъ и наставникамъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ благовременно и при всякомъ удобномъ случаѣ внушать учащимся любовь и уваженіе къ священнодѣйствіямъ и уставамъ православной Церкви и собственнымъ примѣромъ располагать воспитанниковъ къ нетѣлостному посѣщенію богослуженія; для сего вмѣнить лицамъ начальствующимъ и воспитывающимъ въ обязанность быть съ своими питомцами при всеѣхъ церковныхъ богослуженіяхъ неопустительно, а наставникамъ внушить, что и на нихъ лежитъ священный долгъ, для болѣе глубокаго и твердаго впечатлѣнія преподаваемыхъ ими уроковъ въ умъ и сердце учащихся, *быть*, по заповѣди Апостола (1 Тим. 4, 12), *образцемъ* для нихъ не въ словъ только, но и въ *жизни*, подавать имъ живой примѣръ усердія къ молитвѣ и благоговѣйнаго стоянія въ св. храмѣ, и для сего являться къ богослуженіямъ въ ту церковь, куда ходятъ воспитанники, возможно чаще, особенно же во дни великихъ церковныхъ праздниковъ и высокотождественные, а также, на общія молитвословія предъ началомъ и по окончаніи ученія. 4) Предписать начальству духовно-учебныхъ заведеній: а) подвергать строгимъ взысканіямъ уклоняющихся отъ богослуженія безъ уважительныхъ причинъ воспитанниковъ, равно и не благоговѣнно присутствующихъ при немъ; б) обращать вниманіе при аттестаціи поведенія воспитанниковъ въ мѣсячныхъ и годичныхъ вѣдомостяхъ на исправность въ исполненіи ими сего долга, относя нарушеніе онаго къ числу проступковъ грубыхъ, нетерпимыхъ въ духовной школѣ; в) слѣдить за тѣмъ, чтобы совершающіе богослуженіе въ церквахъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ совершали его благоговѣнно, чинно, съ внятнымъ и не торопливымъ произношеніемъ молитвъ и молитвенныхъ возгласовъ, не допуская и клироснаго чтенія чрезмѣрно торопливаго, неяснаго, неправильнаго, а пѣнія крикливаго; г) привлекать воспитан-

никовъ къ участію въ клиросномъ чтеніи и пѣніи при богослуженіи, заставляя очередныхъ готовиться предварительно къ предстоящему чтенію и руководствуя ихъ въ этомъ приготовленіи указаніемъ и исправленіемъ допускаемыхъ ими погрѣшностей и небреженія въ произношеніи славянскихъ рѣченій; д) вмѣнять учителямъ церковнаго пѣнія въ обязанность проходить съ воспитанниками во время уроковъ предстоящія церковныя службы, по указаніямъ церковнаго устава, приучая ихъ пѣть по церковнымъ гласамъ тропари, кондаки, стихиры, богородичныя догматики и т. д., и такимъ образомъ еженедѣльно знакомить ихъ практически съ содержаніемъ и послѣдованіемъ какъ воскресныхъ, такъ и праздничныхъ церковныхъ службъ; е) предложить и преподавателямъ ученія о богослуженіи съ церковнымъ уставомъ въ училищахъ, а равно и преподавателямъ литургики въ семинаріяхъ подобнымъ же практическимъ способомъ знакомить учениковъ съ церковными чинопослѣдованіями; ж) требовать отъ учениковъ особенно отчетливаго изученія славянской грамматики. 5) По вниманію къ великому значенію исповѣди въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія, особливо для воспитанниковъ, готовящихся къ служенію Церкви, поручить епархіальнымъ Преосвященнымъ: а) назначать въ духовники къ учащимся въ духовныхъ школахъ лицъ изъ бѣлаго или монашествующаго духовенства, пользующихся особымъ уваженіемъ и отличающихся доброю жизнію и духовною разсудительностію, и тѣхъ изъ нихъ, которые, при честномъ и добросовѣстномъ исполненіи долга, будутъ оказывать благотворное дѣйствіе на нравственное состояніе юношества, имѣть въ своемъ особенномъ вниманіи и не оставлять архипастырскимъ поощреніемъ, по наставленію Св. Апостола: *прилежаши добръ пресвитеры сугубая чести да сподобляются, паче же труждающіи въ словъ и ученіи*; б) сверхъ того въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ своихъ церквей и гдѣ встрѣчаются неудобства въ посѣщеніи учениками богослуженія и участвованіи въ немъ чрезъ клиросное чтеніе и пѣніе, располагать духовенство къ устройству храмовъ, или же, въ крайнемъ случаѣ, дѣлать распоряженія объ устраненіи означенныхъ неудобствъ. О чемъ, для зависящихъ къ исполненію распоряженій, дать знать епархіальнымъ Преосвященнымъ печатными указами, а въ Учебный Комитетъ передать выписку изъ настоящаго опредѣленія.

II. Отъ 9—18 Декабря 1883 года за № 2510, о порядкѣ приѣма воспитанниковъ духовныхъ училищъ въ духовныя семинаріи.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 1-го декабря 1883 года за № 5971, коимъ объявляетъ Святѣйшему Синоду, для зависящихъ распоряженій, о томъ, что Государь Императоръ, въ 26-й день ноября 1883 года, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода, отъ 19—29 октября сего года, о порядкѣ приѣма воспитанниковъ духовныхъ училищъ въ духовныя семинаріи. Справка: опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 19—29 октября сего года, постановлено: 1) приемныя испытанія въ семинаріяхъ для поступленія въ оныя окончившихъ курсъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ отмѣнить; приемъ же производить на основаніи свидѣтельствъ, выдаваемыхъ училищными правленіями окончившимъ курсъ ученія воспитанниковъ духовныхъ училищъ; въ свидѣтельствахъ этихъ училищными правленіями объявляютъ, достоинъ ли предъавитель перевода въ I классъ семинаріи, съ указаніемъ успѣховъ его по всѣмъ предметамъ училищнаго курса (за исключеніемъ церковнаго пѣнія и чистописанія, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 1—12 марта 1873 г.); 2) въ тѣхъ случаяхъ, когда число достойныхъ приѣма въ семинарію учениковъ превыситъ число имѣющихся въ семинаріи вакансій, семинарскому правленію предоставляется принимать лучшихъ учениковъ, по сравнительному достоинству успѣховъ и поведенія, означенному въ училищныхъ свидѣтельствахъ; 3) для устройства же остальныхъ, вынужденныхъ изъ духовныхъ училищъ и признанныхъ училищными правленіями достойными принятія въ семинарію, но не принятыхъ въ оную по недостатку вакансій воспитанниковъ,—семинарское правленіе ходатайствуетъ, установленнымъ порядкомъ, объ открытіи въ семинаріи, на мѣстныя епархіальныя средства, необходимаго числа параллельныхъ отдѣленій; и 4) въ тѣхъ случаяхъ когда семинарское правленіе, на основаніи своихъ наблюденій, усмотритъ въ томъ или другомъ училищѣ низкій уровень успѣховъ или недостаточную подготовку учениковъ, свидѣтельствующіе объ упадкѣ учебнаго дѣла въ училищѣ или объ излишней снисходительности въ отмѣткахъ окончивающихъ курсъ учениковъ, правленію семинаріи, независимо отъ ревизій назначаемыхъ имъ, на основаніи § 32 уст. дух. учил., предоставляется избирать изъ своихъ членовъ одного

или двухъ лицъ для присутствованія на выпускныхъ экзаменахъ въ духовныхъ училищахъ съ правомъ голоса. Что касается учениковъ, не удостоенныхъ училищными начальствами перевода въ I классъ духовной семинаріи, но въ домахъ родителей, по увольненіи изъ училища, успѣвшихъ восполнить допущенные ими недостатки по успѣхамъ въ предметахъ училищнаго курса и подготовившихся къ поступленію въ семинарію, то семинарскому начальству предоставить допускать таковыхъ къ приѣмному испытанію наравнѣ съ тѣми, которые пожелали-бы поступить въ семинарію послѣ домашняго приготовленія, или изъ другихъ учебныхъ заведеній. Предварительно же окончательныхъ по сему распоряженій предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору, на приведеніе въ исполненіе первыхъ двухъ пунктовъ настоящаго опредѣленія, испросить Высочайше Его Императорскаго Величества соизволеніе. Приказали объ изъясненной Высочайшей волѣ и объ оказавшемся по справкѣ для руководства правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ и для объявленія во всеобщее извѣстіе редакціи „Церковнаго Вѣстника“ сообщить по принятому порядку.

С В Ѣ Д Ъ Н І Е

о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго X Епархіальнымъ Съѣздомъ, за вторую половину 1883 года.

Къ 1 іюля 1883 года оставалось наличными деньгами 1853 р. 75 коп. и билетами 4300 руб.

Съ 1 іюля 1883 года по 1 января 1884 г. поступило: а) личнаго взноса отъ духовенства Епархіи чрезъ окружныхъ благочинныхъ 1645 руб. 25 коп., б) процентовъ по купонамъ 202 руб. 50 коп. и в) билетовъ 3700 руб.

Во 2 половинѣ 1883 года израсходовано: а) на покупку облигацій 3 восточнаго займа 3467 руб. 40 коп. и б) на гербовыя марки при вносѣ денегъ въ контору Государственнаго банка и на застраховку билета 1 внутренняго займа 1 руб.

Затѣмъ къ 1 января 1884 года осталось: а) наличными деньгами, находящимися на текущемъ счету въ конторѣ Государственнаго банка 233 руб. 10 коп. и б) билетами 8000 руб.

Списокъ лицъ Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 5—16 октября 1883 года за № 1936, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода безъ грамотъ.

Старостѣ церкви села Павловокъ, Сумскаго уѣзда, крестьянину Ивану *Головачеву*; старостѣ церкви слободы Ковеговъ, Валковскаго уѣзда, крестьянину Лукѣ *Гришко*; старостѣ церкви села Каленикова, Валковскаго уѣзда, крестьянину Кодрату *Евтушенко*.

Епархіальныя извѣщенія.

На рапортъ настоятеля Покровской церкви слоб. Хухры, Ахтырскаго уѣзда священника Дмитрія Попова о разрѣшеніи ему читать для прихожанъ по окончаніи утрени житія Святыхъ, резолюція Его Преосвященства послѣдовала такая: „Благодарю о. Попова за полезный трудъ и отъ души благословляю на продолженіе онаго. Сообщить этотъ фактъ въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

— Воспитанникъ семинаріи Василій Спѣсивцевъ опредѣленъ 22 декабря 1883 г. на мѣсто помощника настоятеля къ Всесвятской церкви села Малой-Чернетчины, Сумскаго уѣзда.

— Настоятель Успенской церкви слободы Лимана, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Василій Поповъ перемѣщенъ помощникомъ настоятеля къ Петропавловской церкви слободы Павловки, того же уѣзда.

— Діакону Петропавловской церкви слободы Петропавловки, Купянскаго уѣзда, Никитѣ Слюсареву, предоставлено священническое мѣсто при Николаевской церкви слободы Сычевки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Діаконъ харьковской Свято-Духовской церкви Осодоръ Дюковъ рукоположенъ во священника и опредѣленъ 22 декабря 1883 г. настоятелемъ Трехсвятительской церкви села Лутницъ, Ахтырскаго уѣзда.

— Священникъ Петръ Измайловъ утвержденъ исправляющимъ должность настоятеля Велико-Хуторскаго прихода Волчанскаго уѣзда.

— Настоятель Покровской церкви слободы Трехизбянска, Старобѣльскаго уѣзда, протоіерей Микхайль Павловъ, утвержденъ членомъ Благочинническаго совѣта округа, того же уѣзда.

Въ Нпцахскомъ приходѣ, Ахтырскаго уѣзда, открыта Св. Синодомъ 20 декабря 1883 г. вакансія помощника настоятеля.

— И. д. псаломщика Петропавловской церкви слободы Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій Любидкій рукоположенъ во діакона.

— И. д. псаломщика Петропавловской церкви слободы Пушкарной, Ахтырского уѣзда, Иванъ Щепинскій удаленъ отъ должности, а на его мѣсто опредѣленъ бывшій воспитанникъ семинаріи Григорій Любинскій.

— Указный послушникъ харьковскаго архіерейскаго дома *Павель Никумицевъ*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ Покровской церкви села Куняго, Изюмскаго уѣзда.

— Сверхштатный исправляющій должность псаломщика Архангело-Михайловской церкви слободы Даниловки, Старобѣльскаго уѣзда, *Андрей Ѳедоровскій* утвержденъ штатнымъ и. д. псаломщика при той же церкви

— И. д. псаломщика Покровской церкви села Рубленнаго, Волчанскаго уѣзда, *Емсей Новомірсскій* посвященъ въ стихарь.

— И. д. псаломщика валковской Успенской церкви *Николай Трояновъ* уволенъ отъ должности по болѣзни.

— И. д. псаломщика Рождество-Богородичной церкви слободы Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда, *Георгій Цономаревъ* уволенъ за штатъ, а на мѣсто его опредѣленъ къ сей церкви псаломщикомъ сверхштатный исправляющій должность псаломщика Николаевской церкви слободы Муратовой, того же уѣзда, *Михаилъ Самойловъ*.

— И. д. псаломщика Троицкой церкви села Пришиба, Зміевскаго уѣзда, *Ѳеодоръ Климентовъ* переведенъ исправляющимъ должность псаломщика къ Николаевской церкви города Чугуева.

— Псаломщикъ Успенской церкви слободы Двурѣчной, Купянскаго уѣзда, діаконъ *Петръ Войтовъ* умеръ 27 декабря 1883 г.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Архангело-Михайловской церкви слободы Ольшаной, Лебедянскаго уѣзда, крестьянинъ Никита *Крыжтонъ*; Сергіе-Анастасіевской церкви той же слободы Петръ *Семенюта*; Преображенской церкви слоб. Котельвы Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Автономъ *Божко*; Кладбищенской Муромосицкой той же слободы купецъ Михаилъ *Алтуховъ*; Преображенской церкви г. Ахтырки—купецъ Георгій *Чикало*; купецъ Харьковскій Ѳеодоръ Ивановъ сынъ *Ширяевъ* при харьковской Благовѣщенской церкви на 8-е трехлѣтіе; государственный крестьянинъ Иванъ Васильевъ сынъ *Макаренко* къ Николаевской церкви слоб. Николаевки, Изюмскаго уѣзда; государственный крестьянинъ Георгій Герасимовъ сынъ *Эндебрю* къ Александро-Невской церкви слоб. Рай-Александровки, Изюмскаго уѣзда; крестьянинъ Кирпиль Павловъ сынъ *Катлуновскій*—къ Покровской церкви сл. Селимовки, Изюмскаго уѣзда; крестьянинъ Петръ Андреевъ сынъ *Потримай*—къ Троицкой церкви сл. Кривой-Луки, того

же уѣзда; къ пюмской соборной Преображенской церкви, пюмскій 2 й гл. купецъ Илія Петровъ сынъ *Изътковъ*; къ Вознесенской церкви сл. Песокъ, Изюмскаго уѣзда, государственный крестьянинъ Иванъ Евфимовъ сынъ *Сычннй*; къ Архангело-Михайловской церкви села Левковкл, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ Никонъ Радіоновъ сынъ *Коловоротннй*; къ Никоевской церкви сл. Цареборисовой, того же уѣзда, бахмутскій 2-й гильдія купецъ Иванъ Павловъ сынъ *Стрелетовъ*; къ Благовѣщенской церкви, села Богуславскаго, того же уѣзда, крестьянинъ Яковъ Стефановъ сынъ *Блакитннй*; къ Рождество-Богородичной церкви сл. Цареборисовой, того же уѣзда, крестьянинъ-землевладѣлецъ Авксентій Архиповъ сынъ *Парожннй*; къ Іоанно-Предтечѣевской церкви слободы Ивановки, того же уѣзда, крестьянинъ Анснхъ Сергѣевъ сынъ *Стетлора*; къ Вознесенской церкви слоб. Савинецъ, того же уѣзда, крестьянинъ Игнатій Алексѣевъ сынъ *Отцовичъ*; крестьянинъ Иванъ *Левченко* къ Рождество-Богородичной церкви сл. Мартовой, Волчанскаго уѣзда; крестьянинъ Моисей *Кулемиъ*, къ Покровской церкви сел. Васялекова, Волчанскаго уѣзда; Зміевскаго уѣзда къ Троицкой церкви села Охочей крестьянинъ Филиппъ *Третьяковъ*; къ Николаевской церкви села Линивки крестьянинъ, Мокій *Кочетовъ*; къ Архангело-Михайловской церкви села Высочиновки крестьянинъ Филиппъ *Крнмталъ*; и къ Дмитріевской церкви села Ефремовки отставной солдатъ Алексѣя *Жуковъ*.

Вакантныя мѣста, при церквахъ харьковской Епархіи.

Въ сл. Богуславскомъ, Изюмскаго уѣзда, при Благовѣщенской церкви—*настоятельское*; въ сл. Лиманъ Старобѣльскаго уѣзда—*такое же*; въ Ннцахскомъ приходѣ Ахтырскаго уѣзда—*помощника настоятеля*.

Исаеломщицкія:

1) Въ сл. Петропавловкѣ, Купянскаго уѣзда; 2) въ сл. Прпшябѣ, Зміевскаго уѣзда; 3) въ сл. Двурѣчномъ, Купянскаго уѣзда при Успенской церкви; 4) въ сл. Жпхорѣ, Харьковскаго уѣзда; 5) въ г. Валкахъ при Успенской церкви.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Открытіе виѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ Воскресенскомъ и Всесвятскомъ приходахъ г. Харькова.—Совѣты пастырямъ-проповѣдникамъ.—Мѣропріятія для подпятія въ Россіи церковнаго пѣнія и музыкальнаго образованія вообще.—Опытъ введенія искусства иконописанія въ народныхъ училищахъ.—Совѣщательное собраніе церковныхъ старостъ для пзысканія мѣръ къ искорененію злоупотребленій и поддѣлокъ въ приготовленіи восковыхъ свѣчъ.—Евангеліе для строящагося храма Воскресенія Христова.—Рѣдкая заботливость пастыря о просвѣщеніи народа.—Эмпиритальная касса для духовенства Владимірской епархіи.—Проектъ правилъ эмпиритальной кассы духовенства Кіевской епархіи.—Образованіе при статсъ-секретаріатѣ у принятія прошеній на Высочайшее Имя особаго отдѣленія для разбора дѣлъ по семейнымъ несогласіямъ.—Рѣдкое въ судебной практикѣ дѣло.—Преосвященный Далматъ епископъ новомиргородскій, викарій херсонской епархіи.—О чествованіи тысячелѣтія первоучителей славянскихъ Свв. Кирилла и Меѳодія.—300-лѣтіе со дня кончины пр. Трифона, просвѣтителя Лоарей.—Высокій челоѣколюбивый поступокъ Ея Величества, королевы эллиновъ.—Прекращеніе подушной подати съ крестьянъ безземельныхъ.—Количество добытаго въ отечественныхъ рудникахъ золота въ теченіи истекшаго года.—Распространеніе въ хозяйствахъ земледѣльческихъ орудій.—Страхованіе полей.—Ассигновка на содержаніе низшихъ земледѣльческихъ училищъ.—Средства къ предупрежденію пожаровъ.—Вселенская патріархія и оттоманская Порта.—36-й тиражъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа.

— Нельзя не порадоваться, что открытіе виѣбогослужебныхъ собесѣдованій пришлось въ Харьковѣ многимъ по сердцу. Въ скорости послѣ открытія ихъ въ пяти мѣстахъ выразилось желаніе отъкрыть такія же собесѣдованія еще въ двухъ мѣстахъ—на окраинахъ Воскресенскаго прихода, населеннаго въ большинствѣ простымъ народомъ, и въ Всесвятской кладбищенской церкви, на Холодной горѣ.

Настоятель Воскресенской церкви о. протоіерей Гавриилъ Ѳедоровскій и церковный староста К. И. Величенко поспѣшили сочувственно отозваться на это желаніе и, послѣ общаго совѣщанія, рѣшили отъкрыть чтенія въ церковно-приходской школѣ, гдѣ есть къ тому всѣ приспособленія, почему и обратились къ преосвященному Амвросію съ просьбою—молитвою и благословеніемъ положить начало чтеній. 11-го декабря истекшаго года, послѣ Божественной литургіи въ кафедральномъ соборѣ, Владыка прибылъ въ зданіе училища, и, отслуживши молебенъ, обратился къ собравшемуся народу приблизительно съ слѣдующими словами: „молитвенно мы призывали благословеніе Божіе на открытіе здѣсь христіанскихъ собесѣдованій; дѣло желательное и святое; но на всякое доброе дѣло мы можемъ рѣшаться съ бѣльшею надеждою на успѣхъ, когда видимъ прямое основаніе для него въ ученіи и тѣмъ болѣе въ примѣрѣ Господа Іисуса Христа. А для чтеній такого именно рода, какъ нынѣ открываемыя, мы имѣемъ не только заповѣдь отъ

Господа, повелѣвшаго намъ всюду проповѣдывать Его ученіе, по и примѣръ Его. Извѣстно, что въ землѣ іудейской былъ одинъ только храмъ, куда народъ могъ собираться для совершенія праздниковъ, принесенія жертвъ по закону Моисееву и молитвы. Между тѣмъ левиты расселенные въ сорока городахъ земли израильской, также имѣли повелѣніе поучать народъ закону. Отсюда произошли собранія для чтеній закона по субботамъ въ особыхъ мѣстахъ называемыхъ въ Евангеліи синагогами; ихъ посѣщалъ часто и Іисусъ Христосъ, тамъ бесѣдовалъ и исцѣлялъ больныхъ. Такъ, однажды Онъ пришелъ въ синагогу въ мѣсто Своего воспитанія въ Назаретѣ и изъявилъ желаніе читать. Ему подали книгу пророка Исаи и Онъ прочелъ слова: *Духъ Господень на Мнѣ, Его же ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ, посла Мя исцѣлти сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати пламеннымъ отщепеніе и сътымъ прозрѣніе, отпустити сокрушенныя во отраду.* Отдавъ книгу слугѣ, Онъ началъ объяснять народу, что „нынѣ исполнилось писаніе сіе, слышанное ими, и всѣ свидѣтельствовали Ему и дивились словамъ благодати, исходящимъ изъ устъ Его“ (Лук. 4. 18—22.) Отсюда Владыка вывелъ назиданіе для духовенства принимающаго на себя трудъ преподаванія народу истинъ вѣры и нравственности христіанской, съ какимъ усердіемъ и любовію оно должно это дѣлать, поощряемое и утѣшаемое примѣромъ Самаго Господа. Въ усердіи же народа слушавшаго Господа, Владыка указалъ примѣръ, съ какою сосредоточенностію, съ какимъ вниманіемъ собирающіеся на чтенія должны слушать преподаваемое здѣсь ученіе, которое есть не что иное, какъ тоже Слово Господа, изъясняемое Его служителями. Нашлись, однакожь, прибавилъ Владыка, и тогда люди, которыхъ ученіе Господа не только не назидало, а ожесточало, такъ какъ оно обличало ихъ пороки и раздражало самолюбіе и гордость. Окруживъ Его толпою, по сказанію Евангелиста, они вывели Его на верхъ горы, дабы низринуть Его; но Онъ *прошедь посреди ихъ идяше.* Не мало найдется и теперь ожесточенныхъ сердцемъ враговъ Христовыхъ, которые готовы порицать наши священныя собранія и отвлекать посѣтителей къ удовольствіямъ мірскимъ, которымъ предаются они сами. Да избавитъ Господь васъ, говорилъ Владыка, отъ такихъ соблазнителей. Вѣруемъ, что слово истины Евангельской пройдетъ чрезъ всѣ препятствія и коснется своею благодатію сердца вѣрующихъ, какъ Господь прошелъ невидимо посреди озлобленной толпы для дальнѣйшей Своей проповѣди. Въ заключеніе Владыка внушалъ собираться сюда не съ цѣлію любо-

пытства, или съ намѣреніемъ судить—кто и какъ читаетъ, а съ вѣрою и смиреніемъ, такъ какъ мы не знаемъ, гдѣ именно, здѣсь-ли, или въ другомъ мѣстѣ Господу угодно будетъ коснуться Своею благодатию сердець нашихъ и воспламенить любовь къ Его святому закону. Эти примѣры поучающимъ, слушающимъ и нерадящимъ о христіанскомъ дѣлѣ изложены были съ такою трогательностію и силою, что вызвали въ слушателяхъ умиленіе и слезы.

Затѣмъ настоятель о. протоіерей Гавріиль Ѳедоровскій, принявъ благословеніе Владыки, прочиталъ вступительную бесѣду о вѣрѣ вообще, въ которой главнымъ образомъ развивалъ ту мысль, что бѣзъ вѣры невозможно угодить Богу. Чтеніе закончилось пѣніемъ молитвы „Іостойно есть яко воинстинну блажити Тя Богородицу“. Изъ училища Преосвященный зашелъ осмотрѣть богадѣльню, помѣщающуюся въ этомъ же дворѣ, открытую и содержимую церковнымъ старостою купцомъ К. И. Велитченко на собственные средства въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Домъ, въ которомъ помѣщаются старицы, хилыя, болѣзненные, увѣчныя, состоитъ изъ 5 комнатъ съ переднею, — тепелъ и чистъ, и представляетъ всѣ удобства для помѣщенія 10—12 человекъ. Примѣръ христіанскаго человѣколюбія вполне достойный подражанія. На обратномъ пути владыка удостоилъ своимъ посѣщеніемъ о. протоіерея Гавріила Ѳедоровскаго и при этомъ выразилъ сожалѣніе, что за неимѣніемъ церковнаго дома въ Воскресенскомъ приходѣ, настоятелю приходится жить въ наемной квартирѣ.

Послѣ открытія нравственно-религіозныхъ чтеній въ Воскресенскомъ приходѣ, въ слѣдующее воскресенье положено начало такому же чтеніямъ уже въ 7-мъ мѣстѣ, въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ Харькова, среди бѣднѣйшихъ жителей, населяющихъ горы Холодную и Лысую. Въ мѣстности этой не оказалось удобнаго помѣщенія въ какомъ либо домѣ и потому чтенія будутъ предлагаемы въ кладбищенской церкви. Послѣ Божественной литургіи совершенной Преосвященнымъ Амвросіемъ въ кафедральномъ соборѣ, онъ прибылъ во Всесвятскую церковь около 2-хъ часовъ; отслуживъ молебенъ, сказалъ рѣчь на текстъ *свѣтъ свѣтъ моимъ ногамъ моимъ и свѣтъ стезямъ моимъ законъ Твой* (Пс. 118, 105) и объяснилъ потребность на всякій случай жизни запасаться руководственными наставленіями Слова Божія, что можетъ быть достигнуто не иначе какъ тщательнымъ поученіемъ въ законѣ Божіемъ.

Для большаго разъясненія побужденій къ посѣщенію начинаемыхъ чтеній Владыка предложилъ краткое объясненіе перваго псалма: *блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ*, причемъ указавъ, какія собранія нашего времени могутъ подлежать осужденію, высказанному пророкомъ, и какія милости Божія изливаются на любящаго тишину и уединенныя размышленія учителя закона Божія. Затѣмъ о. настоятель, священникъ Василій Поповъ прочиталъ вступительную бесѣду, въ которой ясно и вразумительно говорилъ объ обязанностяхъ пастырей церкви учить прихожанъ закону Божію и о необходимости для сихъ послѣднихъ посѣщать чтенія и учиться для того, чтобы каждому изъ нихъ идти неуклонно путемъ правды и добра. Послѣ чтенія Владыка посѣтилъ домъ настоятеля церкви, священника Попова, гдѣ привѣтливо бесѣдовалъ съ собравшимся духовенствомъ.

— Весьма полезныя и благовременныя совѣты пастырямъ-проповѣдникамъ, въ „Рук. для сел. паст.“ даетъ авторъ замѣтки „Нужно ли для проповѣдника особое приготовленіе къ каждой проповѣди“? Выразивъ радость, что въ настоящее время все болѣе и болѣе начинаетъ входить въ употребленіе у нашихъ проповѣдниковъ устная импровизованная рѣчь, авторъ совѣтуетъ однако не сразу пускаться въ импровизацію.

Долгъ благоразумія и осторожности требуетъ, чтобы проповѣдникъ, при первыхъ своихъ опытахъ, являлся на церковной кафедрѣ не иначе, какъ только съ написанною заранѣе проповѣдью. Сначала онъ долженъ ограничиваться лишь чтеніемъ проповѣди по тетради; но, свыкнувшись нѣсколько съ своими проповѣдническими обязанностями, онъ можетъ не безъ пользы для развитія въ себѣ свободнаго слова заучивать напередъ написанную проповѣдь и устно произносить ее съ церковной кафедры, причемъ также не излишне имѣть предъ собою тетрадь, чтобы воспользоваться ею, въ случаѣ нужды. Но при этомъ проповѣдникъ долженъ не буквально воспроизводить всю, заранѣе приготовленную проповѣдь, а дѣлать по мѣстамъ измѣненія, которыя онъ найдетъ нужнымъ при самомъ произнесеніи проповѣди, опускать или дополнять различныя частицы, замѣнять одни выраженія другими и т. под. Это можетъ способствовать оживленію его рѣчи. Послѣ указанныхъ нами упражненій въ чтеніи проповѣдей по тетради и затѣмъ въ произнесеніи заранѣе заученныхъ проповѣдей, проповѣдникъ уже можетъ ограничиваться записываніемъ лишь подробныхъ конспектовъ, постепенно сокращая эти конспекты и предоставляя развитіе заключаю-

щихся въ нихъ мыслей свободному устному изложенію, предварительно обдумавъ, впрочемъ, какъ всю проповѣдь во всемъ ея объемѣ вообще, такъ каждую мысль и выраженіе ея въ частности. И только достигнувъ полного успѣха въ этихъ опытахъ, онъ можетъ безопасно дозволить себѣ являться на церковной кафедрѣ съ проповѣдью вполне устною или импровизированною, ничего заранее не записывая изъ нея, хотя и въ этомъ случаѣ требуется тщательная предварительная подготовка къ каждой проповѣди. Не только обыкновенные проповѣдники, но и тѣ изъ нихъ, которые уже приобрѣли достаточную опытность въ проповѣданіи слова Божія и обладаютъ даромъ свободной публичной рѣчи, должны заранее внимательно обдумывать, что и какъ они будутъ говорить на кафедрѣ.

— Въ газетѣ „Кіевлянинъ“ напечатано предложеніе мѣстному обществу грамотности о введеніи слѣдующихъ мѣропріятій для поднятія въ Россіи церковнаго пѣнія и музыкальнаго образованія вообще. Такъ какъ занятія въ сельскихъ школахъ оканчиваются ко времени начала лѣтнихъ работъ, то можно бы, приблизительно въ началѣ іюня, предложить сельскимъ учителямъ Кіевской губерніи съѣхаться въ Кіевъ, гдѣ для нихъ будутъ устроены курсы элементарной теоріи музыки и практическихъ занятій церковнымъ пѣніемъ. Такъ какъ житье въ городѣ стоитъ значительно дороже, чѣмъ въ деревнѣ, то на время пребыванія въ Кіевѣ имъ необходимо выдать нѣкоторое пособіе. Расходы по устройству курсовъ, сравнительно, очень незначительны. Они будутъ приходиться на плату двумъ преподавателямъ теоріи и пракческаго церковнаго пѣнія и на покупку и переписку или гектографированіе нотъ. Въ помещеніи недостатка быть не можетъ. Навѣрное мѣстное музыкальное общество не откажется на каникулярное время уступить одинъ или два класса въ музыкальномъ училищѣ для дѣла, имѣющаго тѣсное соприкосновеніе съ его собственною дѣятельностію. Продолжительность обученія должна быть по меньшей мѣрѣ двухмѣсячная. Самое обученіе распадается на два отдѣла. Въ первомъ ученикамъ должны быть преподаны главные основанія элементарной теоріи музыки и, кромѣ того, они должны основательно ознакомиться съ сольфеджированіемъ. При ежедневныхъ занятіяхъ по два часа каждымъ изъ названныхъ предметовъ, мѣсячный срокъ кажется вполне достаточнымъ для полного ознакомленія съ тѣмъ и другимъ предметомъ, особенно если принять во вниманіе, что здѣсь обучаются будутъ взрослые люди. Второй мѣсяцъ долженъ быть посвященъ практическому церковному пѣнію и ознакомленію

учащихся съ главными правилами гармоніи, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы они могли исправлять тѣ грубыя ошибки, какія часто попадаютъ въ писанныхъ нотахъ, благодаря музыкальной безграмотности переписчиковъ. Занятія должны длиться такое же время, какъ и предыдущія. При обученіи практическому церковному пѣнію, все вниманіе должно быть устремлено на тѣ пѣсноуцѣнія, какія наиболѣе употребительны въ церкви на литургіи и вечернемъ богослуженіи, на рождественской и пасхальной заутреняхъ и на богослуженіяхъ великопостныхъ. При этомъ такъ называемое „партесное пѣніе“, какимъ оно является въ произведеніяхъ Бортянскаго, Львова, Веделя, Турчанинова и др., должно быть оставлено въ сторонѣ, и все вниманіе должно быть обращено на основательное знакомство съ простымъ обиходнымъ пѣніемъ, ибо это послѣднее, по своей архаической красотѣ и истинно православному духу, въ хорошемъ исполненіи производитъ гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ италянизированные произведенія нашихъ церковныхъ композиторовъ. Если къ лѣту не выйдетъ новое изданіе обихода, то можно воспользоваться обиходомъ въ изданіи Львова (но не Бахметьева), лучшимъ изъ имѣющихся до сихъ поръ. Умѣлаго и знающаго преподавателя практическаго церковнаго пѣнія газета предлагаетъ выписать на мѣсяць изъ Москвы.

— „С.-Петербург. Вѣд.“ сообщаютъ, что въ видахъ распространенія въ народѣ правильной иконописи, въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія недавно рѣшено сдѣлать опытъ введенія преподаванія этого искусства въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Съ этою цѣлью министромъ народнаго просвѣщенія надняхъ внесено особое представленіе въ комитетъ министровъ объ открытіи при холуйскомъ двухклассномъ начальномъ народномъ училищѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, школы иконописанія, и объ утвержденіи устава этой школы.

— „Тамб. Губ. Вѣд.“ сообщаютъ изъ достовѣрнаго источника, что по инициативѣ старосты Никольской церкви, генералъ-маіора К. М. Резанова, въ непродолжительномъ времени имѣетъ быть совѣщательное собраніе старостъ всѣхъ городскихъ церквей г. Тамбова. Предметъ совѣщанія—мѣры, необходимыя для искорененія злоупотребленій и поддѣлокъ въ приготовленіи восковыхъ свѣчей, предметъ, дѣйствительно, вопіющій и уже давно обратившій на себя общее вниманіе. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ благой цѣли почтеннаго инициатора и пожелать, чтобы примѣру тамбовскихъ старостъ послѣдовали церковные старосты и всѣхъ другихъ городовъ.

— Пыньшнимъ лѣтомъ Императорская академія художествъ объявила, по заказу петербургскаго дамскаго комитета общества Краснаго Креста, конкурсъ на изготовленіе напрестольнаго евангелія для строящагося храма Воскресенія Господня, въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, на мѣстѣ катастрофы 1-го марта. Изъ представленныхъ семи проектовъ, по словамъ „Новаго Времени“, былъ выбранъ рисунокъ художника С. Ф. Кумарова, по которому евангеліе и заказано у Овчинникова, а непосредственное наблюденіе за работами приняли на себя профессоръ академіи художествъ М. П. Боткинъ и предсѣдатель Императорскаго техническаго общества П. А. Кочубей; въ настоящее время евангеліе готово и представляетъ художественное произведеніе. На него пошло 62 фунта серебра. Окладъ его, то есть переплетъ, сдѣланъ изъ вызолоченнаго серебра, въ строго византійскомъ стилѣ, и на лицевой сторонѣ имѣетъ 19 изображеній, исполненныхъ въ духѣ древневизантійской иконописи, эмалью. На оборотной сторонѣ евангелія весь фонъ филигранный и по срединѣ крестъ изъ восточной красной яшмы. Это роскошное украшеніе евангелія обошлось около 5.000 рублей.

— Изъ с. Остаповки, Херсонскаго уѣзда въ „Церков. Общ. Вѣстн.“ пишутъ:

„3-го ноября у насъ въ селѣ освящалось новое зданіе для церковно-приходской школы, построенное исключительно на собственные средства мѣстнымъ священникомъ о. Иларіономъ Лозяновымъ, который уже болѣе 15-ти лѣтъ трудится на поприщѣ народнаго образованія. Торжество открытія вновь устроенной школы весьма знаменательно для о. Иларіона, главнымъ образомъ потому, что вѣнчало собою тѣ благія и сердечныя стремленія послужить дѣлу просвѣщенія темнаго люда, которыя могли осуществляться лишь постепенно. Первые 15 лѣтъ школа въ с. Остаповкѣ помѣщалась въ домѣ священника, который, будучи одинокимъ, уступилъ для этого лучшія комнаты своей квартиры и во все это время самъ преподавалъ въ своей школѣ. Но благодаря самой строгой экономіи, матеріальныя средства о. Иларіона стали улучшаться и дали ему возможность не только учить дѣтей, но и воспитывать безродныхъ сиротъ у себя, одѣвать и кормить ихъ и затѣмъ пристраивать, когда они возмужаютъ, къ тѣмъ или другимъ занятіямъ, къ какимъ они окажутся болѣе годными. Съ теченіемъ времени результаты, достигнутые неустанными трудами священника, начали привлекать все большее и большее число учащихся; тогда о. Иларіонъ

взялъ себѣ въ помощницы свою родственницу, а затѣмъ заинтересовалъ этимъ дѣломъ и другихъ. Тѣмъ не менѣе тѣснота помѣщенія для школы давала себя чувствовать, особенно когда съ каждымъ годомъ число учащихся стало слишкомъ замѣтно увеличиваться. О. Иларіонъ поэтому рѣшилъ выстроить у себя же почти во дворѣ на свои средства вполне пригодный домъ для школы, въ четыре комнаты, который и былъ приготовленъ вполне къ 1-му ноября. Забота о. Иларіона о просвѣщеніи своихъ питомцевъ не ограничилась постройкою одного зданія: прекрасная бібліотека, которую онъ началъ собирать еще съ первыхъ годовъ своего священническаго служенія, теперь достигшая нѣсколькихъ тысячъ названій, служить, при руководствѣ священника, прекраснымъ средствомъ дальнѣйшаго умственнаго и нравственнаго развитія бывшихъ воспитанниковъ названной школы, да и не ихъ только, но и всѣхъ обращающихся къ нему“.

— Преосвященный Теоностъ, архіепископъ владимірскій, ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ объ учрежденіи для духовенства Владимірской епархіи эмеритальной кассы съ допущеніемъ къ участию въ оной чиновниковъ консисторіи, преподавателей семинаріи и духовныхъ училищъ, наставницъ и воспитательницъ женскаго епархіальнаго училища и учителей народныхъ школъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи. По разсмотрѣніи этого проекта и по соображенію изложенныхъ въ немъ правилъ съ существомъ дѣла и съ законами, Св. Синодъ призналъ необходимымъ сдѣлать въ семъ проектѣ слѣдующія измѣненія: 1) исправить редакцію § 2 и измѣнить редакцію § 9 проекта въ томъ смыслѣ, что взносы въ эмеритальную кассу обязательны только для лицъ, участвующихъ въ составленіи сей кассы, такъ какъ всякое обязательство, а тѣмъ болѣе соединенное съ ограниченіемъ чьихъ либо правъ или съ привлеченіемъ кого-либо къ денежнымъ взносамъ, можетъ относиться только къ тѣмъ, кто изъявилъ на оное добровольное согласіе. 2) Изъ § 47 проекта совершенно исключить постановленіе о томъ, что дѣла въ правленіи эмеритальной кассы производятся на простой бумагѣ, въ виду того, что мѣста и лица, освобождаемыя отъ уплаты гербоваго сбора, указаны въ подлежащихъ статьяхъ устава объ этомъ сборѣ. За сямъ принимая во вниманіе, что учрежденіе эмеритальной кассы для духовенства Владимірской епархіи предположено исключительно для обезпеченія быта заштатныхъ священно-церковно-служителей, а также вдовъ и сиротъ ихъ, каковая цѣль не противна какъ общимъ законамъ, такъ и дѣйствующимъ

щимъ собственно по духовному вѣдомству постановленіямъ, и что выдача пенсій изъ означенной кассы имѣеть начаться по истеченіи 10 лѣтъ по учрежденіи кассы, если предположеніе объ образованіи неприкосновеннаго фонда кассы оправдается на дѣлѣ, Св. Синодъ, согласно заключенію хозяйственнаго управленія, опредѣлилъ исправленный проектъ устава эмеритальной кассы духовенства Владимірской епархіи утвердить, но съ тѣмъ: 1) чтобы дѣйствія этой кассы, на основаніи поминутаго устава, открыты были, въ видѣ опыта, на 10 лѣтъ и чтобы, по истеченіи сего срока, согласно съ указаніями опыта, уставъ этотъ былъ вновь пересмотрѣнъ духовенствомъ Владимірской епархіи и о результатахъ сего пересмотра было бы представлено на благоусмотрѣніе Св. Синода и 2) чтобы предположенное отчисленіе изъ церковныхъ доходовъ въ пособіе кассѣ по 5000 р. въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ было производимо безъ обремененія бѣдныхъ приходоу и безъ всякаго затрудненія для удовлетворенія всѣхъ другихъ расходовъ, отнесенныхъ по Высочайшимъ повелѣніямъ на тѣже доходы. (Октября 29 дня 1883 г.).

— Еще въ 1868—69 годахъ въ кievской епархіи возбужденъ былъ вопросъ о необходимости учрежденія эмеритальной кассы для мѣстнаго духовенства. Но только въ послѣднее время вопросъ этотъ приблизился къ практическому осуществленію. Такъ, 7-го октября прошлаго гола епархіальный съѣздъ кievскаго духовенства рѣшилъ возможно скорѣе учредить такую кассу и выбралъ для этого комиссію изъ протоіерея о. Иліи Экземплярскаго, священника о. Климента Ооменко и законоучителя о. Златоверховникова. Комиссія эта выработала и опубликовала въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ „Проектъ временныхъ правилъ эмеритальной кассы духовенства кievской епархіи“. Въ основаніе этого проекта легли дѣйствующія нынѣ правила подобныхъ-же кассъ въ петербургской, черниговской, саратовской и др. епархіяхъ. Вотъ нѣкоторые положенія устава проектируемой кассы. Эмеритальная касса духовенства кievской епархіи учреждается для выдачи пенсій вдовамъ и сиротамъ духовныхъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи ея своими взносами, а равно и самымъ церковно-служителямъ, оставляющимъ службу по исполненіи платныхъ лѣтъ. Въ составленіи эмеритальной кассы принимаютъ участіе, кромѣ священно-церковно-служителей, также служащіе въ кievскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ консисторіи и въ епархіальномъ попечительствѣ. Суммы эмеритальной кассы не могутъ быть употреблены ни на какой другой предметъ, кромѣ про-

изводства изъ нихъ пенсій лицамъ духовнаго званія. Основнымъ капиталомъ, въ началѣ учрежденія кассы, является сумма въ 25 т. руб., которая должна быть внесена всѣми церквами кievской епархіи, по распредѣленію съѣзда. Считая въ епархіи 1,269 приходскихъ церквей, на каждую придется 20 руб. единовременнаго взноса. Если въ составленіи эмеритальной кассы будетъ принимать участіе все наличное духовенство кievской губерніи (1,320 священниковъ, 188 діаконівъ и 1,555 причетниковъ), то ежегодный взносъ, считая его для священника въ 12 руб., діакона 6 руб., дьячка 4 руб. 50 коп., составитъ сумму въ 24 тыс. руб. Кромѣ того отъ 1,269 церквей, считая ежегодный взносъ съ каждой церкви равнымъ—6 руб., касса можетъ получить около 8 тыс. руб. Наконецъ, въ составленіи кассы могутъ принять участіе, конечно, только въ качествѣ жертвователей, многочисленныя монастыри, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ кievской епархіи. Этотъ проектъ эмеритальной кассы будетъ обсуждаться на епархіальномъ съѣздѣ, имѣющемъ быть въ Кіевѣ въ началѣ 1884 года. („Заря“).

— Помимо бракоразводныхъ дѣлъ, поступающихъ на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода, въ статсъ-секретаріатъ у принятія прошеній на Высочайшее Имя поступаетъ ежегодно масса ходатайствъ и прошеній по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ. Статсъ-секретаріатъ, входя въ разбирательство такого рода дѣлъ, оказываетъ поддержку и покровительство женамъ, обиженнымъ и третируемымъ своими мужьями, и до разбирательства бракоразводныхъ дѣлъ въ установленномъ порядкѣ, зачастую принимаетъ на себя ходатайство о выдачѣ оскорбленнымъ женамъ отдѣльныхъ видовъ на жительство. Такихъ дѣлъ въ послѣдніе годы въ статсъ-секретаріатъ стало поступать въ столь большемъ количествѣ, что статсъ-секретарь у принятія прошеній на Высочайшее Имя, князь Долгорукій, вошелъ въ государственный совѣтъ съ ходатайствомъ, въ которомъ указалъ на необходимость образованія при статсъ-секретарѣ особаго отдѣленія для разбора дѣлъ по семейнымъ несогласіямъ. Департаментъ государственной экономіи при государственномъ совѣтѣ разрѣшилъ ходатайство въ удовлетворительномъ смыслѣ и нынѣ специальное отдѣленіе по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ рѣшено открыть въ январѣ 1884 года. На содержаніе упомянутаго отдѣла ассигновано уже 9,800 руб. въ годъ. („Южн. Кр.“).

— Рѣдкое въ судебной практикѣ дѣло слушалось, 20-го декабря, въ одесскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ заседателей. На скамьѣ подсудимыхъ находился лже-монахъ Каменсковъ.

На столѣ вещественныхъ доказательствъ было монашеское одѣяніе, свѣчи, различные пузырки и т. п. Обвинялся лже-монахъ Каменсковъ въ подлогѣ и мошенничествахъ. Проживая одно время въ Одессѣ, онъ сочинялъ воззванія отъ „монастыря честнаго креста“ и разсылалъ во многія мѣста Россіи разнымъ простолюдинамъ. Понятное дѣло, что русскій простолюдинъ съ большимъ благоговѣніемъ относится къ подобнымъ воззваніямъ. Этимъ и пользовался Каменсковъ. Пожертвованія на несуществующій монастырь „честнаго креста“ попадали въ карманъ Каменскова. Воззванія его были написаны такъ глубокомысленно, и такъ благотворно дѣйствовали на получателей ихъ, что, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтельницъ, онѣ послѣднія деньги отсылали въ Одессу на имя фиктивного монаха Веньямина. Получая такимъ образомъ средства къ жизни, Каменсковъ проживалъ въ гостинницѣ, познакомился съ одной молодой сосѣдкой въ гостинницѣ и переѣхалъ къ ней на квартиру, гдѣ вскорѣ и былъ арестованъ. При обыскѣ у него нашли, между прочимъ, два вексельныхъ бланка на сумму 1,000 руб. отъ имени 1-й гильдіи купца Кошкина. На вексельныхъ бланкахъ находилась печать Кошкина. Денегъ этихъ Кошкинъ никогда Каменскову не былъ долженъ. Ему помнится, что, проживая въ Новочеркасскѣ и любя вообще бесѣды съ монахами, онъ какъ-то пригласилъ къ себѣ Каменскова, а послѣ его посѣщенія не стало печати Кошкина. Вызванные въ судъ эксперты констатировали тотъ фактъ, что подписи Кошкина на векселяхъ подложны и схожи съ почеркомъ самаго подсудимаго Каменскова. Отрицая свою виновность, подсудимый заявилъ, что онъ дѣйствительно разсылалъ воззванія отъ имени монастыря „честнаго креста“, но дѣлалъ это не съ преступной цѣлью, а по порученію монаха Веньямина. Подсудимый содержался подъ стражей. Присяжные засѣдатели, на вопросъ о виновности Каменскова въ подлогѣ векселей Кошкина, отвѣтили утвердительно, а на вопросъ о мошенничествѣ дали ему снисхожденіе. Судъ приговорилъ Каменскова къ лишенію правъ и ссылкѣ въ Сибирь въ мѣста не столь отдаленныя. („В. О. Г.“).

— 21-го декабря скончался въ Херсонѣ преосвященный *Далматъ*, епископъ новомиргородскій, викарій херсонской епархіи. Покойный получилъ высшее образованіе въ кievской духовной академіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1859 году со степенью кандидата богословія. Въ теченіи 8 лѣтъ онъ состоялъ на духовно-училищной службѣ въ должности преподавателя духовной семинаріи. Постриженный въ монашество еще до окончанія академическаго курса, въ

1857 году, онъ черезъ 10 лѣтъ (1867 г.) возведенъ былъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ ректоромъ екатеринославской духовной семинаріи. Въ 1882 г. назначенъ епископомъ новомиргородскимъ, первымъ викаріемъ херсонской епархіи. Послѣ незабвеннаго архипастыря Одессы, архіепископа Димитрія, преосвященный Далматъ, управляя херсонскою епархіею, прожилъ только 40 дней. Преждевременная кончина молодого епископа, успѣвшаго заслужить уваженіе духовенства и паствы, произвела на всѣхъ знавшихъ покойнаго крайне грустное впечатлѣніе. („Новое Время“).

— Въ 1885 году исполнится тысячелѣтіе со времени просвѣдательной дѣятельности первоучителей славянскихъ свв. Кирилла и Меодія. „Новости“ пишутъ, что вопросъ о чествованіи тысячелѣтія обсуждается въ совѣтѣ спб. Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви. Предсѣдатель доложилъ, что Славянское Общество, получивъ благословеніе Св. Синода на чествованіе всею Россіею памяти первоучителей въ день тысячелѣтія, занялось обсужденіемъ вопроса о программѣ и характерѣ самаго чествованія. Рѣшено, между прочимъ, объявить конкурсъ на составленіе популярнаго жизнеописанія первоучителей для повсемѣстной даровой раздачи народу, въ количествѣ 100,000 экземпляровъ. Съ разрѣшенія Св. Синода, во всѣхъ церквахъ и соборахъ Россіи въ день юбилея будутъ произнесены проповѣди о значеніи дѣятельности первоучителей, но въ виду того, что не всѣ приходскіе священники, особенно сельскіе, располагаютъ необходимымъ для такой проповѣди матеріаломъ, Славянское Общество обратилось въ совѣтъ съ просьбой составить двѣ или три образцовыя проповѣди, которыя можно было бы отпечатать и разослать во всѣ приходскія церкви. Собраніе постановило обратиться ко всѣмъ духовнымъ лекторамъ общества съ приглашеніемъ исполнить просьбу Славянскаго Общества, къ которой всецѣло присоединяется и совѣтъ.

— 15 декабря исполнилось 300 лѣтъ со дня кончины преподобнаго Трифона, просвѣдателя лопарей и основателя Печенгскаго монастыря, въ Архангельской губерніи, Кольскаго уѣзда. Этотъ монастырь находился въ Печенгской губѣ Сѣвернаго океана, подъ 69½ с. ш. и 31 в. д., и въ XVI столѣтіи производилъ значительную морскую торговлю. „Пет. Вѣд.“ сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету. Преподобный Трифонъ, основатель Печенгскаго монастыря, родился въ 1485 году, въ предѣлахъ Новгородской губерніи, близъ города Торжка, а преставился 15 декабря 1583 г., въ

основанномъ имъ монастырѣ, гдѣ почиваетъ въ настоящее время въ приходской церкви, находящейся на мѣстѣ бывшего монастыря. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ онъ удалился въ поморье Сѣвернаго океана, на рѣку Печеру, гдѣ обитаетъ племя лопарей, язычниковъ. Тогда во всей странѣ, занимавшей площадь въ 500 верстъ въ длину и почти столько же въ ширину, только въ городѣ Колѣ была часовня, церковей же нигдѣ не было. Не мало лѣтъ трудился преподобный Трифонъ на берегахъ рѣкъ Печенги и Позрѣки, проповѣдуя слово Божіе и обращая лопарей въ христіанство. Это обстоятельство побудило его идти въ Великій Новгородъ и испросить отъ архіепископа благословенную грамоту на сооруженіе церкви, которая и была построена во имя св. Троицы. Обитель пр. Трифона сдѣлалась главнымъ разсадникомъ христіанскаго просвѣщенія на далекомъ сѣверѣ. Царь Іоаннъ Грозный далъ особую грамоту преподобному Трифону на владѣніе окрестными землями и водами. Вотъ текстъ этой грамоты: „По усмотрѣнію дѣтей своихъ, царевичей Іоанна и Ѳедора Іоанновичей, пожаловали мы царскаго нашего богомолья отъ Студенаго моря до океана съ мурманскаго рубежа, пресвятыхъ и животворящихъ Троицы Печенгскаго монастыря игумена Гурія съ братією, или кто въ томъ монастырѣ иной игуменъ будетъ, и вмѣсто молебныхъ и панихидныхъ денегъ для ихъ скудости пропитанія въ вотчину—морскими губами: Мотовскою, Лицкою, Урскою, Печенгскою, Позрѣцкою и Невденскою. всякими рыбными промыслами, многими островами, озерами и рѣками, звѣриными ловлями и лопарями“. Грамота эта найдена только теперь; она помѣчена 1556 годомъ. Получивъ грамоту, пр. Трифонъ основалъ въ Варангерскомъ поморѣ и на Мурманѣ рыболовство, звѣроловство, ловлю устриць, соляныя варницы, лѣсные дворы, мельницы, разные заводы и промышленныя суда. Вслѣдствіе этого стали приходить въ Печенгскую гавань иностранныя корабли съ товаромъ, которые получали въ обмѣнъ производства монастырскихъ промысловъ. Кромѣ иноковъ, обывателей, слугъ и дѣтей, въ монастырѣ жили лопари, мельники, разные мастера и звѣроловы. Монастырскія ладьи грузились въ варангерскихъ гаваняхъ не только произведеніями домашнихъ промысловъ, но и нѣмецкими товарами, получаемыми на печенгскомъ торжкѣ, и торговали въ датскихъ заливахъ и далѣе. Сверхъ того, монастырская экономія, за удовольствованіемъ всѣхъ своихъ нуждъ, отпускала ежегодно во внутрь Россіи до 40 т. пудовъ соли, по особой привилегіи, безплатно. Въ Холмогорахъ и Архангельскѣ происходила перегрузка товаровъ съ мор-

скихъ судовъ на рѣчныя, а сбытъ всѣхъ товаровъ былъ производимъ во всѣхъ попутныхъ городахъ, начиная съ Архангельска до Вологды и Ярославля. Нѣкоторые грузы достигали даже Москвы. Такія операціи монастыря потребовали устройства складовъ на всѣхъ главныхъ пунктахъ торговаго пути. Но быстрое развитіе русскаго торговаго мореходства на сѣверѣ не нравилось шведамъ и норвежцамъ. Въ 1590 г., т. е. черезъ 7 лѣтъ по смерти пр. Трифона, въ день Рождества Христова, шведы и норвежцы папали на обитель и избили въ ней молящихся: 51 челов. братіи, 65 челов. послушниковъ, а всего 116 человѣкъ были изрублены, а самый монастырь преданъ огню. Въ 1617 году, при заключеніи столбовскаго мира, шведы успѣли завладѣть русскими землями до предѣловъ монастырскаго владѣнія отъ Гандвана (Червяной губы) до Вересь-Наволока. Впослѣдствіи они захватили и тѣ земли, которыя пожалованы были Печенгскому монастырю и значились въ грамотѣ царя Иоанна Грознаго 1556 года. Въ 1826 году, въ мирное время, тамъ отмежеваны были имъ наши лучшіе, не замерзающіе заливы: Невденскій, Позрѣцкій и Ровдинскій, съ окрестными землями, на которыхъ жили православные лопари. Въ 1844 г. вся эта земля окончательно уступлена Швеціи. Въ настоящее время возникла мысль возстановить Печенгскій монастырь. Съ этою цѣлью въ Архангельскѣ образовался комитетъ, который дѣятельно работаетъ по этому вопросу.

— Въ „St.-Petersburger Zeitung“ сообщаютъ о слѣдующемъ высомомъ и трогательномъ поступкѣ ея величества эллинской королевы: одинъ изъ матросовъ русскаго судна, стоящаго въ Шрейскомъ рейдѣ, тяжело заболѣлъ. Его перенесли въ госпиталь, въ Аѳины, и ему была оказана помощь, какой требовало состояніе его здоровья. Королева Ольга усердно посѣщаетъ благотворительныя заведенія своей столицы и въ особенности госпитали. Поэтому ея величество быстро узнала о присутствіи въ госпиталѣ русскаго матроса, который немедленно сталъ предметомъ ея особой заботливости. Къ несчастію, больной находился въ безнадежномъ состояніи, страдая чахоткой въ послѣдней степени. Королева съ трогательной заботливостью постаралась усладить ему тотъ недолгій промежутокъ времени, который ему осталось прожить. Бѣдный матросъ получалъ изъ королевской кухни тѣ кушанья, которыя ему можно было ѣсть и вообще онъ служилъ предметомъ самаго деликатнаго вниманія. Однажды королева спросила его, имѣтъ-ли у него какого нибудь особеннаго желанія и что она будетъ рада исполнить его. У матро-

са дѣйствительно было одно горячее желаніе, исполненіе котораго въ его печальномъ положеніи было бы для него верхомъ счастія, а именно увидѣться въ послѣдній разъ съ своей старушкой — матерью; но объ этомъ, естественно, нечего было и думать, такъ какъ мать его жила въ глубинѣ Эстляндіи... Спустя нѣсколько времени престарѣлая эстляндская крестьянка была въ аонскомъ госпиталѣ и обнимала своего сына. Можно представить себѣ радость и умиленіе бѣднаго больного, и всѣ, которымъ извѣстенъ патриархальный характеръ семейной жизни эстляндскихъ крестьянъ, поймутъ счастье—увы, слишкомъ короткое—этой матери и сына, которые вдругъ такъ неожиданно свидѣлись. Дѣйствительно, это счастье длилось очень недолго, потому что черезъ нѣсколько дней больной испустилъ послѣднее дыханіе, но его завѣтнѣйшее желаніе было исполнено: онъ умеръ на рукахъ своей матери. — Когда матросъ осмѣлился признаться королевѣ въ своемъ желаніи, по его словамъ — къ несчастію неосуществимомъ, но которое его такъ мучило, ея величество тотчасъ-же приказала переправить изъ Эстляндіи въ Аѳины мать больного и такъ какъ престарѣлая крестьянка, натурально, не могла совершить поѣздки одна, то ее провожало одно довѣренное лицо, которое проводило ее и обратно въ Эстляндію.

— Министерствомъ финансовъ сдѣлано распоряженіе о прекращеніи съ 1 января 1884 года взиманія подушной подати съ крестьянъ безземельныхъ, приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ безъ пріемныхъ приговоровъ, а также съ крестьянъ бывшихъ фабричныхъ и заводскихъ. Съ того же срока понижаются оклады подушной подати для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ, а также и для остальныхъ плательщиковъ подушной подати въ губерніяхъ: Самарской, Смоленской и Новгородской (за исключеніемъ Боровицкаго и Череповецкаго уѣздовъ); въ Торопецкомъ, Великолуцкомъ и Холмскомъ уѣздахъ Псковской губерніи; во Мглинскомъ и Суражскомъ уѣздахъ, Черниговской губерніи; въ Варнавинскомъ и Ветлужскомъ уѣздахъ, Костромской губерніи, и въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи — на половину оклада, а для всѣхъ остальныхъ плательщиковъ повсемѣстно на одну десятую часть оклада.

— Горный Департаментъ представилъ недавно въ Государственный Совѣтъ, какъ сообщаютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, подробную вѣдомость о количествѣ дѣйствительно добытаго золота въ отечественныхъ рудахъ въ теченіе истекшаго года. Изъ вѣдомости

этой видно, что въ восточной Сибири добыто: 1) въ Олекминскомъ округѣ 667 пудовъ 22 фунта и 23 золотника; 2) въ Амурской области — 293 пуда 39 фунтовъ и 43 золотника, и 3) въ остальныхъ округахъ, за исключеніемъ Верхнеудинскаго и Баргузинскаго — 217 пудовъ 18 фунтовъ и 85 золотниковъ. Въ Западной Сибири — 12 пудовъ 28 фунтовъ 17 золотниковъ и на Уралѣ — 189 пудовъ 30 фунтовъ и 85 золотниковъ. Всего-же добыто въ прошломъ году золота 1,342 пуда, съ которыхъ одна подать доставила Государственному Казначейству дохода около двухъ милліоновъ рублей.

— Благодаря тому важному обстоятельству, что департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, въ послѣднія десять лѣтъ, особенно заботится о предоставленіи землевладѣльцамъ возможности пріобрѣтать на выгодныхъ условіяхъ улучшенныя земледѣльческія орудія и машины, эти послѣднія все болѣе и болѣе распространяются въ хозяйствахъ нашихъ землевладѣльцевъ, а вслѣдствіе того съ каждымъ годомъ замѣтно возрастаетъ и ихъ внутреннее производство. въ особенности въ послѣднее время. Такъ, на примѣръ, въ 1876 году было въ Россіи всего только 203 механическихъ заведенія, приготовляющихъ сельско-хозяйственныя машины и орудія, съ годовымъ производствомъ на 2.374,782 руб., тогда какъ въ 1881 году, т. е. спустя пять лѣтъ, число такихъ заведеній возросло до 3800 (или увеличилось болѣе чѣмъ въ полтора раза), а сумма годового производства достигла слишкомъ четырехъ милліоновъ рублей. При этомъ, какъ оказывается изъ свѣдѣній названнаго департамента, особеннаго вниманія заслуживаетъ то важное обстоятельство, что въ послѣднее время улучшенныя сельско-хозяйственныя орудія и машины все болѣе и болѣе распространяются и въ крестьянскихъ хозяйствахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи возникаетъ кустарное ихъ производство.

— Въ засѣданіи третьяго отдѣленія вольнаго экономическаго общества, состоявшемся въ субботу, 17 декабря, выслушанъ докладъ г. Котельникова по вопросу „о страхованіи полей отъ градобитія и другихъ непредотвратимыхъ бѣдствій“. Вопросъ этотъ, по мнѣнію докладчика, вовсе не такъ простъ, какъ можетъ показаться незнакомымъ съ условіями земледѣлія, такъ что принципъ страхованія даже въ Германіи, не смотря на развитіе тамъ этого дѣла, еще не приведенъ въ твердыя нормы. Сравнивая условія страхованія полей въ Россіи и Германіи, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что во всей Россіи, за исключеніемъ Остзейскаго края,

сумма всѣхъ страхованій составляетъ $\frac{1}{4}$ ‰ стоимости посѣвовъ; если считать ихъ по самому умѣренному расчету на 5 миллиардовъ рублей въ 1882 году. Между тѣмъ, въ Германіи въ томъ же году застраховано посѣвовъ на 1,838 милліоновъ марокъ т. е. на 35‰ стоимости всѣхъ посѣвовъ, исчисляемыхъ въ 5,200 милл. марокъ. Докладчикъ высказался въ пользу образованія коммисіи свѣдущихъ лицъ для разработкѣ проекта страхового учрежденія такого общаго типа, какой будетъ признанъ наиболѣе соотвѣтствующимъ цѣли. При этомъ большинствомъ членовъ высказано желаніе, чтобы нормальный уставъ былъ основанъ не на взаимно-добровольномъ страхованіи, въ которомъ принимаютъ участіе одни землевладѣльцы, а на взаимно-обязательномъ, къ которому будутъ привлечены всѣ земскія силы, не исключая крестьянъ. („Пет. Вѣд.“).

— „Южн. Край“ передаетъ, что государственный совѣтъ, согласно ходатайству министра государственныхъ имуществъ, утвердилъ недавно ассигнованіе изъ средствъ государственнаго казначейства 234.450 руб. на содержаніе низшихъ земледѣльческихъ училищъ въ имперіи, при чемъ общая сумма распределена слѣдующимъ образомъ между отдѣльными школами: а) горецкому училищу—38,574 руб.; б) на содержаніе харьковскаго земледѣльческаго училища—32,986 руб.; в) казанскому училищу—37,186 руб.; г) маріинскому училищу—36,736 руб.; д) на содержаніе уманскаго училища—38,163 руб. Кромѣ того разрѣшено отпустить изъ общегосударственныхъ средствъ: 1) на содержаніе при горецкомъ земледѣльческомъ училищѣ—землемѣротакаторскихъ классовъ и ремесленнаго училища—8,535 руб.; 2) на содержаніе маріино-городской сельско-хозяйственной школы—5,250 р.; 3) на содержаніе успенской сельско-хозяйственной школы съ фермой и конскими заводами—12,000 руб. и 4) на выдачу учителямъ сельско-хозяйственныхъ школъ наградъ—9,888 руб. Въ вышеупомянутую общую цифру, ассигнованную государственнымъ совѣтомъ, не входятъ одновременно разрѣшенныя суммы на содержаніе фермъ при упомянутыхъ школахъ, а именно горецкой фермы—11,415 р., харьковской—8,538 руб., казанской—5,238 руб. и маріинской—6,030 руб.

— Одно изъ самыхъ ужасныхъ золъ для крестьянскаго сословія, какъ извѣстно, составляютъ пожары, господствующіе въ деревняхъ и селахъ ежегодно, начиная съ весны и до поздней осени. Такъ называемый красный пѣтухъ, истребляя зачастую цѣлыя селенія, оставляетъ безъ крова и хлѣба цѣлыя десятки семействъ. Этому

бѣдствію, повторяющемуся изъ года въ годъ, не въ состояніи помочь ни взаимное страхованіе крестьянскихъ имуществъ, ни правительственныя пособія и частная благотворительность. Придумывая различныя средства къ уменьшенію или ослабленію случаевъ пожаровъ въ деревняхъ и селахъ, земства различныхъ губерній представили свои проекты, въ которыхъ предлагаютъ различныя мѣры къ уменьшенію числа пожаровъ и ослабленію ихъ послѣдствій для крестьянскаго населенія. Нынѣ по словамъ „Южн. Кр.“, министерство внутреннихъ дѣлъ, разсмотрѣвъ всѣ проекты и записки по пожарному вопросу, остановилось на мысли, что наилучшимъ средствомъ къ предупрежденію пожаровъ можетъ служить только установленіе разумныхъ и удобоисполнимыхъ обязательныхъ правилъ для предохраненія деревень отъ несчастныхъ случаевъ. Съ этою цѣлью, предполагается издать новыя постановленія, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему: 1) къ необходимости учредить почтовыя станціи, въ каждой волости по одной, и при томъ не иначе, какъ въ самомъ центрѣ волости; каждая пожарная станція должна быть снабжена двумя заливными трубами и всѣми необходимыми инструментами. 2) Такъ какъ пожары одинаково губельно отзываются на всѣхъ членахъ крестьянскихъ обществъ, то наблюденіе за пожарными инструментами на станціяхъ и въ селеніяхъ и распоряженіе при тушеніи пожаровъ предполагается предоставить волостнымъ сходамъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе выбирали изъ своей среды особыхъ пожарныхъ старостъ изъ людей трезвыхъ и хорошаго поведенія, по два и по три человѣка на каждую станцію. 3) На этихъ же старостъ предполагается возложить обязанность по надзору въ селеніяхъ за точнымъ исполненіемъ правилъ предосторожности отъ огня, а такъ какъ исполненіе обязанностей старосты отвлечетъ избранныхъ въ эти должности отъ собственнаго ихъ хозяйства, то проектируется назначить имъ въ опредѣленномъ размѣрѣ вознагражденіе. 4) Во всѣхъ селеніяхъ учредить ночные караулы, а въ рабочее время—и дневные, и 5) въ виду того, что наибольшая опасность отъ пожаровъ въ деревняхъ происходитъ отъ того, что крестьянскія избы построены другъ подлѣ друга, то вмѣняется въ обязанность мѣстнымъ властямъ наблюдать, чтобы при возобновленіи построекъ послѣ пожаровъ, а равно и при новыхъ сооруженіяхъ, были соблюдены разрывы между отдѣльными постройками въ 4—8 сажень, а расширеніе улицъ въ 8—10 саж.

Для организаціи пожарныхъ станцій на первыхъ порахъ, мини-

стерство внутреннихъ дѣлъ явится съ матеріальной поддержкой, а при дальнѣйшей практикѣ вышеупомянутыя правила войдутъ въ составъ новаго пожарнаго устава и сдѣлаются обязательными для всѣхъ сельскихъ обществъ.

— Изъ Константинополя, по словамъ „Гражданина“, получены печальныя и вмѣстѣ тревожныя вѣсти. Вселенскій патріархъ Іоакимъ III слагаетъ съ себя свой высокій санъ, вслѣдствіе нарушенія Высокою Портою правъ и привилегій вселенской православной Церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались новыя затрудненія съ Портою и у іерусалимскаго патріарха. Ограничиваютъ его юрисдикцію въ томъ объемѣ, какъ она признавалась искони еще съ халифа Омара. Надо полагать, что Порты въ настоящее время находится подъ вліяніемъ какихъ-то навѣтовъ, враждебныхъ православію вообще и Россіи въ особенности. Повидимому надѣются, что миролюбивая политика русскаго кабинета, которую теперь такъ восхваляютъ и такъ высоко цѣнятъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, не дозволитъ намъ поддерживать слишкомъ энергично патріарховъ вселенскаго и іерусалимскаго, и, такимъ образомъ, не трудно будетъ подорвать обаяніе Россіи среди православныхъ, не только на Балканскомъ полуостровѣ, но и на Востокѣ.

Посмотримъ, каковы именно привилегіи православной Церкви въ Турціи и какія мѣры вызвали настоящія недоразумѣнія и борьбу, возникшую теперь съ давно небывалою силою.

Права и привилегіи вселенской патріархіи такъ-же древни, какъ и самое владычество турокъ въ Европѣ. Магометъ II, послѣ завоеванія Царьграда, пригласилъ грековъ возвратиться въ Царьградъ, обѣщая имъ полную неприкосновенность ихъ имуществъ и свободное отправление ихъ богослуженія. Онъ созвалъ всѣхъ духовныхъ и мірянъ христіанъ, какіе тогда только случились въ завоеванной имъ столицѣ, и предложилъ имъ выбрать себѣ патріарха по древнимъ обычаямъ и законамъ ихъ Церкви. Лѣтопись говоритъ, что могучій завоеватель самъ присутствовалъ при выборѣ главы греческой Церкви, которому передалъ даже пастырскій жезлъ, весь осыпанный брилліантами, и достопамятный берать (грамоту), которою не только подтверждались, но которою и увеличивались права и привилегіи, которыми греки пользовались при византійскихъ императорахъ. Магометъ торжественно призналъ патріарха главою всѣхъ православныхъ христіанъ въ Оттоманской имперіи не только въ религіозныхъ, но въ политическихъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Греки сохранили православные храмы, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, какъ св. Софія и др., преобразованныхъ въ турецкія

мечети. Они сохранили право свободнаго богослуженія и самоуправленія, образовавъ такимъ образомъ обширную и совершенно отдѣльную греческую общину во главѣ которой находился патріархъ со своимъ синодомъ. Всѣ дѣла гражданскія и бракоразводныя, всѣ процессы по духовнымъ завѣщаніямъ и по наслѣдству вѣдались судомъ, составленнымъ изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ патріархіи, судомъ, который имѣлъ право приговаривать виновныхъ изъ православныхъ даже къ тюремному заключенію, и къ другимъ, но тогдашнему строгимъ, наказаніямъ. Турецкія высшія власти обязаны были содѣйствовать приведенію въ исполненіе такихъ рѣшеній вселенскихъ патріарховъ, равно какъ и рѣшеній епархіальныхъ архіепископовъ и епископовъ. Святѣйшій синодъ при патріархіи былъ верховнымъ совѣтомъ, который завѣдывалъ доходами церкви и общины. Каждый архіерей въ своей епархіи имѣлъ такія же права, и наконецъ приходскіе православные священники вѣдали гражданскія дѣла своихъ прихожанъ. Такія греческія общины имѣли право надзора надъ своими училищами, программами преподаванія, надъ учебными книгами, средствами и надъ учителями.

Каждая такая община имѣла свое самоуправленіе; выборныя отъ общины власти одною изъ главныхъ своихъ обязанностей имѣли правильное распредѣленіе между жителями государственныхъ налоговъ. Но не одни греки были подчинены бератомъ Магомета II вселенскому константинопольскому патріарху, а и всѣ народности, исповѣдовавшія православную вѣру и подпавшія Оттоманской власти, подчинены были турками духовной и свѣтской власти патріарха. Слѣдствіемъ такого порядка вещей было то, что рядомъ съ властью завоевателя—главы государства—возникла въ Константинополѣ другая, совершенно закопная власть, обнимавшая всю имперію.

Но султанъ Магометъ дѣлалъ все это не изъ одного лишь чувства справедливости, гуманности или вѣротерпимости. Мудрость и прозорливость его видѣли, что въ патріархѣ онъ получаетъ гарантію вѣрнопопданства и преданности благодарныхъ христіанъ. Онъ облекъ патріарха поэтому такимъ авторитетомъ и такими широкими полномочіями, что, вслѣдствіе ихъ, онъ сдѣлался еще болѣе отвѣтственнымъ за православныхъ разныхъ народностей своей паствы.

Можно смѣло назвать эти первоначальныя грамоты добровольными договорами Магомета со всѣми подъ его скиптромъ находящимися народностями, и такіе договоры имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ обыкновенныя султанскіе фирманы или бераты, такъ какъ на ихъ основаніи образовалось извѣстнаго рода государствен-

ноправное отношеніе между оттоманскими владыками съ одной стороны и между подвластными имъ православными христіанами. Это съ теченіемъ столѣтій все болѣе развивалось и укрѣплялось *).

Вслѣдствіе того, строго говоря, было весьма естественно, что всѣ бераты, даваемые при назначеніи новыхъ патріарховъ, всегда содержали такое подробное исчисленіе всѣхъ привилегій православной Церкви, съ исчисленіемъ и обязательствъ патріарха относительно султана.

Такая двойственная автономія православныхъ и ихъ главы — патріарха, была признаваема всегда въ самыя тревожныя и бурныя времена, даже въ самыя неблагопріятныя для христіанъ вообще. Патріархи всегда бывали посредниками между султанами и его православными подданными; на нихъ султаны нерѣдко смотрѣли какъ на самое могущественное подспорье въ рукахъ правительственной власти. Порта всегда держалась такого взгляда касательно православныхъ христіанъ въ своей имперіи.

Царижскій миръ 1856 года торжественно закрѣпилъ права и привилегіи православной Церкви и вселенскаго патріарха, какъ они были добровольно признаны султаномъ Абдуль-Меджидомъ въ извѣстномъ его хатти-хумаюнѣ.

Берлинскій миръ также ссылается въ 9-ой статьѣ на хатти-хумаюнъ, опредѣляющій привилегіи христіанскихъ общинъ въ Оттоманской имперіи, устраняя отъ нихъ лишь покровительство одной Россіи и поставляя подъ общее покровительство всѣхъ европейскихъ великихъ державъ, какъ это и оставалось въ полномъ дѣйствиіи до нашихъ дней. Если бы Порта понимала свой собственный интересъ, то она бы строго держалась источника привилегій вселенской патріархіи и защищала бы, гдѣ только можно, права патріархіи. Порта всегда дорого платилась, какъ извѣстно, когда задумывала ограничивать въ чемъ нибудь эти права и привилегіи. И вотъ, благодаря наущеніямъ враговъ православія, задумала теперь огра-

*) Права и преимущества патріархіи въ прежнихъ бератахъ (грамотахъ) были слѣдующія: Ст. 23: „Если папа или судья жалуется на митрополита, архіепископа или епископа, который зависитъ отъ патріарха, и требуетъ его увольненія, то такой приговоръ не можетъ быть дѣйствительнымъ, пока патріархъ и его синодъ не разобралъ дѣла. Если-бы даже султанскій фирманъ, безъ печатя патріарха и синода — былъ обнародованъ, то и онъ остается недѣйствительнымъ.

Ст. 25: „Гражданскія жалобы противъ патріарха и его митрополитовъ и другихъ уполномоченныхъ могутъ быть поданы только въ Стамбултъ.

Ст. 36: „Духовные чины и христіанскіе священники могутъ быть арестуемы только по распоряженію патріарха“.

ничить исконныя эти права, повидимому даже частью или вполне уничтожить и отмѣнить ихъ.

Такъ процессы православныхъ въ Турціи по завѣщаніямъ и наслѣдству рѣшались всегда въ первой и послѣдней инстанціи духовными судами, существующими при патріархатѣ и епархіяхъ. Теперь отмѣняютъ это, и апелляціи на рѣшенія духовныхъ судовъ будутъ приноситься въ гражданскіе турецкіе суды. Такимъ образомъ, въ будущемъ совсѣмъ устранится компетенція духовныхъ судовъ. Это же касается гражданскихъ споровъ между епископами и остальнымъ духовенствомъ.

До сихъ поръ патріарху и православнымъ общинамъ принадлежалъ исключительно надзоръ надъ своими училищами, ихъ устройствомъ и ихъ учителями. Великій визирь поставилъ теперь для этого своего начальника, который одобряетъ или отмѣняетъ учебную программу, учебники, дипломы учителей и даже закрываетъ училища, по своему усмотрѣнію.

Архіепископы и епископы имѣли до сихъ поръ мѣсто и голосъ въ областныхъ совѣтахъ (меджлисахъ), въ которыхъ они могли защищать и представлять интересы своихъ единовѣрцевъ. Теперь и это отмѣнено, и православные іерархи лишены наблюденія за интересами своихъ единовѣрцевъ.

Съ послѣднихъ лѣтъ, когда введена въ Турціи судебная реформа, великій визирь энергически принялся хлопотать объ ограниченіи и даже совершенной отмѣнѣ привилегій не только православной Церкви, но и вселенскаго патріарха и болгарскаго экзарха.

По приказанію великаго визиря, султанскіе бераты (грамоты) которыми утверждаются новые митрополиты и епископы, составляются теперь такимъ образомъ, что о привилегіяхъ по отношенію къ гражданской власти и объ управленіи учебною частью не упоминается ни одномъ словомъ. Вселенскій патріархъ Іоакимъ III составилъ и отправилъ въ Порту обширную записку, въ которой послѣдовательно, исторически-подробно привелъ всѣ акты и фирманы, начиная съ Магомета II, доказавъ законныя права патріаршаго престола на управленіе греческими и вообще православными общинами и школами.

Министръ юстиціи Ассимъ-паша, чтобы доказать невозможность вмѣшательства епископовъ въ гражданскія дѣла, приводитъ цѣлый перечень введенныхъ за послѣдніе три года реформъ въ Турецкой имперіи. Теперь нельзя и говорить о какихъ-то исключительныхъ правахъ христіанъ, когда во всей Оттоманской имперіи вве-

дена всеобщая равноправность. Давал такой отвѣтъ лично патріарху Іоакиму, турецкій министръ однако былъ остороженъ и не далъ письменнаго отвѣта.

Этотъ прискорбный споръ патріарха съ турецкими министрами тянется уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, безъ всякаго положительнаго результата, но съ великимъ ущербомъ для церковнаго управленія. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій синода патріархин рѣшено было просить окончательнаго отвѣта, не торопиться пока назначеніемъ новыхъ епископовъ и митрополитовъ на вакантныя мѣста и не отправлять назначенныхъ уже раньше въ ихъ епархіи, пока отвѣтъ на записку не будетъ данъ въ благопріятномъ смыслѣ.

Такая настойчивость синода заставила наконецъ Порту, мѣсяць тому назадъ, дать отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ отъ 26-го (14-го) ноября сказано, что совѣтъ министровъ, послѣ долгаго и всесторонняго разсмотрѣнія записки, все-таки не можетъ найти никакого повода взять назадъ распоряженіе относительно новыхъ правилъ бератовъ. Реформы въ турецкой юстиціи сдѣлали-де привилегіи православныхъ христіанъ излишними.

Патріархъ Іоакимъ, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтилъ на это, что онъ, синодъ и свѣтскій совѣтъ, въ качествѣ охранителей древнихъ правъ православной Церкви въ Турціи, никакъ не можетъ допустить ихъ ограниченія или отмѣны, и предпочитаетъ оставить свой престолъ, чѣмъ согласиться на такія насильственныя правонарушенія.

И вотъ былъ сообщенъ синоду отвѣтъ Порты. Синодъ, вполне раздѣляя мнѣніе своего патріарха, присоединился къ его рѣшенію и заявилъ готовность оставить свой постъ, если Порта своимъ упорствомъ и грубымъ нарушеніемъ законныхъ привилегій сдѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее управленіе церковными дѣлами. Далѣе рѣшено было: обнародовать всѣ акты, касающіеся этого вопроса, и предоставить народному совѣту обсудить положеніе дѣлъ. Совѣтъ былъ созванъ 5-го (17-го) января.

Дѣло это (въ половинѣ ноября) обращало на себя общее вниманіе, и въ Портѣ происходили по этому поводу частыя и серьезныя совѣщанія, равно какъ и въ Фанарѣ, гдѣ живетъ патріархъ. Совѣтъ, министровъ старался отклонить патріарха отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Порта все медлила съ своимъ отвѣтомъ на записку патріарха, опасаясь представленій со стороны русскаго посла г. Нелидова и англійскаго, лорда Дюфферена, которые обѣщали патріарху свою поддержку на основаніи пирижскаго и берлинскаго до-

говоровъ, противъ которыхъ Портѣ было бы весьма трудно бороться.

Но турецкія власти пока безцеремоннѣйшимъ образомъ поступаютъ въ этомъ отношеніи. До 50 рѣшеній патріаршаго суда было обжаловано въ турецкомъ судѣ. Апелляціи шли отъ самихъ грековъ, недовольныхъ почему либо этими рѣшеніями. Это произвело само собою тяжелое впечатлѣніе.

На народномъ совѣтѣ 11-го (23) ноября рѣшено отъ Порты просить отвѣта, выражая при этомъ убѣжденіе, „что права, которыя теперь намѣревались измѣнить, именно и составляютъ крѣпкую связь, соединяющую православную Церковь и грековъ съ имперіею. Безъ серьезныхъ послѣдствій эта связь не можетъ быть нарушена. Совѣтъ надѣется, что Порта опять возстановитъ status quo ante, который сохранялъ такъ долго ихъ Церковь въ добрыхъ отношеніяхъ къ власти“.

Послѣ этого собранія по Константинополю стали ходить самыя тревожныя слухи, которые телеграфъ передалъ въ православныя области имперіи. Можно смѣло сказать: что весь православный міръ тамъ взволнованъ этими событіями. Думаютъ, что патріархъ и синодъ изъ Константинополя переѣдутъ въ Аѣины и ни буквы прежнихъ правъ не могутъ уступить Портѣ.

Къ этому присоединилось еще новое затрудненіе. Іерусалимскій патріархъ Никодимъ получилъ отъ Порты берать уже въ новой редакціи, который онъ послалъ назадъ Портѣ, съ просьбою послать ему берать въ прежней формѣ, какая обычна со временъ халифа Омара. Порта хотя и знаетъ, что іерусалимскій патріархъ имѣетъ силу въ Россіи, до сихъ поръ не удовлетворила его святѣйшество, и Сандъ-паша, къ сожалѣнію, повидимому намѣревается привести дѣло съ патріархатомъ къ полному разрыву.

36-й ТИРАЖЪ 1-го ВНУТРЕННЯГО СЪ ВЫИГРЫШАМИ, ЗАЙМА ПРОИЗВЕДЕННЫЙ 2-го СЕГО ЯНВАРЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

№ № серій.	№ билет.	Сумма.	№ № серій.	№ № билет.	Сумма.	№ № серій.	№ № билет.	Сумма.	№ № серій.	№ № билет.	Сумма.
5,303	23	200,000	15,172	21	8,000	4,778	48	12,317	24		
11,217	6	75,000	19,064	28	8,000	18,352	40	11,616	9		
8,149	35	40,000	15,628	7	5,000	6,932	42	2,599	15		
962	34	25,000	8,651	35	5,000	19,443	16	12,885	21		
18,296	37	10,000	14,704	4	5,000	16,428	16	16,894	3		
19,384	27	10,000	17,594	33	5,000	7,893	5	2,836	45		
12,609	44	10,000	10,789	18	5,000	17,520	8	15,261	40		
19,173	22	8,000	13,259	11	5,000	5,429	24	12,276	22		
17,856	22	8,000	19,463	6	5,000	10,290	43	19,953	48		
8,841	5	8,000	2,673	28	5,000	11,772	27	4,079	50		

По тысячъ рублей.

По тысячъ рублей.

ВЫИГРЫШИ ПО 500 РУБ. ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ.

№ по пор.	№ сери.	№ билета.	№ по пор.	№ сери.	№ билета.	№ по пор.	№ сери.	№ билета.
41	6472	1	128	17286	18	215	17787	35
42	9333	1	129	18164	18	216	8232	36
43	9650	1	130	2858	19	217	9558	36
44	11367	1	131	3136	19	218	2969	37
45	15586	1	132	6788	19	219	3044	37
46	17186	1	133	8065	19	220	5878	37
47	10537	2	134	9135	19	221	8590	37
48	14136	2	135	9302	19	222	9997	37
49	16749	2	136	19593	19	223	10384	37
50	19642	2	137	3637	20	224	13882	37
51	4262	3	138	8448	20	225	15207	37
52	4774	3	139	16669	20	226	731	38
53	11237	3	140	905	21	227	1736	38
54	11336	3	141	13478	21	228	8960	38
55	11818	3	142	14216	21	229	9048	38
56	16122	3	143	17740	21	230	10687	38
57	18339	3	144	6010	22	231	11303	38
58	977	4	145	7305	22	232	2302	39
59	1577	4	146	9276	22	233	3773	39
60	2585	4	147	11525	22	234	5088	39
61	2948	5	148	13622	22	235	8252	39
62	4995	5	149	481	23	236	6058	40
63	6269	5	150	1416	23	237	6511	40
64	10949	5	151	8270	23	238	8256	40
65	13005	5	152	8365	23	239	9136	40
66	6256	6	153	16445	23	240	14560	40
67	7928	6	154	19280	23	241	16107	40
68	12402	6	155	2608	24	242	16935	40
69	9060	7	156	3300	24	243	18760	40
70	10781	7	157	4422	24	244	4035	41
71	14435	7	158	17486	24	245	5667	41
72	5998	8	159	1372	25	246	9652	41
73	8136	8	160	4177	25	247	10389	41
74	9061	8	161	7640	25	248	15978	41
75	13779	8	162	605	26	249	17271	41
76	133	9	163	6353	26	250	19217	41
77	4322	9	164	9393	26	251	13235	42
78	4941	9	165	16523	26	252	19548	42
79	6277	9	166	17804	26	253	4539	43
80	6488	9	167	853	27	254	11320	43
81	9464	9	168	860	27	255	12648	43
82	9541	9	169	6623	27	256	13217	43
83	11295	9	170	12633	27	257	18003	43
84	18525	9	171	14611	27	258	1085	44
85	5321	10	172	2145	28	259	3605	44
86	8768	10	173	4529	28	260	3654	44
87	13207	10	174	5679	28	261	5093	44
88	15619	10	175	7275	28	262	5317	44
89	15950	10	176	7646	28	263	14515	44
90	18909	10	177	9246	28	264	15526	44
91	3864	11	178	9493	28	265	15866	44

№ по пор.	№ сери.	№ билета.	№ по пор.	№ сери.	№ билета.	№ по пор.	№ сери.	№ билета.
92	5282	11	179	14063	28	266	442	45
93	14368	11	180	19590	28	267	8128	45
94	18796	11	181	5192	29	268	14228	45
95	9994	12	182	6998	29	269	6108	46
96	563	13	183	13580	29	270	6454	46
97	3026	13	184	14956	29	271	9893	46
98	7610	13	185	15025	29	272	17667	46
99	10510	13	186	15550	29	273	1166	47
100	12282	13	187	3257	30	274	3991	47
101	471	14	188	4053	30	275	4961	47
102	3276	14	189	5613	30	276	7546	47
103	11849	14	190	7283	30	277	11298	47
104	16399	14	191	12079	30	278	13177	47
105	17021	14	192	10129	31	279	17961	47
106	2337	15	193	12483	31	280	3825	48
107	2736	15	194	17862	31	281	5968	48
108	4654	15	195	3665	32	282	13272	48
109	14003	15	196	3693	32	283	14373	48
110	15481	15	197	12094	32	284	13222	48
111	3110	16	198	15250	32	285	8420	49
112	4089	16	199	2212	33	286	8759	49
113	6558	16	200	5057	33	287	9602	49
114	9470	16	201	8908	33	288	16424	49
115	12284	16	202	17647	33	289	3767	50
116	14420	16	203	1189	34	290	6390	50
117	18621	16	204	5658	34	291	6792	50
118	3258	17	205	7710	34	292	7301	50
119	5022	17	206	9702	34	293	12466	50
120	7980	17	207	13223	34	294	13085	50
121	14442	17	208	18806	34	295	14162	50
122	16612	17	209	1390	35	296	14333	50
123	17483	17	210	6859	35	297	14362	50
124	3669	18	211	12727	35	298	15639	50
125	5532	18	212	12809	35	299	16818	50
126	10783	18	213	13424	35	300	19159	50
127	14966	18	214	17541	35			

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го апрѣля 1884 года.

Таблица серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенныхъ въ правленіи государственнаго банка, 2 января 1884 года. Нумера серій: 288, 479, 536, 674, 728, 1184, 1337, 1426, 2214, 2708, 3115, 3138, 3708, 3714, 3729, 3761, 3806, 3925, 4476, 4938, 5132, 5416, 6096, 6625, 6672, 6986, 7756, 8458, 8489, 8762, 8912, 9094, 9972, 10297, 10407, 10624, 10639, 10909, 11062, 11258, 11454, 11634, 11786, 11826, 12298, 12525, 12702, 12446, 12870, 13389, 13491, 14284, 14681, 16001, 16133, 16271, 16374, 16599, 16708, 17049, 17073, 17089, 17560, 17841, 17962, 18043, 18061, 18123, 18228, 18257, 18665, 18844, 18742, 19681.

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ВЪ 1884 ГОДУ

будеть издаваться на прежнихъ основаніяхъ.

Православное Обозрѣніе, учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библіографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходитъ ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкою 7 рублей. Подписка принимается въ Москвѣ, у редактора журнала протоіерея при церкви Θεодора Студита, у Никитскихъ воротъ, П. Преображенскаго и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

ВЪ РЕДАКЦИИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ Писанія мужей апостольскихъ, изданныя въ русскомъ переводѣ со введеніями и примѣчаніями къ нимъ свящ. П. А. Преображенскимъ. Цѣна съ пересылкою 2 р.—Кромѣ того:

1) Указатель къ «Православному Обозрѣнію» за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг., составленный П. А. Ефремовымъ. Цѣна Указателя 75 к., съ пересылкою 1 р.

2) Псалтирь въ новомъ славянскомъ переводѣ Амвросія архіепископа Московскаго. Москва 1878 года. Цѣна 50 коп.

3) Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Опытъ историко-критическаго изложенія евангельской исторіи съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени. Свящ. Т. Букевича. Цѣна 3 р. 25 к. съ пересылкою.

4) Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Аеппалора, Оссфила Антиохійскаго, Ермія философа, Мелитона Сардійскаго и Минуція Феликса. Изданіе прот. П. Преображенскаго. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

5) Сочиненія св. Иринея Ліонскаго. I Пять книгъ противъ ересей. II Отрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданіе его же. Цѣна 3 р. съ пересылкою.

6) Христось. Публичныя чтенія Эрнеста Навиля. Москва 1881 года. Цѣна 75 к. съ пересылкою.

7) Теорія древле-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія на основаніи автентическихъ трактатовъ и акустическаго анализа. Сочиненіе Юрія Ариольда. Москва, 1880 г. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

Просимъ обратить особенное вниманіе: желая облегчить пополненіе церковныхъ библіотекъ и библіотекъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства и мищпстерства народнаго просвѣщенія, для коихъ „Православное Обозрѣніе“ рекомендовано учебнымъ начальствомъ, редакція „Православнаго Обозрѣнія“ находитъ возможнымъ доставить подписчикамъ это изданіе за 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 гг. по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: для выписывающихъ его за одинъ какой либо годъ—пять руб.; за два года—семь руб.; за три—десять руб.; за четыре—тринадцать руб.; за пять лѣтъ—пятнадцать руб. съ пересылкою.

Редакторъ прот. П. Преображенскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

НА 1884 ГОДЪ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ)

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной Св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

- 1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.
- 2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.
- 3) Церковныя слова, поученія и другія нравоучительныя произведенія.
- 4) *Разказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.
- 5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.
- 6) Ежемѣсячное *Внутреннее обозрѣніе*.
- 7) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.
- 8) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.
- 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.
- 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*.
- 11) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.
- 12) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.
- 13) *Библиографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.
- 14) *Книжная летопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержания; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.
- 15) Разныя отрывочныя *извѣстія и замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденціи; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургъ шесть рублей; съ пересылкою за границу восемь рублей. Адресовать-ся: въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургѣ (Невскій проспектъ, д. № 167).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ. — А. Пономаревъ. — Е. Прилежаевъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ „ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВѢСТНИКА“

въ 1884 году.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той же цѣли, которую, имѣли и въ истекшемъ десятилѣтіи.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересоватъ его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача „Церковно-Общественнаго Вѣстника“: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ-и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты. ея редакцій и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтнаго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при „Церк. Общ. Вѣстникѣ“ въ 1884 г. будетъ изданъ въ видѣ бесплатнаго приложенія „Календарь для духовенства“, въ которомъ кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства. Видное мѣсто въ немъ на будущій 1884-й годъ займетъ сводъ „Епархіальнаго законодательства“, какъ имѣющаго важ-

ное значеніе для духовенства. Содержаніе этого отдѣла слѣдующее:

- 1) О наставленіи пасомыхъ въ истинахъ вѣры и нравственности.
- 2) О начальныхъ школахъ.
- 3) О духовно-учебныхъ заведеніяхъ.
- 4) О библіотекахъ и книжныхъ складахъ.
- 5) О Богослуженіи и его принадлежностяхъ.
- 6) О совершеніи требоисправленій.
- 7) О веденіи церковныхъ документовъ.
- 8) О построеніи и исправленіи церкви.
- 9) О церковной собственности и ея охраненіи.
- 10) О сборахъ и пожертвованіяхъ.
- 11) О причтѣ,—опредѣленіи на мѣста и перемѣщеніи его членовъ.
- 12) О разныхъ служебныхъ обязанностяхъ и порученіяхъ духовенству.
- 13) Объ отношеніяхъ причтовъ къ предписаніямъ гражданской власти.
- 14) Объ обязанности причтовъ по отношенію къ разнымъ потребностямъ прихожанъ.
- 14) Объ обязанностяхъ причтовъ во время болѣзней въ приходсахъ.
- 16) Объ отпускахъ причта.
- 17) О средствахъ и способахъ содержанія причта.
- 18) О наградахъ и наказаніяхъ причта.
- 19) О пенсіяхъ и вспомоствованіи изъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія.
- 20) О церковныхъ старостахъ и просфорняхъ.

Условія подписки на „Церк.-Общ. Вѣстн.“: на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяць 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 к.

Требованіе на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію „Церковно-Общ. Вѣстника“, въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.
Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная
Г О Д Ъ 10 - й

Выходитъ безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями.—болѣе 700 рисунковъ. Парижскія Моды ежемѣсячно; выкройки и узоры—въ 2 мѣсяца 1 разъ.—Особыми приложеніями—переводныя повѣсти и романы.

ПРЕМИИ: 1) „Крестный Календарь“ 1885 г., на лучшей бумагѣ, разсылается въ концѣ года.—2) Особыя приложенія въ теченіи года,—переводные романы и повѣсти.—3) Альбомъ Коронованія Ихъ Величествъ (въ продажѣ 2 р. безъ пересыл.).

Годовые подписчики подписавшіеся до 1-го Февраля могутъ по требованію, получить бесплатно олеографическую картину—Коронованіе Ихъ Величествъ.

Подписная цѣна: на годъ безъ пересылки 4 р., съ пересыл. 5 р., на 1/2 г. 3 р., на 1 мѣс. 60 к. За границу—на годъ—7 руб. на 1/2 г. 4 руб.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатцука.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или по мѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ ометкомъ страницъ для каждой части. Первые двѣ части составятъ изъ философскаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою листокъ для Харьковской Епархіи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской духовной Семинаріи, въ редакцію „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.